

Научный журнал НАСЛЕДИЕ

№ 1 (26) (2025)

Редакционный совет:

Бороноев А.О. – докт. философ. наук, академик РАЕН, почётный профессор Санкт-Петербургского государственного университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Мангоне Э. – профессор социологии культуры и коммуникации Университета Салерно (Италия), директор Международной исследовательской группы «Нарративы и социальные изменения», редактор журнала «Culture e Studi del Sociale»

Марков В.П. – канд. физ.-мат. наук, доцент, эксперт ГБУ РК «Центр “Наследие” имени Питирима Сорокина»

Николз Л. – профессор социологии департамента социологии и антропологии Университета Западной Виргинии (США)

Рощевский М.П. – академик, советник РАН

Скворцов Н.Г. – докт. социол. наук, профессор, декан факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета

Яковец Ю.В. – докт. экон. наук, профессор, академик РАЕН, президент Международного института Питирима Сорокина – Николая Кондратьева

Редакционная коллегия:

Кузванова О.Ю. – канд. истор. наук, директор ГБУ РК «Центр “Наследие” им. Питирима Сорокина», главный редактор

Учредитель:

ГБУ РК «Центр “Наследие” имени Питирима Сорокина» (г. Сыктывкар)

Адрес редакции:

167000, Республика Коми,
г. Сыктывкар, ул. Советская, 30

Телефакс: +7-8212-201612

тел. +7-8212-201574

www: <http://rksorokinctr.org/>

e-mail: rksorokinctr@mail.ru

Рукописи не возвращаются.

Мнение редакции может не совпадать
с мнением авторов статей.

Перепечатка материалов, размещенных в журнале, допускается только с разрешения редакции.

Чипсанова Е.А. – заместитель директора ГБУ РК «Центр “Наследие” им. Питирима Сорокина», ответственный секретарь

Члены редколлегии:

Буланова М.Б. – докт. социол. наук, зав. кафедрой теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета, профессор

Жеребцов И.Л. – докт. истор. наук, директор ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН

Зюзов Н.Ф. – докт. философ. наук, ассоциированный научный сотрудник СИ РАН – филиала ФНИСЦ РАН

Кузнецова Т.Л. – канд. филол. наук, зав. сектором литературоведения ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН

Ломоносова М.В. – канд. социол. наук, доцент кафедры теории и истории социологии Санкт-Петербургского государственного университета

Савельева Э.А. – докт. истор. наук, главный научный сотрудник ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН

Сергиева Н.С. – докт. филол. наук, профессор кафедры менеджмента и маркетинга Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина

Теребихин В.М. – канд. философ. наук, эксперт ГБУ РК «Центр “Наследие” имени Питирима Сорокина»

На обложке: Церковь на Никольском кладбище
Александровской лавры

Оригинал-макет подготовлен в ООО «Анбур»

Отв. за выпуск В.И. Трошева

Верстка – С.И. Оверин. Корректор Г.Г. Оверина

Подписано в печать 29.08.2025. Формат 70×100^{1/16}.

Усл. печ. л. 14,19. Тираж 300 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета в полном соответствии с качеством предоставленных материалов
в ООО «Коми республиканская типография»

167982, г. Сыктывкар, ул. В. Савина, 81

© ГБУ РК «Центр “Наследие”

имени Питирима Сорокина», 2025

© ООО «Анбур», 2025

ISSN 2312-0517

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	5
----------------------	---

Социокультурная динамика

Круглый стол на тему «Революция и социокультурная динамика П.А. Сорокина (к изданию книги П.А. Сорокина “Революционная публицистика: 1917–1918”)»	8
Хренов Н.А. Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита»: текст и интертекст	41
Ковалёв В.А. Дневник Венатора. Эскизы о конце истории в антиутопии Эрнста Юнгера	57

Из истории социологии

Быков А.С. Социологический анализ механизмов формирования и трансформации коллективной памяти о катастрофах и социальных бедствиях: от социальных рамочек Хальбвакса к культурной памяти Ассман	73
--	----

Имя в контексте эпохи

Русанова В.С. Д.А. Лутохин в коммуникативном пространстве П.А. Сорокина	86
Ковальчук С.Н. «Потемневший от времени снимок...»	95
Антонов В.И. От эстетического творчества до логических умозаключений: мемор-портреты С.С. Гольдентрихта и В.А. Бочарова	106

Научная жизнь

К юбилею профессора В.И. Антонова	115
---	-----

Первые шаги в науке

Журавлева Е.А. Коммеморативные практики как инструмент сохранения исторической памяти о деятелях российской науки, захороненных на Никольском кладбище Александро- Невской лавры	117
---	-----

Из научного наследия

Бринтон К. Социо-астрология	129
Сорокин П.А. Историконика	148
Сапов В.В. Последняя статья Питирима Сорокина	157
Сорокин П.А. Иллюзии и самообольщения современного человека	160
Сведения об авторах	173

HERITAGE

Scientific magazine

№ 1 (26) (2025)

Editorial council:

Boronoyev A.O. – doctor of philosophy, academician of the Russian Academy of Natural Sciences, honorary professor of the St. Petersburg State University, honored worker of science of the Russian Federation

Mangone E. – associate professor in sociology of culture and communication of the University of Salerno (Italy), director of the Narratives and Social Changes-International Research Group, editor of the Journal «Culture e Studi del Sociale»

Markov V.P. – candidate of physics and mathematics, associate professor, expert of the State Budget Organization of the Komi Republic «Center “Nasledie” after Pitirim Sorokin»

Nikolz L. – professor in sociology of the Department of Sociology and Anthropology of the West Virginia University (USA)

Roshchevsky M.P. – academician, the adviser of the Russian Academy of Sciences

Skvortsov N.G. – doctor of sociology, professor, dean of the faculty of sociology of St. Petersburg State University

Yakovets Yu.V. – doctor of economics, professor, academician of the Russian Academy of Natural Sciences, president of the International Institute of Pitirim Sorokin – Nikolay Kondratyev

Editorial board:

Kuzivanova O.Yu. – candidate of history, director of the State Budget Organization of the Komi Republic «Center “Nasledie” after Pitirim Sorokin», editor-in-chief

Chipsanova E.A. – deputy director of the State Budget Organization of the Komi Republic «Center “Nasledie” after Pitirim Sorokin», executive secretary

Associate editors:

Bulanova M.B. – doctor of sociology, head of the department of theory and history of sociology of the Russian State Humanitarian University, professor

Zherebtsov I.L. – doctor of history, director of the Institute of Language, Literature and History of the Federal Research Center of the Komi Scientific Center of the Ural office of the Russian Academy of Sciences

Zyuzev N.F. – doctor of philosophy, associate researcher of the Sociological Institute of the Russian Academy of Science – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Kuznetsova T.L. – candidate of philology, sector chief of literature of the Institute of Language, Literature and History of the Federal Research Center of the Komi Scientific Center of the Ural office of the Russian Academy of Sciences

Lomonosova M.V. – candidate of sociology, associate professor of the department of theory and history of sociology of the St. Petersburg State University

Savelyeva E.A. – doctor of history, chief researcher of the Institute of Language, Literature and History of the Federal Research Center of the Komi Scientific Center of the Ural office of the Russian Academy of Sciences

Sergiyeva N.S. – doctor of philology, professor of the Department of management and marketing of the Syktyvkar State University after Pitirim Sorokin

Terebikhin V.M. – candidate of philosophy, expert of the State Budget Organization of the Komi Republic «Center “Nasledie” after Pitirim Sorokin»

CONTENTS

Editorial	5
-----------------	---

Sociocultural dynamics

“Round table” «Revolution and socio-cultural dynamics of P.A. Sorokin (for the publication of the book by P.A. Sorokin “Revolutionary publicism of 1917–1918”)»	8
<i>Hrenov N.A.</i> Mikhail Bulgakov’s novel «The Master and Margarita»: text and intertext.....	41
<i>Kovalev V.A.</i> The diary of Venator. Sketches about the end of history in Ernst Junger’s dystopia.....	57

History of sociology

<i>Bykov A.S.</i> Sociological analysis of the mechanisms of formation and transformation of collective memory about catastrophes and social disasters: from Halbwachs’s social frameworks towards Assmann’s cultural memory	73
--	----

Name in the context of an epoch

<i>Rusanova V.S.</i> D.A. Lutokhin in the communicative space of P.A. Sorokin	86
<i>Kovalchuk S.N.</i> «Darkened from time to time shot...»	95
<i>Antonov V.I.</i> From aesthetic creativity to logical conclusions: memorable portraits of S.S. Goldentricht and V.A. Bocharov.....	106

Scientific life

On the anniversary of professor V.I. Antonov	115
--	-----

First steps in science

<i>Zhuravleva E.A.</i> Commemorative practices as a tool for preserving the historical memory of figures of Russian science buried at the Nikolskoe Cemetery of the Alexander Nevsky Lavra	117
--	-----

From scientific heritage

<i>Brinton C.</i> Socio-astrology.....	129
<i>Sorokin P.A.</i> Historionics	148
<i>Sapov V.V.</i> The last article by Pitirim Sorokin.....	157
<i>Sorokin P.A.</i> Illusions and Self Deceptions of Modern Man	160
Authors	173

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Уважаемые читатели!

5 февраля в Сыктывкаре состоялся круглый стол (Сорокинские чтения) на тему «Революция и социокультурная динамика П.А. Сорокина (к изданию книги П.А. Сорокина “Революционная публицистика: 1917–1918”)». В Сорокинских чтениях приняли участие ученые, эксперты Центра «Наследие», преподаватели Санкт-Петербургского государственного университета, Сыктывкарского государственного университета имени П. Сорокина, молодые исследователи, а также представители исполнительных органов власти республики.

С приветственным словом ко всем присутствующим выступили заведующая сектором анализа и прогнозирования национальных отношений министерства национальной политики Республики Коми М.И. Фролова, проректор по научно-инновационной деятельности Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина Н.Н. Новикова и почетный эксперт Центра «Наследие» В.П. Марков.

Участники поговорили о революционной публицистике и социокультурной динамике П.А. Сорокина (старший научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН В.В. Сапов, заочно), обсудили революционные эффекты исторических цивилизационных сдвигов России (гл. н. с., зав. сектором истории российской социологии, научный руководитель Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН, д.филос.н., профессор В.В. Козловский).

Большой интерес и последующую дискуссию вызвали доклады «Питирим Сорокин о Русской революции 1917 г.: к вопросу об источниках исследования» (доцент Санкт-Петербургского государственного университета, к.социол.н. М.В. Ломо-

Сорокинские чтения

носова), «Революция как “великий уравни- тель” и проблема социальной стратификации у П. Сорокина» (профессор СГУ им. П. Соро- кина, д.полит.н. В.А. Ковалёв).

Присутствующие познакомились с вопро- сами стиля и перевода в полемике Бринтона– Сорокина (профессор СГУ им. П. Сорокина, доктор филологических наук Н.С. Сергиева), рассмотрели заметки П.А. Сорокина в газете «Воля народа» как источники по истории Вели- кой российской революции 1917 г. (доцент СГУ им. П. Сорокина, к.истор.н. В.С. Русанова), за- слушали доклады «П.А. Сорокин о динамике революций в историческом процес- се: к постановке вопроса» (старший преподаватель СГУ им. Питирима Сорокина, к.истор.н. А.А. Кутузова) и «П.А. Сорокин: от исследования причин кризисов к по- пыткам их решения» (аспирант СГУ им. Питирима Сорокина, м.н.с. Международного центра социальных исследований Питирима Сорокина Алихан Али Оглы Мамедов).

10 февраля в Сыктывкарском государствен- ном университете имени П. Сорокина состоя- лись XXXII Февральские чтения, посвященные 80-летию Победы в Великой Отечественной войне. Чтения объединили исследователей в различных областях для подведения научных итогов.

Директор Центра «Наследие» имени П. Со- рокина О.Ю. Кузиванова выступила с привет- ственным словом, посвященным вкладу семьи Сорокиных в поддержку воюющей России в годы Второй мировой войны. Она освети- ла важные аспекты деятельности Питирима и Елены Сорокиных, которые актив- но участвовали в работе Фонда помощи воюющей России. Этот фонд был основан в Соединенных Штатах Америки во время Второй мировой войны с целью оказания советскому народу гуманитарной помощи и сбора пожертвований для него. Благо- даря активному участию в работе фонда Сорокины смогли реализовать свое стрем- ление помочь как можно большему числу людей на своей Родине в трудные годы войны. Их усилия стали важным вкладом в общую борьбу против фашизма и под- держали многих, кто нуждался в помощи в это тяжелое время.

Настоящий номер журнала «Наследие» открывается рубрикой «Социокультурная динамика». Здесь размещен материал круглого стола (Сорокинских чтений), кото- рый состоялся 5 февраля 2025 г., на тему «Революция и социокультурная динамика П.А. Сорокина (к изданию книги П.А. Сорокина “Революционная публицистика: 1917–1918”»).

Статья Н.А. Хренова посвящена интерпретации романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита», в которой автор расшифровывает символическое содержание романа через гностическую идейную традицию.

Сорокинские чтения.
Н.С. Сергиева, В.А. Ковалёв

Сорокинские чтения. А.А. Кутузова

Февральские чтения. О.Ю. Кузиванова
(фото Екатерины Толстой,
СГУ им. П. Сорокина)

нашли отражение приезд в Ригу русских профессоров-эмигрантов из революционной России, чтение публичных лекций о русской истории, деятельность Русского просветительного общества, трагическая судьба русских подвижников и общественных деятелей.

Третья публикация в данном разделе принадлежит В.И. Антонову, который посвящает свою работу университетским учителям – профессорам МГУ. Автор раскрывает образы ученых через призму их научного творчества.

Раздел «Научная жизнь» включает в себя информацию о юбилее профессора В.И. Антонова.

В разделе «Первые шаги в науке» размещена статья студентки социологического факультета Санкт-Петербургского университета Е.А. Журавлевой о коммеморативных практиках сохранения исторической памяти о деятелях российской науки, захороненных на Никольском кладбище Александро-Невской лавры.

Раздел «Из научного наследия» содержит статьи, отражающие полемику по поводу выхода в свет трех томов «Социальной и культурной динамики» П.А. Сорокина. Читателям предлагается ознакомиться с критической рецензией К. Бринтона и ответом на нее П.А. Сорокина.

Также в разделе представлена последняя опубликованная при жизни автора статья П. Сорокина, которую он написал незадолго до своей кончины, – «Иллюзии и самообольщения современного человека».

В.А. Ковалев в своей работе пишет о творчестве известного немецкого писателя и философа Э. Юнгера. В статье рассматриваются некоторые аспекты антиутопии немецкого писателя, в основном на материалах его позднего романа «Эвмесвиль».

В разделе «Из истории социологии» публикуется статья А.С. Быкова, в которой раскрываются идеи формирования и трансформации коллективной памяти о катастрофах и социальных бедствиях в теориях Мориса Хальбвакса и Яна и Алейды Ассманов.

Раздел «Имя в контексте эпохи» содержит три публикации. В.С. Русанова на основе разрозненных исторических источников реконструирует жизненный путь Д.А. Лутохина, чья жизнь переплелась с важнейшими событиями российской истории первой половины XX в., а также была насыщена встречами с известными историческими личностями.

С.Н. Ковальчук продолжает раскрывать страницы истории сохранения русской культуры в Латвии в межвоенный период. В ее работе

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА

КРУГЛЫЙ СТОЛ НА ТЕМУ «РЕВОЛЮЦИЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА П.А. СОРОКИНА (К ИЗДАНИЮ КНИГИ П.А. СОРОКИНА “РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПУБЛИЦИСТИКА: 1917–1918”))»

5 февраля 2025 г. в Сыктывкаре состоялись традиционные Сорокинские чтения, приуроченные ко дню рождения Питирима Александровича Сорокина. Круглый стол собрал ученых, представителей образовательных организаций, государственных и общественных деятелей. Организатором мероприятия стал Центр «Наследие» имени Питирима Сорокина.

В Сорокинских чтениях приняли участие: О.Ю. Кузиванова – директор ГБУ РК «Центр “Наследие” имени Питирима Сорокина», к.и.н; В.В. Сапов – старший научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Москва, заочно); В.В. Козловский – главный научный сотрудник, заведующий сектором истории российской социологии, научный руководитель Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН, д.филос.н. (по видеосвязи); М.В. Ломоносова – доцент кафедры теории и истории социологии Санкт-Петербургского государственного университета, к.с.н. (по видеосвязи); В.А. Ковалёв – профессор кафедры философии и социально-политических наук СГУ им. П. Сорокина, д.полит.н.; Н.С. Сергиева – профессор СГУ им. П. Сорокина, д.филос.н.; А.А. Кутузова – старший преподаватель кафедры истории и методики преподавания общественно-правовых дисциплин Института истории и права СГУ им. П. Сорокина, к.и.н.; В.С. Русанова – доцент кафедры истории России

и зарубежных стран СГУ им. П. Сорокина, к.и.н. (по видеосвязи); Алихан Али Оглы Мамедов – аспирант кафедры философии и социально-политических наук СГУ им. П. Сорокина, м.н.с. Международного центра социальных исследований.

О.Ю. Кузванова: Уважаемые коллеги! Приветствую всех участников: и присутствующих на заседании круглого стола, и тех, кто подключился по видеосвязи. В этот раз мы выбрали тему «Революция и социокультурная динамика П.А. Сорокина». Тема приурочена к изданию книги П.А. Сорокина «Революционная публицистика: 1917–1918». Эта книга вышла пока только в электронном виде и уже размещена на нашем сайте, но мы очень надеемся, что в ближайшее время появится ее бумажный вариант. Сама тема родилась не случайно: как вы знаете, революция и те события, которые были до нее (Первая мировая война) и которые последовали после 1917 г., серьезно повлияли на научные взгляды Питирима Сорокина на общественное развитие, в результате чего его концепции постепенно менялись. И к концу 1930-х гг. сформировалась его знаменитая социокультурная динамика, которая в полном виде была опубликована в четырехтомнике. Этот период трансформации взглядов ученого очень интересен для всех исследователей. Перед тем, как приступить непосредственно к обсуждению, хочу предоставить слово представителю министерства национальной политики Республики Коми – заведующей сектором анализа и прогнозирования национальных отношений Марине Игоревне Фроловой.

М.И. Фролова: Добрый день, уважаемые коллеги, уважаемые участники и гости круглого стола! В Республике Коми идет постоянная работа по сохранению памяти выдающихся людей, выходцев из Коми края и Республики Коми. В течение многих лет в республике проводятся различные мероприятия по сохранению и популяризации научного наследия Питирима Сорокина. Сегодня круглый стол традиционно приурочен ко дню рождения П. Сорокина и проходит уже в 13-й раз. В прошлом году циклом мероприятий был отмечен 135-летний юбилей ученого. Торжественные мероприятия прошли 4 февраля на его малой родине, в с. Турья. Торжественное мероприятие сопровождалось возложением цветов, прошел митинг. Для гостей было организовано посещение музея имени П. Сорокина и турьинской сельской библиотеки.

В течение года в учреждениях культуры Княжпогостского и Усть-Вымского районов экспонировались выставки, проходили тематические вечера, беседы, экскурсии, показы фильма о П. Сорокине, посвященные его жизни и научным изысканиям. В школах были проведены тематические классные часы и лекции-беседы. Кульминационным мероприятием стала международная научная конференция «Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века», которая прошла 5–6 декабря на площадке Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина.

В текущем году Центром «Наследие» будет продолжена работа по изданию Собрания сочинений П. Сорокина, выйдут 13-й и 14-й тома и очередные номера научного журнала «Наследие», в которые будут включены статьи о его жизненном пути и научном наследии.

В течение года в образовательных учреждениях Сыктывкара и районов республики пройдут просветительские мероприятия со школьниками и студентами, популяризирующие жизнь и научное наследие П. Сорокина.

Хочу отметить, что в конце этого года, 12 ноября, исполнится 15 лет Центру «Наследие». Он был торжественно открыт в день рождения П. Сорокина 4 февраля 2011 года. От имени министра национальной политики Р.В. Носкова, от себя лично желаю всем участникам круглого стола и сотрудникам Центра «Наследие» творческих успехов, новых открытий и новых планов.

О.Ю. Кузванова: Слово предоставляется нашему постоянному партнеру, с которым мы очень тесно сотрудничаем, Сыктывкарскому государственному университету имени Питирима Сорокина, проректору по научно-инновационной деятельности Наталье Николаевне Новиковой.

Н.Н. Новикова: Здравствуйте, уважаемые коллеги, уважаемые выступающие! От имени ректора, Ольги Александровны Сотниковой, приветствую вас на Сорокинских чтениях, которые регулярно проходят и которые мы всегда ждем с нетерпением. Вчера в университете отмечался день рождения Питирима Сорокина. Нас приятно удивило количество студентов, преподавателей, которые пришли на возложение цветов к его памятнику. Это говорит о том, что интерес к его научным трудам, к его личности не пропадает.

Университет постоянно поддерживает инициативы, особенно молодежи, по популяризации научного наследия нашего великого земляка, а также по поддержанию памяти о нем. В прошлом году мы начали очень интересный проект (думаю, что мы его продолжим и он выйдет на всероссийский уровень) – «По местам Питирима Сорокина». Студенты выезжают в экспедиции для сбора материала. Первый раз они были летом в с. Турья, на родине П. Сорокина. Планируется поездка в Усть-Вымь, а Вера Сергеевна Русанова, руководитель проекта, наводит контакты с Санкт-Петербургом для того, чтобы вывезти ребят именно в те места, где он учился, где проходило его становление как будущего ученого. Мы со стороны ректората будем всячески поддерживать эти инициативы.

Хочу пожелать успехов в поиске новых архивных документов, в исследовании творчества Сорокина, обобщении этого научного опыта. Всем успехов.

О.Ю. Кузванова: Хочу выразить благодарность Сыктывкарскому государственному университету за замечательную организацию международной конференции, которая проходила в декабре 2024 г., а также за наше постоянное сотрудничество. Предоставляю слово почетному эксперту Центра «Наследие» имени Питирима Сорокина Валерию Петровичу Маркову.

В.П. Марков: Добрый день всем участникам сегодняшнего круглого стола! Как уже было сказано, Центр «Наследие» имени Питирима Сорокина в Сыктывкаре начинает 15-й год работы. Быстро прошло это время, есть, что сказать, показать, что сделано за это время в республике по сорокинской тематике. Это и изданная серия томов научных трудов П. Сорокина. Это и та популяризаторская работа, которая ве-

дется в республике в связи с его именем среди школьников, студентов, населения республики. Это и функционирование музея П. Сорокина в Турье. Это и памятник, который появился за это время перед Сыктывкарским государственным университетом (памятник дождался своего открытия, хотя макет был готов и конкурс был проведен еще в 1999 г.).

Что бы мне хотелось пожелать (потому что обычно юбилейные даты связаны не только с оценкой достижений, но и с вполне определенными пожеланиями)? Мне бы очень хотелось, чтобы Центр «Наследие» имени Питирима Сорокина продолжил свою работу (причем активно) по подготовке и публикации научных трудов П. Сорокина. Мы видим, что идеи, которые были изложены в ряде его трудов, становятся очень актуальными. В трудах П. Сорокина можно найти немало полезных советов, идей, предсказаний относительно того, что может ожидать мир в будущем при реализации тех или иных сценариев. В списке возможных публикаций Центра есть, например, 25-й том, который носит название «Власть и нравственность», где предполагается издание работы Питирима Сорокина 1959 г. Я думаю, что эта работа будет очень актуальной в ближайшее время и стоит этот том напечатать в ближайшее время, не дожидаясь, когда дойдем до 25-го тома. Собрание сочинений не обязательно печатается и издается по тому порядку, который обозначен в плане-проспекте.

Мне бы очень хотелось, чтобы республика не отходила от тех идей, от тех задач, которые она ставила перед Центром «Наследие». Чтобы была возможность и дальше продолжать его активную деятельность. Чтобы сотрудники Центра и те ученые, та общественность, которая соприкасается с его работой, соучаствует в ней, видели возможность для реализации всех замыслов, которые они вкладывают в эту сопричастность в работе с Центром. И чтобы эти идеи реализовывались.

Хотелось бы пожелать также большей системности в работе и Центра, и университета, и Коми научного центра, его институтов, ибо это наша общая работа, направленная не только на популяризацию идей П.А. Сорокина, это наша общая работа, которая должна вносить вклад в достойное развитие и республики, и России в наши дни.

Желаю успехов всем участникам круглого стола, и не только на сегодняшнем заседании, а в их дальнейшей деятельности по работе с наследием П.А. Сорокина и развитию его идей. Спасибо.

О.Ю. Кузванова: Спасибо большое, Валерий Петрович. Я присоединяюсь к вашим словам о том, что Собрание сочинений П. Сорокина – это наш главный проект. Мы обязательно должны продолжать его издавать, выполняя миссию Центра по сохранению памяти о Сорокине и популяризации его наследия.

Приступаем непосредственно к научным выступлениям. Вадим Вениаминович Сапов, старший научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Москва, заочно). Тема доклада – **«Революционная публицистика и социокультурная динамика П.А. Сорокина».**

В.В. Сапов: Уважаемые коллеги! Каждый раз, выступая на круглом столе, посвященном выходу очередного тома Собрания сочинений Питирима Сорокина, я испытываю некоторое затруднение, вызванное следующим обстоятельством. Почти для

всех участников круглого стола вышедший том – новость, для меня же это – вчерашний день, я уже занят другой работой, занят другим переводом или составлением другого тома, а переключаться мысленно с одной работы на другую всегда трудно. Хотя все труды одного автора, в том числе и Сорокина, представляют собой как бы единое целое, тем не менее каждая его работа, иногда даже статья, удивляет своей новизной и неожиданностью. Но сегодня ситуация несколько иная: я только что закончил перевод первого тома «Социальной и культурной динамики» (далее – СКД), и связь между этим эпохальным сочинением П. Сорокина и его революционной публицистики для меня очевидна как никогда. Точнее говоря, между участием Сорокина в революционных событиях и его главным трудом.

Впрочем, в предисловии к СКД сам Сорокин писал: «Мне не стыдно признаться, что мировая война и большинство последовавших за ней событий озадачили меня – человека, который в согласии с преобладавшими с начала XIX в. течениями социальной мысли верил в прогресс, революцию, социализм, демократию, научный позитивизм и многие другие подобные “измы”. Я ожидал прогресса мира, а не войны, бескровного преобразования общества, а не кровавых революций, гуманизации и смягчения человеческих отношений, а не массовых убийств, дальнейшего совершенствования демократии, а не авторитарных диктатур; я ожидал усиления роли науки, а не пропаганды авторитарных предписаний под видом истины, всестороннего развития человека, а не возврата его в состояние варварства. Первый удар по этим представлениям нанесла война, второй – жестокая действительность русской революции. Если бы в 1913 г. кто-нибудь всерьез предсказал хотя бы малую часть того, что впоследствии произошло на самом деле, его сочли бы не иначе как сумасшедшим. И тем не менее то, что казалось в то время абсолютно невозможным, произошло».

В этой связи мне хотелось бы обратить внимание на статью Сорокина «Существует ли нравственный прогресс человечества?» (найденную и опубликованную М.В. Ломоносовой). Прежде всего, следует отметить, что эта статья имеет полную дату – 1 июня 1918 г. (что совершенно нетипично для Сорокина) и указано место ее написания – Москва. Почему-то именно эту дату и именно это место Сорокин решил зафиксировать для себя на сей раз, чего он раньше – повторим еще раз – никогда не делал. А уже в конце июня мы застаем его в Вологодской губернии на пути в Архангельск: начинается его последняя – и надо сказать, бесславная – попытка насильственного свержения большевизма. В свете всех последующих событий указанную статью Сорокина можно расценить как его последнюю попытку уговорить (или убедить) самого себя в истинности того «изма», верность которому он все еще сохранял. В этой статье нет почти ничего нового по сравнению с тем, что он уже писал о прогрессе. Более того, в более ранних его статьях о прогрессе (причем, следует отметить, что именно с размышлений о прогрессе и началась научная деятельность Сорокина-социолога) скепсиса и сомнений по поводу этого основополагающего понятия всей социальной науки XIX в. было больше, он даже предлагал отказаться от самого этого понятия, заменив его на «эволюцию», – и уже в самой этой замене можно усмотреть слабый зародыш будущей СКД. Но пока наш герой сохраняет (или пытается сохранить) рыцарскую верность этому умирающему понятию (в сущности, уже мертвому, хотя он об этом еще не знает... или не хочет знать?). И даже готов пожертвовать собственной жизнью ради «порядка и прогресса».

К сожалению, П. Сорокин, видимо, так никогда и не прочитал статью С.Н. Булгакова «Основные понятия теории прогресса» (1902). Подробное выяснение причин этого печального или, по крайней мере, досадного «непрочтения» уведет меня далеко в сторону от непосредственной темы моего выступления, поэтому ограничусь лишь самыми необходимыми и краткими замечаниями. Литературные и жизненные пути Сорокина и Булгакова пересекались, по крайней мере, трижды. В 1914 г., в самом начале войны, Булгаков опубликовал статью «Поверженный кумир», основной тезис («диагноз») который гласит: «Рухнула вера в Запад. Теперь русское общество должно пережить “душевную драму” Герцена и внять его зову “духовного возвращения на родину”. Русская культура должна искать своих собственных родников, а истоки культуры там же, где и всякого культа почитания святынь, – в религии. Религиозные ростки русской культуры иссушились европейским рационализмом». Отвечая Булгакову, Сорокин объясняет, что он, в принципе, не против религии, но «суть дела в том, чтобы содержание религии соответствовало культурным требованиям данного момента». Религия же, которую предлагает Булгаков, «представляет из себя рафинированный и утонченный византизм» (всегда враждебный духу науки, по мнению Сорокина), а «следует помнить одно: в наше время всякий прогресс и всякое движение вперед совершается и совершалось, главным образом, благодаря науке». Заканчивает свою статью Сорокин почти по-ленински: «Всякий народ, который хочет идти вперед, должен прежде всего учиться, учиться и учиться...» В 1922 г. оба мыслителя были высланы из Советской России, что, конечно, не сблизило их мировоззренчески, но символическим или, если угодно, негативным образом подвело их под общий знаменатель.

Наконец, в 1934 г., во время визита Булгакова в США, они встретились. Булгаков отметил эту встречу с «социологом» в своем дневнике, причем слово «социолог» заключено им в иронические кавычки, что неудивительно для мыслителя, который немало страниц посвятил «критике социологического разума». Сорокин же упомянул Булгакова в своей книге «Человек и общество в условиях бедствий» в качестве «знаменитого в свое время марксиста и профессора политэкономии», который под влиянием обрушившихся на Россию бедствий «не только обратился в христианство, но и стал священником», что в общем-то не совсем верно, поскольку и обращение Булгакова, и принятие им сана священника были обусловлены не только и не столько внешними трагическими обстоятельствами, а стало итогом его длительной внутренней эволюции «от марксизма к идеализму».

Встречу двух мыслителей приходится все-таки признать запоздалой, можно только предположить, что они и в 1934 г. не пришли ни к какому «общему знаменателю», хотя сегодня, почти столетие спустя, очевидно, что их интеллектуальные поиски, не пересекаясь и даже отталкивая друг друга, шли в одном направлении.

Уместно отметить, что Булгакова и Сорокина, когда они еще находились в России, разделяли не только мировоззренческие установки, но и их партийная принадлежность. В 1909 г., когда вышел сборник «Вехи», с самой яростной критикой на него обрушились как кадеты (к которым были близки тогдашние учителя Сорокина – М.М. Ковалевский и Е.В. Де-Роберти), так и эсеры, выпустившие в 1910 г. сборник «Вехи как знамение времени», львиную долю которого написал В.М. Чернов (под своей настоящей фамилией и под псевдонимами).

Но вернемся в июнь 1918 г. Кроме сомнений в «прогресс нравственности» у Сорокина были сомнения и иного порядка. В статье «Кто наследник власти Смольного?» (подписанной псевдонимом Коми-морт) он задается вопросом: «А не означает ли падение власти Смольного переход к полной анархии, к полному безвластию? Не попадет ли Россия, сбросивши тиранию Смольного, из огня да в полымя? Сумеет ли кто-либо установить порядок и справиться со всеми непреодолимыми трудностями, которые неизбежно станут перед всякой властью? Наконец, не будет ли означать падение Смольного окончательную гибель свободы и революции и резкий переход к самой жестокой реакции? Поэтому не лучше ли в интересах страны и революции скрепя сердце не подрывать, а, напротив, поддерживать власть Смольного? Эти сомнения имеют свою почву». Спрашивается: зачем же, питая такие мысли, ввязываться в сомнительную авантюру, опасную для жизни? Мне кажется, что Сорокин поддался тут ложному чувству партийной солидарности. Недаром в его сознании всплывает героический образ Кондорсе (автора «идеи прогресса»): «Ужасы окружали его, ему ежеминутно грозила гильотина, и, однако, великая душа Кондорсе не ослепла от этих ужасов и нашла в себе силу увидеть великую дорогу прогресса. ... Пусть этот великий пример будет перед нашими глазами». За кем и с кем он пошел? За «дедушкой русской революции» – Н.В. Чайковским, который больше 30 лет прожил за границей, прошел все огни и воды и отовсюду вышел сухим и невредимым, который, имея уже 68 лет от роду, все никак не может уgomониться и совращает молодежь якобы на подвиги, а на самом деле ведет ее на верную смерть? За этого «упыря русской революции» ты хочешь пожертвовать своей молодой жизнью, имея гениальную голову и красавицу-жену?

Мне кажется, в этой ситуации Сорокин повел себя как пятиклассник, который из солидарности со всем классом решил прогулять урок истории, хотя историю он любит и совсем не против послушать урок, но... «как все – так и я». И в то же время я понимаю, что без этого страшного, но необходимого опыта, может быть, и не было того Сорокина, которого мы знаем. Дело ведь даже не в том, что и как делает человек, какие ошибки он совершает в своей жизни, а в том, какие выводы он делает из этого и какие уроки извлекает. Первый вывод, который делает из трагического опыта молодой гениальный ученый (или писатель – как Достоевский): «Ты не имеешь права умереть, не написав своей главной книги».

Второй вывод: все «измы» и учения, которым ты следовал до этого, – по крайней мере, сомнительны и требуют критического переосмысления. С некоторыми надо вообще расстаться.

Первая идея, с которой расстался Сорокин, это идея революции как «светлого будущего», как «локомотива истории», как «праздника народов». Думаю, не надо напоминать о том, как русская интеллигенция верила в революцию, мечтала о революции, жаждала революции. Первые слова Сорокина после отречения Николая II: «Давно желанное свершилось». А к какому выводу он пришел спустя 20 лет, мы уже знаем. В «Социологии революции» Сорокин развеял миф о революции. Это – кровавая баня, откат назад, не праздник, а трагедия народа и его болезнь (может быть, и смертельная). Но книга написана с позиций одного из устаревающих или уже устаревшего «изма», а именно с позиций «бихевиоризма», или (в русском варианте) «рефлексологии». Этот «изм» позволяет назвать болезнь болезнью, описать ее

точные симптомы, но причины (не говоря уж о смыслах) описывает поверхностно. Да, «ущемление рефлексов». Но в каком-то смысле вся наша жизнь есть «ущемление рефлексов». Без ущемления рефлексов невозможно даже и детей воспитывать. Первокласснику хочется на улицу или играть в компьютерную игру, а его заставляют учить таблицу умножения. Ущемление «рефлекса свободы»! Студенческая революция во Франции в 1968 г. началась с того, что студентам Сорбонны мужского пола запретили оставаться в женском общежитии после 11 часов вечера. Такого «ущемления рефлексов» они, конечно, вынести не смогли.

С точки зрения любого «изма» и даже с точки зрения здравого смысла все это – не «причины», а «поводы». Под ними скрываются более глубокие причины, которые, как глубинные геологические пласты, внезапно приходят в движение и порождают чудовищные катаклизмы. Вот эти глубинные пласты и представляют интерес для подлинной науки, для настоящей социологии и социальной философии. В эмиграции вся подлинная и глубокая русская мысль билась над решением задачи: что же произошло с Россией? Почему? Зачем? В чем смысл трагедии, постигшей нашу страну? Есть ли какой-нибудь выход? Что делать? Как жить дальше? Ответы были самые разнообразные – от кары Божьей за «иудин грех» до провозглашения большевистского переворота «контрреволюцией» (Н.Н. Головин) или простой исторической случайностью (на чем долго упорствовал бывший марксист П.Б. Струве), тогда как «ортодоксальные марксисты» в Советском Союзе до конца отстаивали идею исторической необходимости и неизбежности Октября.

Первый шаг Сорокина в правильном направлении состоял в том, что он логически связал Первую мировую войну (которую он с самого начала явно недооценивал) с произошедшей в России революцией. Но в таком случае требовалось уже объяснение самой мировой войны. А далее пройти или вытащить всю цепь до конца. Причем по ходу дела выяснится, что такой подход (т.е. метод обнаружения причины, причины... причины) порочен в принципе: в конце концов все упрется в конечную причину, она же Бог, или Провидение, или Рок...

Второй шаг состоял в отказе от всех существовавших на тот момент уподоблений общества механизму или организму. Совсем не случайно «Современные социологические теории» предшествовали СКД: в свете дальнейшего развития взглядов Сорокина их можно рассматривать как всеобщую ревизию всего наличного научно-социологического инвентаря. И только после этого возникло принципиально новое понятие: «социокультура» (не «социум» + «культура», а именно «социокультура»), некоторая целостность, применительно к которой бессмысленно говорить о «первичности» и «вторичности», о «причине» и «следствии» и т.п.

В свете этого открытия менялась вся схема человеческой истории. Справедливости ради следует отметить, что у Сорокина были и предшественники, и современники, шедшие с ним, так сказать, параллельным курсом – им посвящена его книга «Социально-философские учения в век кризиса».

И, наконец, третий шаг – создание учения об интегральном строе, в основе которого лежит альтруистическая любовь и в котором органично соединяются все формы истины, все виды познания и все высшие достижения трех социокультур: идеациональной, идеалистической и чувственной... Соответственно, переживаемая нами эпоха есть эпоха кризиса, эпоха умирания перезревшей чувственной культуры со

всеми сопровождающими ее «спутниками», или «сателлитами»: войнами, революциями, кризисами, поразившими все виды знания, искусства, нравственности и т.д.

Почти все прогнозы Сорокина сбылись или на наших глазах начинают сбываться. Центры мировой цивилизации смещаются, уровень конфликтов неуклонно возрастает, последствия сексуальной революции, о которых предупреждал в свое время Сорокин, теперь уже всем очевидны. В свое время Сорокин подвергся критике с обеих сторон – я имею в виду и США, и Советский Союз. Обе страны считали, что цивилизационный кризис, если он и есть, то уж точно не у них. В XXI в. ситуация явным образом изменилась, о чем свидетельствует неуклонно возрастающий интерес к идеям Сорокина во всем мире. Итальянская исследовательница творчества Сорокина Э. Мангоне считает, что непризнание Сорокина социологической общественностью США обусловлено тем, что он не сумел вписаться в «мейнстрим» общественной мысли. С этим можно согласиться, но с одной существенной оговоркой: он и не собирался в него вписываться. Свою книгу о русских мыслителях И. Берлин назвал «Против течения» (*Against the current*), используя слова из стихотворения А.К. Толстого, которые, на мой взгляд, очень хорошо описывают не только научную, но и гражданско-политическую и даже житейски-человеческую позицию Сорокина:

Други, вы слышите ль крик оглушительный:
«Сдайтесь, певцы и художники! Кстати ли
Вымыслы ваши в наш век положительный?
Много ли вас остается, мечтатели?
Сдайтеся натиску нового времени!
Мир отрезвился, прошли увлечения –
Где ж устоять вам, отжившему племени,
Против течения?»

Други, не верьте! Все та же единая
Сила нас манит к себе неизвестная,
Та же пленяет нас песнь соловьиная,
Те же нас радуют звезды небесные!
Правда все та же! Средь мрака ненастного
Верьте чудесной звезде вдохновения,
Дружно гребите во имя прекрасного
Против течения!

В заключение мне хочется сказать несколько слов о самом издании «Революционной публицистики» Сорокина. Первоначально я намеревался все тексты 1915–1918 гг. уместить в один том, но он оказался настолько объемным, что его пришлось разделить на два тома. Теперь я даже рад этому обстоятельству, поскольку газетные статьи не очень хорошо сочетаются с научными и требуют иного издательского и редакционного подхода. Вскоре после начала работы над комментариями стало ясно, что материал по-настоящему оживет только в том случае, если будет погружен в контекст эпохи и, в частности, материалов самой газеты «Воля народа».

Мне кажется, мне не совсем удалась вступительная статья: описав состав редакции, я – по причине нехватки места – не уделил никакого внимания анализу самих взглядов «революционного публициста» Сорокина, но, надеюсь, эти взгляды вполне очевидны из опубликованных материалов. Кроме того, у меня еще есть возможность исправить этот недостаток во вступительной статье к первой части этого тома.

На с. 675 я выразил благодарность всем исследователям, которые занимались сбором и публикацией революционной публицистики до меня. Но одну фамилию я не назвал. Это – мой бывший студент, а ныне военнослужащий, участник СВО, воюющий на Украине. Один из своих отпусков он полностью посвятил мне: ходил по библиотекам и архивам, разыскивая материалы, которых у меня не было. Воюющий солдат, весь свой отпуск посвящающий хождению по архивам и библиотекам, – это, по-моему, возможно только в нашей России! Пользуясь случаем, хочу выразить ему особую благодарность.

Мне очень хотелось бы услышать мнение коллег по поводу комментария 326, где освещена история покушения Сорокина на Ленина 1 января 1918 г. Кажется, я собрал и проанализировал весь доступный по этому делу материал и выяснил, что Сорокин ни в коем случае непричастен к этому покушению, поскольку никакого покушения – вопреки мнению советских и нынешних историков – вообще не было. Но, насколько хорошо удалось мне это обосновать (и удалось ли вообще), судить, конечно, не мне.

На этом я, пожалуй, закончу. Извините, дорогие коллеги, если утомил вас, и – благодарю за внимание. Буду рад услышать любые ваши критические замечания.

О.Ю. Кузванова: Спасибо. Коллеги, если будет необходимость, возможность, желание, то каждый в своем выступлении может что-то сказать по этому поводу. Мы очень благодарны Вадиму Вениаминовичу за то, что он каждый год принимает участие, хоть и заочное, в нашем круглом столе, потому что это человек, на котором держится на сегодняшний день все Собрание сочинений. Он создал план-проспект этого грандиозного проекта и осуществляет его в меру своих сил на очень высоком, качественном уровне, что отмечают многие исследователи. Напомню, что последний том, который он подготовил, а это «Социологические теории сегодня», и который мы издали, был номинирован на Грушинскую премию в 2024 г. как лучший социологический перевод. Это большое достижение.

Уважаемые коллеги, мы переходим к новому выступлению. Хочу предоставить слово доктору философских наук, профессору, научному руководителю социологического института Российской Академии наук (филиалу в Санкт-Петербурге), Владимиру Вячеславовичу Козловскому с темой «**Революционные эффекты исторических цивилизационных сдвигов России**».

В.В. Козловский: Доброе утро, коллеги! Я рад приветствовать вас! Давно не видел, не слышал Валерия Петровича Маркова, с тех пор, как работал с ним в Сыктывкарском университете в 1980-е гг. В 1990-м г. я уехал в Ленинград, и вот теперь мы тесно сотрудничаем с Центром «Наследие» и Сыктывкарским государственным университетом. Конечно, фигура Питирима Александровича Сорокина для нас, социологов, является, что называется, непревзойденной. В своем докладе я, вероятно, отойду немного в сторону от детального анализа творчества Сорокина, поскольку хочу отразить его достижения в разработке цивилизационной проблематики концептуально именно в русле цивилизационного анализа или подхода.

О чем идет речь? В предисловии к книге «Социологии революции» я нашел такую фразу Ю.В. Яковца: «Питирим Сорокин был революционером; он остался им

на всю жизнь – сперва революционером в политической жизни, затем революционером в науке». Согласен с такой характеристикой, но, полагаю, точнее можно определить П. Сорокина как пассионария-гуманитария интеллектуальной и политической деятельности, пассионария российской и мировой истории. Подчеркиваю, не только науки. Он представляет собой яркий образец ученого, человека мировой социальной науки и культуры, активно участвовавшего в политической жизни России. Я с большим удовольствием ознакомился с текстом В.В. Сапова, посвященным тематике круглого стола. Должен сказать, что им отмечается эта связь между творческими поисками, научной активностью П. Сорокина в молодости и его поздними трудами, особенно в «Социальной и культурной динамике». Эта связь показывает, что П. Сорокин действительно оставался верен себе. Если в начале своей творческой, научной жизни он в революционных делах участвовал опосредованно, когда был секретарем М.М. Ковалевского, ученого и депутата Государственной Думы. Позже Сорокин стал активно пропагандировать эсеровские, социалистические идеи в разных изданиях, например, в газетах «Воля народа», «Дело народа» и др. Эти факты свидетельствуют о вовлеченности социолога в политическую жизнь сложного революционного периода в России. Сорокин как ученый не ограничивался социологическими исследованиями, воплощал свои идеи о преодолении социального неравенства и внедрении социальных проектов в практику преобразования российского общества. Именно поэтому я определяю Сорокина в этом случае как пассионария, вмешивавшегося в процесс революционных радикальных перемен, которые происходили в России с 1905 г. Масштабность новаторской социологии и социально-политическая ангажированность Сорокина представляют собой уникальный сплав его исторической личности, активно участвующего в политике интеллектуала и ученого в силу социальной направленности его взглядов, убеждений, мировоззрения на изменения российского общества и государства.

В чем суть тех перемен, в которых он участвовал? Безусловно, эти радикальные революционные перемены сопровождались колоссальными социальными, человеческими и материальными затратами и жертвами. Казалось бы, революция совершалась сначала относительно мягко, например, революция 1905 г. и Февральская революция 1917 г. Октябрьская революция 1917 г. тоже была почти бескровной. Последовавшие затем гражданская война и установление советской власти все полностью изменили. Это был первый цивилизационный поворот в развитии России в новейшее время. Я не беру во внимание древнерусский, царский, императорский периоды, про которые можно много говорить в аспекте уникального цивилизационного развития страны. В результате революций начала XX столетия произошла смена сложившегося типа российской цивилизации и возникла советская цивилизация. По этому вопросу есть немало трудов, в них говорится о том, как происходил великий процесс становления, расцвета и ухода с исторической арены советской цивилизации как проекта реального социализма. По сути дела, Сорокин наблюдал формирование советской цивилизации и анализировал этот феномен. Кстати, не только он, но и его друг Сергей Николаевич Тимашев, который посвятил свою большую работу «Великое возвращение» (The Great Retreat) именно аналитике и оценке формирования советского общества, советского народного хозяйства, советского права. То, что Сорокин был активным участником, а не только наблюдателем грандиозных пере-

мен, способствовало в дальнейшем его выбору предпочтительности эволюционного переустройства общества, в том числе российского. Он перешел к вопросам другого рода, а именно: на каких основаниях может быть выстроена в обществе любая цивилизация, в том числе российская, основаниями которых являются прежде всего культура, духовная, религиозная и социальная жизнь? Фактически Сорокин в своей личной и научной жизни пережил эти сдвиги. Их можно назвать цивилизационными сдвигами не только наблюдаемых им глобальных социокультурных процессов, но интеллектуальными трансформациями личности самого Сорокина.

Еще раз подчеркну, что фигура Сорокина как ученого масштабна, особенно в связи с его обращением к проблематике цивилизационного характера. У него переход к социальной и культурной динамике являлся тем самым, с моей точки зрения, переходом к выяснению новых цивилизационных и культурных факторов, а не только политических или социально-экономических. С этой точки зрения, поскольку российская история революционных радикальных реконструкций сверхнасыщена событиями цивилизационного порядка, то и опыт, приобретения и утраты, успехи и неудачи в цивилизационном обустройстве российского общества, отмеченные Сорокиным, важны для понимания всего процесса в современном социогуманитарном знании.

Исследование природы и приоритетов цивилизационного развития российского общества дает ключ к пониманию способов включения/исключения различных социальных групп и сообществ в процессы принятия решений: в регулирование жизненно важных для них проблем социального неравенства, благополучия, благосостояния, власти, собственности, престижа и признания; в реализацию проектов множественной модерности российского общества в начале XXI в.

Сегодня нам важно понять, что такое цивилизация, поскольку так или иначе приходится ориентироваться во множестве определений этого понятия. Например, цивилизация – это некий комплекс различных форм деятельности, обеспечивающий устойчивый общественный уклад жизни, идентичность и социальные порядки. Это в общей форме. Но главное, что это прежде всего некий регулируемый процесс: цивилизация – сложная институционально регулируемая механизмами культуры совокупность социальных неравенств (социальная структура) общества. Важно, что Сорокин сначала на этой мысли не акцентировал внимания, но в дальнейшем именно попытка найти связь культуры и социальной структуры привела его к большому проекту глубокого изучения социальной и культурной динамики на глобальном уровне.

Цивилизация не просто некий устойчивый комплекс простых конфигураций. Это комбинация различных социальных, культурных, институциональных форм и агентностей в процессе становления и видоизменения общественных практик. В настоящее время, как мне кажется, в наследии Сорокина необходимо выявить, изучить и оценить цивилизационный потенциал не только на федеральном, континентальном уровнях, но и на региональном и локальном. В Социологическом институте РАН-филиале ФНИСЦ РАН сектор истории российской социологии работает по общей теме «Цивилизационная динамика российского общества». В рамках поддержанного Российским научным фондом проекта «Образы, концепты, проекты и модели цивилизационного развития российского общества» группа под моим руководством

не только разрабатывает теоретические проблемы, но и проводит эмпирические и статистические исследования Северо-Запада РФ для выявления цивилизационного потенциала российских регионов.

Подчеркну, что цивилизация – это взаимообратимый процесс социально-структурного формирования, закрепления и регулирования культурных паттернов и практик в устойчивые социокультурные комплексы (цивилизационные порядки) на глобальном, региональном и локальном уровнях. Четыре главных блока цивилизационного комплекса: социальная структура, культура, институты и субъектная структура (агентность) – отражают схематически наш подход в исследовании особенностей цивилизационного развития российского общества.

Уверен, если бы Сорокин остался в России, то он бы серьезно продвинул отечественную социологию в данном направлении. Сегодня мы возвращаемся к сорокинской проблематике социальной и культурной динамики, актуализируем ее в изучении цивилизационной специфики современных обществ, результаты которого представлены в коллективных монографиях «Российское общество: архитектоника цивилизационного развития» (2021) и «Цивилизационное многообразие современного мира» (2024). Возвращаясь к оценке многогранной научной, культурной, общественной и политической деятельности П. Сорокина как ученого, могу сказать: убежден, что он, в сущности, пассионарий мировой науки, русской истории, русской науки и культуры. То, что он сделал, является научным ресурсом, инструментом для понимания сложной ситуации цивилизационного выбора современных обществ, в том числе российского.

О.Ю. Кузванова: Спасибо большое, Владимир Вячеславович. У меня такой вопрос. Мы видим, как мир тоже меняется, видим определенные тенденции. Они могут быть негативными, позитивными для нашей страны, для всего мира. С точки зрения сорокинской концепции, как бы он оценил эти тенденции? Как дальнейшее усугубление кризиса чувственной культуры? Или, наоборот, есть какие-то проблемы перехода к новому интегральному обществу? Как вы думаете, какие оценки, с точки зрения сорокинской концепции, можно применить в характеристике современного мира, международной ситуации и России?

В.В. Козловский: Сорокин до конца жизни был приверженцем теорий конвергенции и интегрализма и разрабатывал их. Но мы видим, что в нынешней жизни реализации этих проектов не наблюдается. Есть интересы разных стран, союзов и коалиций, которые провоцируют конфликты и войны. И то, что сейчас происходит на территории Украины, одно из свидетельств того, что происходит некий цивилизационный передел, выстраивание каких-то новых моделей цивилизационного развития. Идет борьба разного рода моделей. Как оценить, какого рода модель, какой процент чувственной культуры, или идеациональной, или идеалистической будет воплощен в новой конфигурации? Предсказать невозможно.

О.Ю. Кузванова: Спасибо. Теперь переходим к следующему выступлению. Предоставляю слово доценту кафедры теории и истории социологии Санкт-Петербургского государственного университета, кандидату социологических наук

Марине Васильевне Ломоносовой. Тема ее доклада – «Питирим Сорокин о Русской революции 1917 г.: к вопросу об источниках исследования».

М.В. Ломоносова: Дорогие коллеги, здравствуйте! Рада всех видеть. Прежде всего я хотела бы поблагодарить Центр «Наследие» за то, что его сотрудники ежегодно проводят чтения, которые привлекают внимание как новых исследователей, так и тех ученых, которые уже внесли огромный вклад в изучение научного творчества П. Сорокина и продолжают работать в данном направлении. Тема социологии революции, которую мы сегодня обсуждаем, не относится к новым темам. Для меня она тоже не новая, потому что и тема моей кандидатской диссертация была посвящена социологии революции П. Сорокина.

Сегодня я хотела бы остановиться на некоторых других аспектах этой фундаментальной темы. Отмечу, что мой доклад не будет носить столь фундаментальный характер, как доклад Владимира Вячеславовича, я лишь обозначу некоторые основные моменты, связанные скорее с источниковедением. Я солидарна с Валерием Петровичем в том, что Центр «Наследие», как магнит, привлекает исследователей и предоставляет им самые разные возможности для реализации их задач. В своем выступлении В.В. Сапов упомянул статью Сорокина «Существует ли нравственный прогресс?», которую мне посчастливилось найти в фондах Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ). Ее поиск и обнаружение были во многом осуществлены благодаря поддержке Центра «Наследие». Это было десять лет назад, и тогда, в 2015 г., у нас не было таких возможностей, какие есть сейчас, когда мы можем подать заявку на грант для проведения исследования, и если она действительно заслуживает этого, то будет поддержана. В те годы все было гораздо сложнее. Мне была необходима помощь, которую я не могла получить в рамках академических организаций, и Центр «Наследие» мне помог. В результате архивных изысканий в РГАЛИ и была обнаружена эта неизвестная статья П.А. Сорокина. Это к вопросу о том, что архивные фонды являются важным источником информации при проведении исследований.

Работы П. Сорокина о Русской революции 1917 г. являются для нас источниками исследований. Как правильно отметил Вадим Вениаминович, на рукописи «Существует ли нравственный прогресс?» П. Сорокин специально оставил дату. Интересно, что рукопись была написана рукой его супруги, возможно, он продиктовал ее или жена ее переписала. Это тоже интересная деталь для исследователя. Так что благодаря поддержке Центра «Наследие» эта статья была найдена, а благодаря поддержке В.В. Козловского опубликована на страницах «Журнала социологии и социальной антропологии». Теперь этот документ продолжает жить своей жизнью уже как исторический документ, поскольку он введен в оборот научных исследований.

Когда я готовилась к выступлению, мне было интересно посмотреть, какие работы П. Сорокина издаются сейчас не только у нас, но и на Западе. Было обнаружено, что интерес к его научному наследию не затихает, и об этом пишут исследователи. В качестве визуального подтверждения я собрала наиболее интересные обложки книг, которые были опубликованы буквально в последние два десятилетия. «Листки из русского дневника», «Американская сексуальная революция», «Основы социологии города и села», «Альтруистическая любовь» – все эти книги, посвященные

«Наследие» № 1 (26) (2025)

изучению альтруизма, городской и сельской социологии, революции, были опубликованы на английском языке. Самым неожиданным открытием для меня был тот факт, что книга «Долгий путь» также остается в центре внимания современных зарубежных исследователей. Можно отметить яркую особенность современных переизданий книг П. Сорокина – красочные обложки: издатели стараются делать их максимально яркими, запоминающимися, чтобы привлечь современного читателя. Одна из книг, которую я разместила в презентации, – это книга современного автора «Пророки современного общества», который поместил П. Сорокина в ряд исследователей, определивших контуры мировоззрения современного человека. Эта точка зрения не нова. Еще в первой диссертации «Критика философско-исторических и социологических концепций Питирима Сорокина», которая была защищена в 1967 г. в Советском Союзе и принадлежала перу нашего отечественного исследователя Игоря Голосенко, говорилось о том, что влияние П. Сорокина на социологическую науку колоссально, но еще большее влияние он оказал на мировоззрение современного западного общества. В эпоху глобальных социальных перемен обостряется интерес к обобщающим описаниям исторического процесса, и здесь как раз работы П. Сорокина находятся в центре внимания, и интерес современного читателя и современных издателей к его работам является подтверждением этого. Наверное, фундаментальная проблема, которую пытался решить П. Сорокин, когда он в конце своего научного пути сосредоточил внимание на альтруизме, он все-таки нашел ключик к решению этой фундаментальной проблемы человечества – границы применения насилия ради достижения определенных целей. Книга, о которой сегодня уже говорилось, – «Власть и нравственность. Кто должен сторожить стражей?» – это тоже попытка П. Сорокина найти решение этой сложной проблемы. В этой книге он дает ответ, который заключается в том, что современная система управления не отвечает тем требованиям, тем ожиданиям, которые выдвигает перед ней общество.

Поскольку тема моего выступления связана скорее с источниковедением, стоит отметить, что важным понятием для социолога является понятие документа. Документ – это интеллектуальный продукт, результат осознанной целенаправленной человеческой деятельности, которая преобразует подвижную действительность в непреходящую историческую общечеловеческую информационную ценность и целостность. В этом отношении П. Сорокин оставил нам ценный документ, который является источником информации для проведения исследований, посвященных не только Русской революции 1917 г., но и шире – проблемам русской, российской цивилизации. К источникам можно отнести и социологическую публицистику, и те статьи, которые П. Сорокин публиковал на страницах газет «Воля народа» и «Дело народа», когда у него возник интерес к научному осмыслению революционного процесса. Но я бы немного расширила эти хронологические рамки и сказала о том, что первые исторические документы, которые оставил П. Сорокин, – это его личные наблюдения, опыт начального революционного, можно сказать, романтического периода вступления в партию эсеров. Итогом этих наблюдений явилась книга «Прачечная человеческих душ», которая была опубликована не так давно и о которой до недавнего времени многие исследователи ничего не знали. Что мы можем найти в ней как исследователи? Огромное количество личных наблюдений и воспоминаний, которые в 1917 г. были еще достаточно свежими. Не случайно я привела в при-

мер книгу, которая также является историческим документом и появилась на свет благодаря научной деятельности исследователя из Архангельска Юрия Всеволодовича Дойкова «Записки революционерки Елизаветы Постниковой». Фрагменты этой книги были опубликованы практически сразу после ее написания, а полностью она вышла только спустя десятилетия. Мы прекрасно помним те процессы, которые шли в 1920–1930-е гг., и поскольку «Прачечная человеческих душ» и «Записки революционерки» опираются на реальные события и Елизавета Постникова и Питирим Сорокин, находясь за рубежом, понимали, что если эти книги будут опубликованы, то, наверное, многим соратникам, многим их друзьям, коллегам, которые жили в то время в Советском Союзе, будет нанесен ущерб. В книге Сорокина отражен опыт тюремного заключения, который был у него после того, как, будучи еще совсем юным, можно сказать, мальчишкой, он включился в революционную деятельность и был арестован. В тюрьме он познакомился со многими людьми, там он стал читать те книги, которые определили его дальнейший интерес к социологической науке, т.е. тюрьма для него стала своего рода университетом, который помог ему определиться с выбором дальнейшего жизненного пути. Если мы посмотрим на второй источник, на книгу Елизаветы Постниковой, то она очень сильно отличается. Если, например, у П. Сорокина все имена изменены, то в воспоминаниях Постниковой герои выступают под своими настоящими именами, что является для исследователя ценным источником и ставит перед ним новые вопросы.

В книге П. Сорокина «Социология революции» отдельный блок посвящен деформации половых инстинктов, или рефлексов (в то время он эти понятия использовал как синонимы, как Владимир Бехтерев и Иван Павлов). Здесь Сорокин в качестве источника информации опирается прежде всего на публикации в периодической печати того времени. Он приводит примеры из писем, которые поступали в редакцию, в том числе в журнал «Работница», опирается на публикации и выступления лидеров большевиков – В.И. Ленина, А.В. Луначарского, А.М. Коллонтай, З.И. Лилиной-Зиновьевой. П. Сорокин показывает, как стала очевидной для всех деформация норм морали в то время. Хотя, по мнению автора, эта деформация шла давно и меняла российское общество еще до революции. Представление о роли и месте женщины в российском обществе было очень разным, о чем свидетельствуют два визуальных изображения, которые представлены на слайде. На верхнем изображении видим женскую артель в Рыбинске, это предреволюционный период времени, который пришелся на 1914–1916 гг. Многие женщины из деревень занимались в артели для того, чтобы прокормить свою семью. На другой фотографии – предприятие в Петербурге «Рено», которое производило станки и автомобили, и здесь мы тоже видим прежде всего работниц-женщин, доля которых составляла около 70% на российских промышленных предприятиях, особенно на тех, которые требовали достаточно высокой квалификации. На мой взгляд, работа П. Сорокина «Социология революции» похожа по подходу и по выбору источников исследования на работу Фридриха Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», когда ученый берет самые разные источники и пытается верифицировать данные методом сравнения и сопоставления. В итоге своей работы П. Сорокин делает вывод о том, что социальная революция – это динамичный взрыв, который полностью меняет положение социальных слоев населения в стране.

Если мы обратимся к книгам Сорокина «Листки из русского дневника», «Социология революции» и «Американская сексуальная революция», то увидим очевидную связь: они связаны темой революции не только в заголовке, но и концептуально. В книге «Американская сексуальная революция» Сорокин дает ответ на вопрос, почему в американском обществе не произошел социальный взрыв, похожий на тот, который произошел в Российской империи в начале XX в. Хотя все предпосылки революционных потрясений в те годы в Америке были. П. Сорокин показывает нам, что американская сексуальная революция была процессом рукотворным со стороны американской политической элиты, поддерживаемым институционально на уровне государства. Революционный потенциал молодежи, который накопился в американском обществе, американской властью был переведен совершенно в иное русло – в русло сексуальной революции. Таким образом Америке удалось избежать тех социальных потрясений, которые могли бы произойти, если бы политики не предприняли срочные меры, направленные на переключение интереса молодежи с политики и острых социальных проблем на сферу сексуальности. Кроме того, сегодня, спустя полвека, нельзя не согласиться с прогнозами П. Сорокина по поводу будущего сексуальной революции и ее последствий.

Завершая свое выступление, хочу сказать о том, что книги П. Сорокина «Социология революции», «Американская сексуальная революция» и «Власть и нравственность. Кто должен сторожить стражей?» до сих пор актуальны, особенно в области их потенциала в сфере управления социальными изменениями. Большое спасибо, коллеги, за внимание.

О.Ю. Кузванова: Марина Васильевна, спасибо большое за выступление. Хочу отметить, что Марина Васильевна очень много работала в архивах, в библиотеках и сейчас работает и находит все новые источники, принадлежащие перу П. Сорокина, которые вызывают неподдельный и глубокий интерес у исследователей. Хочу вам пожелать, чтобы вы и дальше совершали свои открытия.

Передаю слово профессору кафедры философии и социально-политических наук СГУ им. П. Сорокина Виктору Антоновичу Ковалёву с темой **«Революция как великий уравниватель и проблема социальной стратификации у Питирима Сорокина»**.

В.А. Ковалёв: Изучение П. Сорокиным проблем социальной стратификации, социальной мобильности имеет непреходящее значение. В отличие от ряда других его теорий, изучение социального неравенства до сих пор актуально, и до сих пор идеи Сорокина представляют большую ценность. Это неудивительно, потому что проблема социального неравенства – это своеобразный центральный нерв социальной теории, социальной жизни. Люди всегда были озабочены неравенством.

Кроме того, большое значение, на мой взгляд, продолжают иметь работы Сорокина, который изучал общество и человека в эпоху бедствий. Это «Социология революции», это «Голод как фактор», это изучение последствий для российского общества войны и других социальных катаклизмов. Конечно, в этом тоже нет ничего нового, потому что социальные бедствия – постоянный спутник человеческой истории, но здесь интересно то, как Сорокин связывает эти два явления и смотрит, как

вливают эти социальные бедствия на состояние социальной пирамиды, на возможность мобильности, на воплощение пирамиды неравенства и т.д. Вот это, по-моему, интересно и очень важно с точки зрения социологии. И актуальность этих штудий Сорокина, которые во многом были, к сожалению, забыты, проявляется и в современном мире, где опять растет неравенство, где это неравенство продолжает вызывать все большее беспокойство и все больше негативных последствий. Как известно, Сорокин в своем труде о мобильности и изучении стратификации имел очень важного оппонента – К. Маркса. Сорокин яростно критиковал левых теоретиков, идеологов за их утопии о возможности наступления полного социального равенства, за однообразный подход к тенденциям роста неравенства. Как это в карикатурной формуле в советский период звучало, положение трудящихся ухудшалось, а классовая борьба обострялась и т.д. Но Сорокин показывает, что это не так. Что в истории были разные периоды: и когда неравенство росло, и когда оно уменьшалось. И он в этом своем труде демонстрирует научный подход к неравенству, он не задает какие-то априорные положения, а критикует их и смотрит, как было на самом деле. То есть он изучает те факторы, которые повлияли на рост социального неравенства или на его уменьшение. И совершенно справедливо Сорокин пишет о том, что в эпоху революций срезается верхушка социальной пирамиды и наступает эпоха большего равенства, а потом это равенство опять уменьшается за счет роста социальной пирамиды. Но делает ли Сорокин какой-то окончательный вывод об общих тенденциях? Скорее по его работам 1920-х гг. можно увидеть, что он придерживается взгляда, что это периодически сменяющиеся социальные флуктуации: то больше неравенства, то больше равенства и т.д.

Сейчас дело обстоит несколько иначе. Сейчас проблема социального неравенства обостряется, и, чтобы посмотреть на эту проблему на современном этапе, я выбрал из множества литературы двух авторов. Это знаменитый французский экономист Тома Пикетти и австрийский социолог Вальтер Шайдель. Труды первого прямо отсылают к Марксу – это «Капитал в XXI веке»*, а Шайдель написал работу, тоже ставшую очень известной, «Великий уравнитель: насилие и история неравенства от каменного века до XXI столетия»**. В этих трудах авторы берут проблематику, которая у Сорокина находилась, если можно так выразиться, «в одном флаконе»: проблема социального неравенства и проблема социальных бедствий. Вот так они друг с другом соотносятся. Тома – это левый ученый, и он в своем фундаментальном труде показывает, что на протяжении последних столетий, последних десятилетий равенство беспрецедентным образом увеличилось. XX в. – это и политическое равенство, и равенство женщин, и борьба с разной дискриминацией, и социальное государство и т.д.

А вот модель Шайделя более пессимистична. Если Тома настаивает на том, что нужно продолжать проводить социальную политику, увеличивающую социальное равенство, разными способами (через прогрессивный налог, через введение безусловного базового дохода и т.д.), то австрийский социолог подходит к этому более осторожно, и тут мы должны вспомнить поговорку: «Бойтесь своих желаний». По-

* Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем, 2023. – 592 с.

** Шайдель В. Великий уравнитель: насилие и история неравенства от каменного века до XXI столетия. М., 2020. – 788 с.

тому что в своей модели он рост равенства в XX в. не отрицает, но показывает, за счет чего оно было достигнуто. Он прибегает к так называемой политической теологии, т.е. когда социологические, экономические и прочие категории используют библейские метафоры. Он прибегает к метафоре четырех всадников Апокалипсиса. Как известно, наиболее распространенная (хотя и не единственная) трактовка этих всадников заключается в том, что на белом коне – чума, конь рыжий (или конь красный) – это война, конь черный, вороной – это голод, а на бледном коне скачет сама смерть. Австрийский ученый прибегает к этой метафоре, но меняет этих всех всадников и заявляет, что на рост равенства оказывает влияние четыре основных типа бедствий, которые происходят с обществом. Буквально цитата его звучит так: «На протяжении всей письменной истории периодическая компрессия неравенства происходила из-за войн с массовой мобилизацией, трансформационных революций, распада государств и пандемий, которые по своему воздействию на неравенство неизменно превышали любые полностью мирные средства». То есть взгляд очень резкий, очень принципиальный, что то, что было достигнуто в плане выравнивания положения людей в этом столетии, куплено за счет последствий мировых войн, социалистической революции в СССР, в Китае, революционных движений по всему миру. Сюда он добавляет крушение государства, случайности, которые приводили к анархии, связанной с разрушением системы социальной стратификации. И так же в истории большой пандемии, не псевдопандемии типа недавнего COVID-19, а реальной пандемии типа «черной смерти». Многие историки пишут о социальных, религиозных, экономических последствиях, которые имела эпидемия чумы. Можно с Шайделем поспорить, вспомнить голод, который может вызываться просто природными факторами, например, извержением вулкана или климатическими аномалиями, голод в эпоху Бориса Годунова. Тем не менее модель очень суровая. И в этой исследовательской модели, если вспомнить, что писал Сорокин о социальных бедствиях, социальной стратификации, получается, что импульс к выравниванию в обществе в XX столетии куплен, говоря словами Ф.М. Достоевского, ценой в 100 миллионов голов. На самом деле гораздо больше, если учесть потери в Азии, Китае, третьем мире, Латинской Америке и т.д. Этот беспрецедентный рост равенства достигнут очень дорогой ценой.

Но импульс к выравниванию социальной пирамиды стал к концу XX в. постепенно затухать. Хотя были еще последствия мировой войны, прекрасное послевоенное тридцатилетие и т.д. Ситуация очень драматичная, потому что истоком многих социальных проблем современной глобальной политики является именно беспрецедентное неравенство и еще большее его увеличение. Когда на одном полюсе концентрируется все больше богатства, а на другом все больше нищеты, то это ведет к глобальному социальному напряжению, прорывающемуся в виде актов насилия и т.д. И здесь интересно замечание подобное тому, что высказывалось по поводу конвергенции. Конвергенция, конечно, есть, конвергенция кризисов, конвергенция неравенства, когда и на Западе, и на Востоке растет неравенство. В нашей стране печально известны последствия шоковой терапии. Но ведь на Западе этот рост неравенства начался еще раньше: в англо-саксонском мире в 70-е гг., в Западной Европе в 1980-е гг. и т.д. Получается, что Россия с Чубайсом и Ельциным попала в общемировой тренд, просто это произошло более резко из-за последствий социалистиче-

ского эксперимента, когда вдруг в стране, в которой говорили, что все равны, вдруг появились олигархи, миллиардеры и т.д. На самом деле этот процесс идет повсеместно, по всему миру – и в глобальном масштабе, и на уровне стран. В Западной Европе до недавнего времени он тормозился социальным государством, социальной политикой, высокими налогами, но, как видим, сейчас там неравенство тоже растет, причем весьма заметными темпами. Так вот, возвращаясь к Сорокину в связи с этими тенденциями, очень интересно было бы посмотреть на его прогнозы уже столетней давности по поводу социальной стратификации и оценить их.

Но от чисто социологических проблем (или в основном социологических) Сорокин совершает резкий переход и начинает писать про социокультурную динамику, про то, какие статуи и картины относятся к идеациональной или чувственной эпохе и т.п. Трудно сказать, разделил бы Сорокин пессимистические выводы современных ученых по поводу роста неравенства или нет. Но он явно вместе с другими теоретиками XX в. видел наступление новой эпохи, даже желал наступления этой эпохи – эпохи кризиса, эпохи, когда что-то должно измениться принципиально, в самой основе. Потому что если будет продолжаться то, что сейчас происходит, то неравенство будет расти, а социальная ненависть и социальные последствия будут увеличиваться.

Что еще можно добавить? Возникает вопрос: почему в США социальное напряжение не происходило? А почему оно должно было произойти? Ведь в послевоенный период наблюдался беспрецедентный рост богатства, происходило появление и укрепление среднего класса. Кроме того, по закону 1944 г. в США огромное количество военнослужащих получило доступ к университетскому образованию. От добра добра не ищут, и если смотреть на саму модель революции Сорокина, то послевоенная Америка, Америка Эйзенхауэра, ни к какой революции не была склонна, потому что положение десятков миллионов людей реально улучшалось. Есть и другое мнение, согласно которому революция происходит не тогда, когда очень плохо, а тогда, когда происходит экономический рост. В этом есть свои резоны. Никаких однозначных выводов у меня нет, потому что сама интеллектуальная траектория Сорокина, само его поведение, несколько загадочно и недостаточно исследовано. Я не вполне понимаю его интеллектуальные метания последних десятилетий. И то, что я говорил по поводу связи с социальной стратификацией и социокультурной динамикой, носит больше характер гипотезы.

В.В. Козловский: Спасибо, Виктор Антонович, за ваше выступление, оно такое провокативное. Мы уже много знаем о П. Сорокине, но вы говорите, что он, по сути, вам неизвестен. Хорошая формулировка для дальнейшего исследования. У меня вопрос был к Марине Васильевне, в том числе и к вам. Вы подчеркиваете внимание Сорокина к проблеме социального неравенства и к изменению стратификации. Но тем не менее я хотел напомнить, что все-таки П. Сорокин вопреки господствующему тренду главный фактор общественного развития видел все-таки в культурном факторе. Сегодня многие социологи говорят, что, может быть, Сорокин был в большей мере прав, когда уповал в своих ранних статьях на просвещение и образование. И вот вы приводите пример того, что доступ к образованию – один из путей перевода одной социальной энергии в другой вид. По сути дела, Сорокин поднимал вопрос

о том, какое место культура занимает в социокультурной динамике, и акцентировал внимание, вопреки социологическому сообществу, в том числе американскому, на роли культурных факторов. Я бы хотел услышать ваше мнение.

В.А. Ковалёв: Спасибо за интересный вопрос. Значит, по пунктам. Американский период жизни и творчества П. Сорокина является для нас в значительной степени *Terra incognita*. И многие вещи мы не понимаем, т. к. не видим культурного и др. «подшерстка». Многие сорокинские работы переводятся, но обстоятельства, какие-то внутренние импульсы недостаточно изучены. Рискну заметить, что и в целом взгляд на его творческий путь часто отличается своеобразной «близорукостью» (обычно это просто пересказ его биографии или содержания работ: «учился у Ковалевского», «спорил с Парсонсом» и т.д.), ну а в плане социально-философских учений – какие идейные течения слились в сорокинском мировоззрении?

Что касается перехода к социокультурной динамике, я не скажу, что в восторге от этой схемы. Не то чтобы она совсем неверна, я не могу сказать в таком глобальном масштабе; но за претензией объяснить всю мировую историю неизбежно следует противоречивая трактовка множества деталей (а ведь «дьявол в деталях»; трудно представить себе, что бы сделали современные специалисты по истории культуры, науки и техники и т.п. с многочисленными сорокинскими выкладками). Но повторим: это слишком абстрактная схема*. Кризис чувственной системы, ну да, кризис: развивающаяся цивилизация вообще находится в перманентном кризисе, но выводы из этого могут быть разными. Сорокин же с помощью своей «универсальной отмычки» пытается объяснить изменения социальных нравов, разрушения институтов и все подряд. А применима ли модель Сорокина к незападным или мало связанным с Западом цивилизациям? Насколько глубоко в глубь истории можно применять идею смены суперсистем культуры? Есть много вопросов для серьезной дискуссии, если, конечно, она еще актуальна. В ряде довольно ехидных рецензий, которые были перепечатаны в томах Собрания сочинений, содержатся довольно важные вопросы относительно сорокинской модели.

Сорокин нередко утверждал эту схему как некий мессия, а не как социолог, ученый, который готов согласиться с критикой, корректировкой, как Тойнби. Тойнби же

* *Примечание.* Сорокинские социокультурные суперсистемы отчасти напоминают деление всех философов на «материалистов» и «идеалистов» – так в советских учебниках излагалась трактовка Энгельсом «основного вопроса философии» (другая его сторона – познаваемость мира). В посткоммунистические времена сводить все многообразие и сложность философских учений к «материализму» или «идеализму» кажется чем-то диким. Однако забавно то, что термины «идеализм» и «материализм» в их привычном для нас значении хорошо подошли бы для обозначения сорокинских суперсистем. Ведь по их характеристикам в «Динамике» можно говорить о системе, ориентированной преимущественно на материальные ценности и на идеальные. Третьей будет система смешанная.

Представляется, что переводчики, стремясь к буквальной точности, потеряли в содержательности обозначений. А слова «идеациональный» и тем более «сенсатный» заставляют заподозрить жестокое издевательство над русским языком. Также не представляется удачным обозначение суперсистем как «чувственная» и «идеалистическая». Значение и смысл их для русского читателя заметно отличается от того, что излагает Сорокин. Ему, изгнаннику из России, приходилось писать и говорить на чужом языке, что чувствуется до сих пор, когда даже специалисты не едины в том, как переводить важнейшие сорокинские понятия. Повторим: нам предложенные названия кажутся весьма сомнительными, впрочем, как и вся эта гарвардская «трехчленка», напоминающая библейскую тринитарность.

изменял свою схему под влиянием новых археологических данных и критических дискуссий. Сорокин стоял на своем. Эта позиция напоминает религиозного пророка, но не позицию ученого, который готов согласиться на изменение своих подходов под влиянием новых аргументов и фактов. Я не знаю, правильна или нет его схема, я просто высказал гипотезу о том, что Сорокин, изучая социальное неравенство, видел своего рода тупиковость в расхождении с идеалами своей юности, молодости, он же был эсером, был левым, выступал за большее равенство, за уничтожение бедности. А тенденции это не подтверждали. И тогда он решил прибегнуть к такому взрывающему фактору, т.е. сказал, что система чувственной культуры везде в кризисе, у нас конвергенция кризисов, что все должно измениться и якобы на фоне этого кризисного мира возникнет нечто новое, что будет, возможно, руководствоваться чем-то добрым и правильным, например, расширением альтруистических установок. Посмотрите на риторику его последних работ. Насколько это взгляд ученого, насколько это взгляд трезвого аналитика, а не того, кто выступает за все хорошее? Недаром в последней своей книге, которую недавно издали, Сорокин соревнуется с такими авторами, как Швейцер, Бердяев, Шубарт и т.п. А их можно, строго говоря, назвать социологами?

М.В. Ломоносова: Коллеги, я бы тоже хотела дать некоторые комментарии к вопросу Владимира Вячеславовича. Спасибо, что попытались оживить нашу дискуссию. Когда мы говорим о социокультурной динамике, я отчасти согласна с мнением Виктора Антоновича. Но хотела бы дать комментарий с несколько другой стороны. Когда будет опубликован на русском языке полный перевод этого четырехтомного издания, я надеюсь, многие прочитают эту сокровищницу социологической мысли. Потому что до недавнего времени, несмотря на то, что эту книгу часто использовали культурологи, философы, она не была прочитана полностью. Многие исследователи опирались на фрагменты, которые были опубликованы в русском переводе в знаменитом сборнике «Человек. Цивилизация. Общество», а также на книгу «Главные тенденции нашего времени». Мы должны понимать, что прежде всего «Социальная и культурная динамика» – это коллективное исследование. Книга принадлежит перу П. Сорокина, но каждый том начинается со слов благодарности тем исследователям российского происхождения, которые помогали ему собирать огромный эмпирический материал. Важно понимать, как сам П. Сорокин оценивал этот труд, пытаясь создать «антитезу марксизму». И когда мы смотрим на марксизм как на социологическую теорию, то должны не упускать из внимания ее прикладное значение, а именно идеологическое, поэтому одна из задач П. Сорокина находилась именно в плоскости идеологической. Для него было важно собрать единый теоретический конструкт, который опирался бы на обширный эмпирический материал. Почему я поднимаю вопрос идеологии? П. Сорокин создал теорию социокультурной динамики, а дальше его интересовал практический вопрос: можем ли мы изменить реальность и благодаря каким инструментам и практикам? Будущее принадлежит молодому поколению, а его нужно правильно воспитать. Как его воспитать? Возможно, это можно сделать, используя как раз модель П. Сорокина, которая заключается в том, что мы должны поменять взгляд на окружающую нас действительность. Взгляд на окружающую действительность с точки зрения чувственной культуры:

«Наследие» № 1 (26) (2025)

мы делаем все для удовлетворения наших потребностей. Взгляд человека идеациональной культуры: мы не можем удовлетворить все наши потребности, поэтому мы должны менять наши мысли и желания. Это будет человек идеациональной культуры. Когда мы не относимся хищническим образом к внешнему миру, к внешним ресурсам, к окружающим нас людям. Дальше можно выйти на теорию созидательного альтруизма Сорокина как основу для воспитания личности. Поэтому, если мы посмотрим на фундаментальное исследование социальной и культурной динамики, выполненное научной группой под руководством Сорокина, как на проект идеологический, то нам становится понятен его дальнейший уход в сторону концепции созидательного альтруизма.

В.А. Ковалёв: Можно уточнение? Вы говорите, что Сорокин спорил с марксизмом. А с какой частью марксистского наследия он спорил – с научной, идеологической или псевдорелигиозной? Например, критика абсолютного обнищания, и Сорокин показывает, что это не так, да? Мол, трудящиеся не становятся постоянно беднее на протяжении всей истории, а происходит флуктуация неравенства. Или возьмите разные главы про архитектуру, литературу и прочее. И дилетанту очевидно, что даже в сокращенном варианте сорокинские выкладки очень шаткие. Но не о них речь, в конце концов. Повторю: я не отвергаю сорокинской модели в целом. Она грандиозна и остроумна, отражает дух времени и по-своему неплохо объясняет многие социальные явления и проблемы. Но другие – не объясняет. Или же в их трактовке могут быть отличные от сорокинских интерпретации. То есть сорокинская «Динамика» – это «всего лишь» одна из объяснительных моделей. Претензии не столько к ней, сколько к схожести ее подачи в качестве «истинной религии» или «единственно верного учения».

И в чем Сорокин конкурирует с Марксом? В прогнозе, в идеологической установке, в эсхатологии? Его творческий альтруизм – это как будто конкурент «строительству коммунизма» и «моральному кодексу» строителей. Должно произойти что-то такое, что поможет создать новое общество; пусть не всемирная революция, но кризис и крах «чувственной системы». То есть здесь, повторю, конкуренция Сорокина с Марксом не в плане науки, а в плане идеологии и даже апокалиптики.

В.В. Козловский: Маленький комментарий. Что касается марксизма, я бы не согласился с Виктором Антоновичем, т.к. Сорокин выступал против экономического детерминизма. И в дальнейшем он изучал, что влияет на жизнь людей, и пришел к выводу, что культура. Сорокин попытался найти этот синтез социальной структуры и культуры. Как он это сделал, можно оспаривать, но он был на правильном пути. По крайней мере, в поиске факторов сложного социокультурного сосуществования. А если мы будем говорить, что он ушел в религиозную апологетику, то мы исключим Сорокина как ученого. На самом деле это не так. Даже в 1960-гг. он был признан как ученый, американский социолог в мировом сообществе. Потому что проблемы, которые он ставит в этой трансформации, сегодня актуальны.

О.Ю. Кузванова: Спасибо, я думаю, на этом мы завершим дискуссию. Хочу предоставить слово профессору кафедры менеджмента и маркетинга СГУ имени

П. Сорокина, доктору филологических наук Наталье Станиславовне Сергиевой. Тема ее доклада – «Полемика Бринтона–Сорокина: вопросы стиля и перевода».

Н.С. Сергиева: Мое сегодняшнее выступление – к постановке проблемы. В течение некоторого времени я занимаюсь изучением лингвистической биографии П. Сорокина, вообще филологического компонента в его жизни и наследии, переводом его работ и архивных материалов. Параллельно я занимаюсь общими проблемами транслатологии (этот термин заменил традиционный «переводоведение»). Применительно к текстам Сорокина считаю необходимым обозначить одну частную проблему перевода его произведений – перевод терминологии. Такая проблема есть, и я хочу представить ее с точки зрения лингвиста.

К настоящему моменту мы с американским соавтором работаем над переводом рецензии Крейна Бринтона на первые три тома «Социальной и культурной динамики» и ответной статьи Сорокина на эту рецензию (перевод еще не завершен).

Известно, что «Социальная и культурная динамика» была воспринята научным сообществом неоднозначно. В книге Н.Ф. Зюзева «Американские горки Питирима Сорокина» есть раздел, в котором он дает обзор рецензий на «Динамику». Он называет «Социальную и культурную динамику» самой рецензируемой социологической работой в период с 1937 по 1942 г. Из шестнадцати рассмотренных рецензий Н.Ф. Зюзев шесть выделяет как сбалансированные и положительные, две – крайне положительные, остальные – отрицательные. На пять рецензий Сорокин ответил. Среди четырех рецензий гарвардских профессоров одна сбалансированная, три рецензии – отрицательные.

В «гарвардской» группе выделяется рецензия К. Бринтона – историка, многообещающего ученого, который блестяще оправдал возлагавшиеся на него надежды. Автор ряда монографий, среди которых «Анатомия революции» (1938), «Современная цивилизация. История пяти последних столетий» (1957), президент Американской Исторической Ассоциации и т.д.

Рецензия К. Бринтона называется «Социо-астрология», она опубликована в журнале «The Southern Review» в 1937 г. Рецензия большая: она занимает 24 страницы в журнале. Николай Федосеевич справедливо называет ее язвительной, я бы добавила, что она не аналитическая, язвительная. Но не злая, скорее ехидная. То, что Бринтон прочитал первый том «Социальной и культурной динамики», абсолютно точно: он рассматривает основные понятия, проходит по основному содержанию книги. Почему я называю ее ехидной? Зачитаю несколько цитат в переводе: *У господина Сорокина много огня и энтузиазма, но ему не хватает лучшего дара писателя – умения прекратить писать. Господин Сорокин многословен, без конца повторяется, по объему примененных неологизмов он превосходит даже своих коллег социологов. Безусловно, Сорокин – поэт в том дурном смысле, который, несомненно, присущ этому слову. Однако искренняя и отважная попытка господина Сорокина использовать свое образование и навыки социолога на службе древнего искусства предсказания является лишь еще одним свидетельством огромной пропасти между пророчеством и наукой.* И все в таком тоне.

Сорокину это не понравилось, он был крайне раздражен и опубликовал в следующем номере свой ответ на бринтоновскую рецензию, назвав ее «Историони-

ка». Вот несколько выдержек: *Моя работа не претендует на премию по сочинению произведений на английском языке. Она не содержит притязаний на достоинства изящной словесности. Вообще-то говоря, большинство научных трудов, включая классические трактаты, не стремятся к изяществу стиля и прочим украшательствам, упомянутым господином Бринтоном. Только тот, кто путает художественную литературу с научным изложением, применяет поэтические критерии к научным трактатам, а их стандарты, в свою очередь, к поэзии. Как показывают приведенные выше приблизительные статистические данные, он многословен и чрезмерно повторяется, его текст насыщен эмоциями, плохо организован и бессвязен. Его стиль притворяется игриво-забавным, но за игривостью скрывается какая-то тяжеловесная невежественность. Такая критика означает, во-первых, что у критика есть сильное внаучное желание критиковать работу во что бы то ни стало и любой ценой, а во-вторых, что, не имея возможности проникнуть в ее суть, он должен критиковать хотя бы ее тень. Если такая деятельность доставляет удовольствие господину Бринтону, я не возражаю. Заканчивает Сорокин латинским изречением *Sapienti sat* (Умному достаточно).*

Теперь, что касается проблем перевода. Все мы знаем основные понятия «Социальной и культурной динамики»: *Ideational*, *Sensate*, *Idealistic*. Перевод *идеациональный* – это перевод, что называется, санкционированный самим Сорокиным. *Sensate* переводится как *чувственный*, хотя есть и другие варианты, и *Idealistic* переводится как *идеалистический*. Н.И. Головин на последней конференции рассматривает проблему перевода этих сорокинских терминов, представив точку зрения социолога. Его глубокий и содержательный доклад подтверждает, что проблема есть и она осознается не только лингвистами.

Приведу пример, который и натолкнул меня на рассмотрение этой проблемы. Начало предложения: *The Sensatist (a neologism which makes even Mr. Sorokin so uncomfortable that he explains he prefers to use «Epicurean» in quotation marks as a synonym)*... Как переводить это предложение, если придерживаться сложившейся практики перевода *Sensate* как *чувственный*? Как от этого прилагательного образовать слово, которое обозначает лицо? Описательно, как *носитель чувственной культуры*? Тогда стилистически предложение разрушится, практически обесмыслится, а если такую практику распространить на текст в целом, он деградирует стилистически и содержательно. Н.Ф. Зюзов переводит *Sensate* как *сенсатный*, и этот подход правильный. Наш перевод: *Сенсатист (неологизм, от которого даже господину Сорокину становится настолько не по себе, что он объясняет, что предпочитает использовать слово «эпикурец» в кавычках как синоним)*...

При переводе терминологии необходимо учитывать лингвистические факторы, особенно те, которые связаны со словообразовательными возможностями слова. Если такие факторы не учитываются, то перевод вызывает вопросы. Конечно, за каждым термином стоит значение, которое зачастую имеет свою историю, а в пределах контекста термин приобретает смыслы. Лингвистический критерий объективен, и, если система не допускает или норма не санкционирует, передача значения и реализация смысла на языке перевода будут неполными. Рано или поздно эти недостатки станут очевидными.

Вообще терминология – это особая группа лексики, она очень большая. Терминология публикуется в специальных терминологических словарях и справочниках по отраслям наук и специальностям. Эти словари и справочники, кстати говоря, довольно толстые. Общие словари терминами стараются не обременять, чтобы не перегружать словари, предназначенные для рядового носителя языка, неспециалиста. Термин может попасть в общеупотребительный лексический фонд, если утратит терминологическое значение или расширит сферу употребления. Это процесс небыстрый, но он постоянно происходит в языке в целом и в истории отдельных слов в частности.

И если вернуться к термину *Sensate*, то я обратилась к словарям, а общие словари у меня достаточно большие: двуязычный Оксфордский словарь, который охватывает 180 тысяч слов и выражений, и толковый макмиллановский словарь на 2 000 страниц. В этих словарях слова *sensate* нет. Онлайн переводчики *sensate* включают и переводят как *чувственный*, *чувствительный*. Русское слово *чувственный* на английский язык переводится как *sensual*. Но это слово как термин Сорокин не использует. Почему? Чтобы не было пересечения с сенсуализмом. Я обратилась к онлайн-словарю Кембриджскому словарю, это лексикографический источник номер один, наиболее авторитетный и объемный. Там *sensate* переводится как *чувствительный* и только потом *чувственный*. Примеры употребления слова приводятся, и они относятся к сфере естественных наук примерно так: *в данных экспериментах участвуют химические соединения, чувствительные к гипертермии или данные возбудители чувствительны к антибиотикам*. То есть у этого слова есть контекстуальные ограничения. Оно употребляется в каких-то определенных специальных сферах деятельности.

Есть лингвистическая наука о терминах – терминоведение. Одно из прикладных направлений терминоведения – это перевод терминов. Существует примерно шесть способов перевода терминов, из них два основных – это заимствование и калькирование. Прочие являются разновидностями или комбинацией основных двух. Заимствование понятно, а калькирование поясню на очень простом примере: в XVIII в. слово *философия* переводили как *любомудрие* – вот это калька.

Все три термина, о которых мы сейчас говорим, – авторские и принадлежат Сорокину в рамках его теории. И здесь нужно учитывать еще один простой факт. Сорокин – носитель русского языка, носитель русского языкового сознания, как и мы с вами. Влияние этого фактора нельзя игнорировать. Если бы он хотел написать *идеальный*, а не *идеалистический*, он бы так и написал. Естественно, он не думал, что когда-то это будет переводиться на русский язык, но дело в том, что все эти основные понятия принадлежат ему. В социальных и гуманитарных науках нет жесткой унификации в терминологии, мы можем изобретать собственные авторские термины в рамках какой-то определенной оригинальной теории, мы имеем на это право. Здесь мне кажется, что попыток переименовать сорокинскую терминологию, додумывать за него, не нужно. Моя точка зрения такая: только полное заимствование, без искажений, с учетом лингвистического потенциала переводных слов. Естественно, каждый из этих терминов получит звуковое и грамматическое оформление, присущее языку перевода: *идеациональный*, *сенсатный*, *идеалистический*. Это нормально, это правильно. Задача переводчика заключается в том, чтобы передать

авторский замысел средствами языка перевода. И мне кажется, что додумывать за Сорокина здесь не следует.

Возможны ли варианты перевода терминологии? Несомненно. Например, может существовать сложившаяся традиция перевода терминологии, она не всегда удачная, однако переводчики продолжают ее придерживаться, потому что она уже сложилась. Есть случаи многочисленных вариантов перевода авторских терминов без выбора окончательного. Это происходит, когда автор не дает четкой дефиниции понятия или меняет ее в разных трудах. Примером может служить перевод терминов В. Парето. Поэтому поиск вариантов не просто возможен, а зачастую необходим.

Есть виды перевода, в котором воплощение авторского замысла в полном виде изначально невозможно. Таков поэтический перевод. В поэтическом переводе «конкуренция» носит творческий характер. Конечно, и поэтический перевод ограничен авторским замыслом, но бывает, что перевод отрывается от оригинала и начинает жить собственной жизнью. Простейший пример – песня «Мохнатый шмель на душистый хмель...» из кинофильма «Жестокий романс». Далеко не все знают, что это Киплинг. Но это сфера художественного творчества. В науке так нельзя.

В заключение хочу сказать, что существует еще одна проблема перевода: не следует полностью полагаться на онлайн-переводчики, они освобождают от черновой работы, но основная работа переводчика начинается после нее. Это серьезная смысловая коммуникация между автором оригинального текста и переводчиком. Спасибо.

О.Ю. Кузванова: Спасибо большое за интересное выступление. Кстати, В.В. Сапов не раз высказывал сожаление относительно того, что нет дискуссии по терминологической точности переводов Сорокина. Сейчас вы этот пробел заполняете.

В.А. Ковалёв: У меня есть вопросы относительно этого замечательного доклада. Вы долгое время занимались многоязычием Сорокина, скажите, как он конструировал свои тексты: он их придумывал по-русски, а потом переводил на английский или сразу мог по-английски? Второй вопрос: понятно, что английский язык ему неродной, но, может, лучший переводчик – это сам Сорокин? Я еще на прошлом круглом столе задавал такой вопрос сорокиноведам: неужели в русскоязычном наследии Сорокина нет текстов, где он употребляет эти термины на русском языке, например, пишет русскому корреспонденту: «Собери мне, пожалуйста, данные по археологии сенсатной культуры»? К вопросу о том, что материала не хватает: основные тексты переведены, а с эпистолярным наследием проблема. Неужели Сорокин никогда и нигде не писал по-русски про чувственную культуру?

Н.С. Сергиева: Если отвечать на первый вопрос, у меня есть ряд публикаций, основанных на архивах университета Саскачевана, которые показывают, что русский язык не уходил из употребления Сорокиным по крайней мере до 1941 г., думаю, что и после. Это материалы, которыми мы располагаем. А дальше возможности посмотреть не было. То, что он думал на двух языках, это абсолютно точно. И подготовительная работа – обдумывание основных мыслей – показывает, что он себя разворачивал в сторону английского языка, но, если не находил слово с ходу, писал по-русски. Примеров этого достаточно много. Он прекрасно понимал, что язык надо

менять, что английский язык в американский период жизни – это основной язык, это язык его профессии. Более того, известно, что в своей семье Сорокины отказались от использования русского языка с детьми. Сейчас это трудно представить, но в Америке того времени детей упрекали за то, что они плохо говорят по-английски, что они говорят с акцентом.

Его тексты редактировались, об этом пишет и Сергей Сорокин, есть свидетельства эпистолярные, что тексты перед публикацией подвергались редакции. Это факт. Русский язык ушел на периферию языкового сознания, но не исчез совсем.

Теперь что касается русского эпистолярного наследия: в опубликованном материале эти термины не встречаются. Есть, конечно, неизвестные источники, но они пока недоступны. Было бы интересно посмотреть.

В.П. Марков: У меня есть небольшая реплика. Здесь проявилась проблема нехватки информации. Это показывает, что нужна серьезная и системная работа с архивами. Эта работа с архивом Саскачеванского университета начата, но еще недостаточная. Там еще масса материалов, которые не изучали исследователи. Например, когда я был там в 2010-е гг., были коробки, которые не открывались с момента их перевозки из дома Сорокина, т. е. они лежали там около 40 лет. Вопрос касался переписки с русскоязычными исследователями. Такие материалы в основном если сохранились, то находятся в домашнем архиве Сорокиных. Доступ к домашнему архиву – это дело будущего. Я не сомневаюсь в том, что в письмах обнаружится масса любопытного, интересного для исследователей. Даже книга «Избранная переписка», которая была издана (переписка Сорокина с известными людьми самых разных стран) показывает, что она была обширной. Кстати, Сорокин очень щепетильно относился к любой бумажке, даже к карточкам, которые ему оставляли собеседники и т.д. Он комментировал их и в дальнейшем, когда доставал ту или иную карточку, четко помнил всех, с кем имел дело. Спасибо.

Н.С. Сергеева: Валерий Петрович, вы абсолютно правы. Мы уже проработали весь доступный материал, а в недоступных пока архивах хранится очень много интересного.

М.В. Ломоносова: Коллеги, у меня есть маленький комментарий. Очень интересный доклад, и вопрос Виктора Антоновича как раз касался исторических документов, того, как сам Сорокин определял эти термины в своей переписке с русскими коллегами, прежде всего с исполнителями проекта «Социальная и культурная динамика». Дело в том, что исследовательская программа, которую Сорокин отправлял ученым для получения от них историко-фактологического материала, была универсальной, а материал – эмпирическим, и там он эту терминологию не использовал. Эти термины появились позже, когда он анализировал и обобщал тот материал, который ему присылали из самых разных мест очень непохожие друг на друга исследователи.

Я подумала, что было бы интересно в очередном номере журнала «Наследие» опубликовать эту исследовательскую программу для того, чтобы у ученых была возможность познакомиться с этим историческим документом.

О.Ю. Кузванова: Спасибо, Марина Васильевна, будем ждать от вас материал. У нас осталось еще три выступления. Предоставляю слово доценту кафедры истории России и зарубежных стран СГУ им. П. Сорокина, к.и.н. Вере Сергеевне Русановой. Она познакомит нас с темой «Заметки П.А. Сорокина в газете “Воля народа” как источник по истории Великой российской революции 1917 г.».

В.С. Русанова: Благодарю. Сегодня мы вновь затронем вопрос о источниковедческом потенциале статей П. Сорокина в печатных изданиях, а именно в газете «Воля народа». Кратко обозначу ключевые темы по истории революции 1917 г. в газетных заметках П. Сорокина, какой материал они дают для исследования данной проблемы. Отмечу, что работа с периодической печатью занимает важное место в источниковедении. Этот вид письменного источника выступает в качестве основополагающего по изучению Нового и Новейшего времени. На страницах газет можно наблюдать, как люди реагировали на происходящее, какое развитие событий прогнозируется современниками. По сути, этот вид источника помогает оценить настроение как людей в массе, так и отдельных категорий населения, посмотреть на историю глазами современника.

К 1917 г. П. Сорокин выработал свой определенный стиль изложения, который отличается эмоциональностью, мгновенным реагированием на все происходившее в стране, в Петрограде. В начале Февральской революции он принимал участие в издании газеты партии эсеров «Дело народа», где входил в состав редколлегии, но из-за разницы во взглядах с коллегами вскоре ее покинул. Затем появляется второе издание – «Воля народа», которая в большей степени отражала взгляды правого течения партии. Мы знаем, что сам П. Сорокин придерживался более правых взглядов. В 1917 г. он активно писал статьи для этой газеты. Некоторые вопросы нашли в ней наиболее яркое отражение. Первый вопрос был связан с созывом в Учредительное собрание. П. Сорокин, имея юридическое образование, в своих статьях подробно описывал механизм выборов в Учредительное собрание, пояснял, что это за орган, т.е. выполнял в чем-то просветительскую функцию для широких масс. Тем самым он преследовал цель обеспечить поддержку эсеров большим числом электората. Выборы в Учредительное собрание – это традиционно архиважная тема в вопросе изучения российского общества после Февральских событий. Здесь должны были решаться и крестьянский, или земельный вопрос, и вопрос, в каком виде страна будет существовать.

Второй блок тем связан с деятельностью Временного правительства, и при обращении к таким статьям П. Сорокина возникает много подтем. В статьях социолога видно, что он внимательно отслеживает деятельность Временного правительства. Например, в статье от 3 марта 1917 г. он по пунктам сверяет программу: что члены Временного правительства выполнили и что еще им предстоит сделать. Думаем, что деятельность Временного правительства его волнует не как социолога, а как политика. Он анализирует проекты, которые предлагает Временное правительство, и комментирует то, как на них реагирует общественность. Главный вопрос, конечно, поддерживают ли народные массы Временное правительство. П. Сорокин видел во Временном правительстве легитимный орган власти, в отличие от Петроградского Совета.

Третий блок вопросов, который широко представлен на страницах газеты «Воля народа», – это роль масс в революции, психология масс. Здесь П. Сорокин уже предстает как социолог. Любопытно через статьи, выходившие в период с марта по июнь, наблюдать, как меняется настроение общества и его отношение к революции. На наш взгляд, разочарование в революции как в инструменте достижения лучшей жизни у П. Сорокина происходит уже к концу лета 1917 г. Постепенно ученый утверждает во мнении, что революция не дает тех плодов, на которые рассчитывали революционеры. Приведем несколько цитат, чтобы показать, как менялось настроение автора. Если в апрельском номере Сорокин говорит о позитивных факторах, в частности, констатирует: «Народ, получив волю, хочет создать новую жизнь», – то уже в июньском номере рисует своей другой картину: «Россия – больной человек, больной опасной болезнью, что ни тронь – всюду разложение, что ни возьми – все неблагополучно, организм разлагается, распадается на части, страна гибнет...» Он видит тревожную тенденцию поворота масс в сторону большевиков.

Тема большевизма – последняя тема, которая поднимается Сорокиным начиная с 26 октября, когда выходит статья «Совершено великое преступление», которую он смело подписывает полным именем в печати. Сорокин не принимает большевистский переворот, он не считает, что большевики – это законная власть. Это не осталось без внимания со стороны новой власти, и 2 января 1918 г. П. Сорокин был арестован. Сообщение об этом появится на страницах «Воли народа», которая затем изменит свое название на «Воля страны».

Завершая, отмечу, что публицистика Сорокина остается ценным историческим источником в изучении как деятельности Временного правительства, так и Учредительного собрания, роли народных масс и вопроса первых дней власти большевиков.

О.Ю. Кузванова: Спасибо, Вера Сергеевна! Хочу сказать, что В.В. Сапов выразил благодарность тем исследователям, которые до него изучали революционную публицистику Сорокина, в том числе В.С. Русановой, которая подготовила под научным руководством В.П. Золотарева книгу «Неизвестные статьи П. Сорокина», как раз относящиеся к этому времени.

Передаю слово старшему преподавателю кафедры истории и методики обучения общественно-правовым дисциплинам СГУ им. П. Сорокина Анастасии Александровне Кутузовой. Тема ее выступления – **«П.А. Сорокин о динамике революций в историческом процессе: к постановке вопроса»**.

А.А. Кутузова: Когда мы говорим о восприятии Сорокиным революции, чаще всего мы представляем конкретный процесс с восходящим и нисходящим этапом, с определенными характеристиками, причинами, последствиями, ведущими лицами революционного процесса. Я бы хотела немного подняться над конкретной революцией и поставить вопрос о том, как в творчестве Сорокина отразилась динамика революции в целом. Сорокин формирует некий образ революции по ее причинам, характеру процесса, этапности, следствиям и говорит, что эти характеристики свойственны каждой революции. В «Социологии революции» он приводит примеры огромного количества революций, начиная с античных и заканчивая современными на тот момент. И здесь хотелось бы привести цитату из «Социологии революции»:

№ 1 (26) (2025)
«Наследие»

«Революция идет и шла довольно часто, при этом каждая постановка непохожа на другую, различные условия времени и места, различные декорации и актеры, костюмы и грим, монологи и диалоги и культ толпы, размах историко-театральных эффектов, и тем не менее во всем этом несходстве раскрывается одна и та же пьеса. Разные вариации постановки несут одну и ту же идею». Кажется, здесь все объяснено, в частности, то, что революции имеют сходство во всех своих этапах.

Но мне хочется обратиться к выдающемуся французскому ученому Г. Лебону, которого Сорокин неоднократно цитирует в «Социологии революции» и в других трудах, как в ранних (1910–1914), так и в поздних. Г. Лебон пишет: «Революции мира состоят из двух различных фазисов: из фазиса сгущения энергии и фазиса расхождения». Если мы обратимся к оригиналу текста, Лебон в нем уточняет, что это не просто повторение процесса, сгущение энергетики, создание такого состояния, ситуации перед большим взрывом, создание общности, вселенной, мира, общества. После повторения этого сгущения и взрыва новым элементам присуща новая характеристика, небольшая, но которая тем не менее отличает ее от предыдущего состояния. А как у П. Сорокина?

В рамках «Социологии революции» я составила некую схему, некоторую модель, выписала все революции, которые Сорокин упоминает, и отметила характерные черты революций, начиная с рефлексов, торможений и т.д. Получилась интересная схема, позволяющая протранслировать революционные волны в историческом процессе. Сорокин не просто дает характеристики революционного процесса через отдельные примеры революций, он представляет исторический процесс в том числе. Развитие общества не через отдельные революции, а через революции разных типов: великие и те, которые не могут быть великими из-за своей направленности, по своим целям и задачам. Есть революции, направленные не на изменения в обществе, в котором они происходят, а на противостояние одного общества другому, например, события Американской войны за независимость, которую тоже называют революцией. Иногда, как в период Великой Французской революции, происходят катастрофические процессы, отменяется собственность, изменяется концентрация материальных ценностей. В революциях середины XIX в. эти процессы тоже есть, но они не настолько яркие.

Можно сделать вывод о том, что динамика революции зависит от характера предыдущей, и это Сорокин показывает не явно, а через отдельные характеристики. Когда мы говорим о процессе изменения динамики революции, эволюции революции, можно опираться на тезис Сорокина, что прогресс революции – это не просто движение или не циклическое повторение, это привнесение нового, к чему нельзя вернуться. И изменение революций в рамках исторического процесса транслирует нам привнесение нового. И мне кажется, что такое направление исследования имеет достаточные перспективы. Спасибо!

О.Ю. Кузванова: Спасибо большое! Если нет вопросов, передаю слово аспиранту кафедры философии и социально-политических наук СГУ им. П. Сорокина, м.н.с. Международного центра социальных исследований Питирима Сорокина Алихану Али Оглы Мамедову, который осветит в своем выступлении тему «**П.А. Сорокин: от исследования причин кризисов к попыткам их решения**».

А.А. Мамедов: Тема нашего сегодняшнего круглого стола показывает, что изучение революции занимает большую часть творчества Сорокина, и уже были названы некоторые работы российского периода, которые в этом ключе были представлены, например, «Голод как фактор» и задуманная в России «Социология революции». Элементы этой проблематики можно легко обнаружить и в «Системе социологии». В этих работах анализируются причины политических кризисов, которые усматриваются Сорокиным, как было уже сказано, в подавлении человеческих рефлексов и неудовлетворительной работе государственного аппарата. На тот период новаторские и подкрепленные внушительным объемом статистических данных работы Сорокина заслуженно занимают место в первой волне теорий революции.

В работе «Социальная и культурная динамика» Сорокин приходит к выводу о том, что адекватно объяснить причины политических кризисов, к которым относится и революция, нельзя. Он приходит к нескольким важным выводам: нет четкой корреляции в количестве кризисов у различных наций, поэтому нельзя выделить, например, относительно воинственные, относительно мирные нации; волнения происходят за определенный промежуток, за несколько недель; фундаментально и внутриполитические кризисы, и войны происходят из-за несогласованности ценностей внутри сообщества или между сообществами.

Один из самых важных выводов в этой работе: больше политических кризисов происходит во время смены культурных суперсистем. Сорокин наблюдал значительный рост числа революций и публиковал работы, посвященные социокультурному кризису. И современные исследования это подтверждают.

В 1941 г., после выхода последнего тома «Социальной и культурной динамики», П. Сорокин направил все свои силы на поиск решения кризиса суперсистемы. Это подтверждается тем, что большинство его монографий этого и последующего периодов и заметная часть статей посвящены кризису чувственной системы. Интересно отметить, что первые тома «Социальной и культурной динамики» и первая монография «Преступление и кара, подвиг и награда» вышли в момент начала крупнейших конфликтов в истории человечества. В отличие от монографии «Преступление и кара ...», «Социальная и культурная динамика» лишена оптимизма и предрекает катастрофу для всего человечества.

Интересен контраст между общественной деятельностью П. Сорокина в поздний период его жизни и его политической и общественной деятельностью в молодости. Молодой ученый, революционер, он прошел долгий путь, и в течение жизни эволюционировали его творчество и его взгляды на жизнь. Можно заметить, что в 1940-х гг. Сорокин по мере сил предпринимал попытки по предотвращению кризисных моментов или по их смягчению.

Яркий пример этого показан в совместной работе П.П. Кротова и А.Ю. Долгова: волонтерская деятельность семьи Сорокиных в Фонде помощи воюющей России во время Второй мировой войны. Другим хорошим примером является переписка с главами государств: Сорокин отправлял свою работу «Россия и Соединенные Штаты» главам правительств и таким образом пытался предотвратить конфликт, показать, что нет необходимости в дальнейшем противостоянии СССР и США. Однако это не помогло.

Некоторые статьи П. Сорокина, написанные в этот период, были переведены и опубликованы в сборниках, изданных Сыктывкарским государственным университетом. Можно отметить, что внушительный объем вышедшего в 2022 г. сборника посвящен кризисной проблематике в области внутренней политики и международных отношений. Это статьи «Современный культурный и социальный кризис», «Субъективные результаты полицейской операции во Вьетнаме», «Внешняя политика мира» и др.

Создание Гарвардского центра по изучению созидательного альтруизма стало одним из ответов П. Сорокина на вызовы переходной эпохи. Центр занимался изучением созидательного альтруизма, необходимого для человечества в качестве нормы. Но альтруизм не изучался сам по себе. Изучались методы по уменьшению конфликтности в различных коллективах. Сорокин верил в возможность создания общества, в котором будет превалировать альтруизм, и, поскольку он скептически относился к возможностям государства, религии, образования и любого социального института в решении таких кризисов и установлении прочного мира, возлагал эту задачу на общество.

Выпущенные Сыктывкарским государственным университетом сборники также включали работы по проблематике кризиса чувственной суперсистемы, статьи с предложениями Сорокина по их решению: от более сдержанных статей (например, «Выбор за человечеством», в которой Сорокин указывает на происходящий социокультурный кризис и дает четыре возможных пути для его разрешения) до более строго обличающих пороки современности («Человек сегодня») и статей, открыто призывающих к распространению альтруистической модели поведения (например, «Некоторые направления деятельности Гарвардского центра по исследованию творческого альтруизма»).

Идеи Сорокина о построении интегрального общества кажутся мне труднореализуемыми, но его вклад в развитие социологических и политических теорий нельзя преуменьшать.

О.Ю. Кузванова: Спасибо большое! Я хотела задать вопрос: в ваших переводах архивных статей Сорокина вы используете понятие «сенсатная культура», сейчас вы пользуетесь термином «чувственная суперсистема». Какой вариант вы предпочитаете использовать?

А.А. Мамедов: Допускаю употребление обоих терминов.

О.Ю. Кузванова: Спасибо большое! Коллеги, наша программа завершена. Я очень удовлетворена нашим круглым столом: было интересно, было обсуждение, то, ради чего мы здесь и собираемся.

Хочу выразить благодарность всем, кто подключился к нам сегодня по видеосвязи: В.П. Маркову, В.В. Козловскому, В.С. Русановой и М.В. Ломоносовой. Спасибо, что вы были сегодня с нами. До новых встреч!

УДК 821.161.1+1

Н.А. Хренов
Москва

РОМАН М. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»: ТЕКСТ И ИНТЕРТЕКСТ

Цитирование: Хренов Н.А. Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита»: текст и интертекст // Наследие. 2025, № 1 (26). – С.41–56.

DOI: <https://doi.org/10.31119/hrtg.2025.1.1>

Citation: Hrenov N.A. *Roman M. Bulgakova «Master i Margarita»: tekst i intertekst* [Mikhail Bulgakov's novel «The Master and Margarita»: text and intertext] // *Nasledie* [Heritage]. 2025, No. 1 (26). – Pp.41–56.

DOI: <https://doi.org/10.31119/hrtg.2025.1.1>

Статья посвящена интерпретации романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита». В ней акцент ставится на предшествующих роману тенденциях в русской и мировой литературе, а также на тех авторах, что прерванную, но восстанавливаемую М. Булгаковым традицию продолжают сохранять и поддерживать. В связи с такой постановкой вопроса контекст герменевтического анализа расширяется. Исходной точкой традиции, которую выражает М. Булгаков, является Серебряный век с его интересом к демонизму и злу в человеческой природе, что позволяет понять в романе образ Воланда, а также сопровождающий этот период в истории русской культуры так называемый гностический ренессанс, охватывающий не только искусство (в частности, такое художественное направление, как символизм), но и русскую религиозную философию. В философии эту тенденцию выражал, например, В. Соловьев. Процессы становления массового общества, революция, атеистическая пропаганда и тоталитарные режимы преемственности в сохранении этой традиции нарушали. Она сохранялась лишь у отдельных авторов, в частности, у М. Булгакова, а позднее продолжала восстанавливаться в фильмах у подхватившего ее А. Тарковского.

Ключевые слова: М. Булгаков, С. Булгаков, А. Тарковский, И.В. Гете, Ф. Шеллинг, В. Розанов, А. Козырев, В. Нахимов, М. Чудакова, роман «Мастер и Маргарита», гностицизм, Апокалипсис, Откровение Иоанна Богослова, София.

Hrenov N.A. Mikhail Bulgakov's novel «The Master and Margarita»: text and intertext

The article is devoted to the interpretation of M. Bulgakov's novel «The Master and Margarita». It focuses on the trends in Russian and world literature that preceded the novel, as well as on those authors who continue to preserve and maintain the tradition that was interrupted but restored by Mikhail Bulgakov. In connection with this formulation of the question, the context of hermeneutical analysis is expanding. The starting point of the tradition expressed by Mikhail Bulgakov is a Silver Age with its

interest in demonism and evil in human nature, which makes it possible to understand the image of Woland in the novel, as well as the so-called Gnostic Renaissance accompanying this period in the history of Russian culture, encompassing not only art, in particular, such an artistic trend as symbolism, but also Russian religious philosophy. In philosophy, this tendency was expressed, in particular, by V. Solovyov. The processes of formation of a mass society, revolution, atheistic propaganda and totalitarian regimes violated the continuity in preserving this tradition. It was preserved only by individual authors, in particular, M. Bulgakov, and later continued to be restored in films by A. Tarkovsky, who picked it up.

Keywords: M. Bulgakov, S. Bulgakov, A. Tarkovsky, I.V. Goethe, F. Schelling, V. Rozanov, A. Kozyrev, V. Nalimov, M. Chudakova, the novel «The Master and Margarita», gnosticism, Apocalypse, Revelation of John the Theologian, Sofia.

Просматривая разные источники и в процессе ознакомления с ними, автор статьи пришел к выводу: любопытно было бы проследить, что предшествовало рассматриваемому произведению, было ли что-то в истории искусства, что уже обещало появление данного произведения. Это с одной стороны, с другой же стороны, важно было бы проследить, получило ли открытие, сделанное в рассматриваемом произведении, продолжение. Получится что-то вроде стереоскопического герменевтического проекта, предполагающего рассмотрение случившегося в конкретном произведении открытия в длительном историческом контексте.

Что осуществление такого проекта способно дать? Оно способно дать знание о месте произведения, а вместе с этим и творчества создавшего его автора не только в истории искусства, но и в истории культуры. Малый объем статьи не дает, конечно, возможности подобный проект реализовать. Но все же попробуем хотя бы наметить такое направление анализа, обращаясь к роману М. Булгакова «Мастер и Маргарита» и отчасти к творчеству этого писателя вообще. Если иметь в виду особенности творчества М. Булгакова, такой подход особенно важен. Громко заявивший о себе первыми своими произведениями, ставший известным и как автор романа, и как драматург, пьеса которого была поставлена в одном из лучших театров страны, он затем исчезает из художественной жизни вообще. Последний и лучший его роман будет напечатан лишь после его смерти. И когда он выйдет и будет прочитан, станет ясно: это одно из самых ярких явлений и в русской, и, пожалуй, в мировой культуре.

Размышляя над столь необычной и драматической судьбой, невольно приходишь к вопросу: что же такое вносил М. Булгаков в культуру, если оно с такой жестокостью отвергалось? Речь ведь идет не только о критике, но и о полном изъятии, об уходе талантливого человека в небытие. Предупредим читателя сразу: в качестве предшествующего и определяющего события, по-видимому бессознательно воздействовавшего на писателя и подсказавшего ему его дерзкий замысел, явился гностический «ренессанс» Серебряного века, а в качестве художника, продолжившего восстанавливать после М. Булгакова прерванную нить, был кинорежиссер А. Тарковский. Судьба А. Тарковского напомнила и даже, можно сказать, позволила прояснить и судьбу М. Булгакова. Стало ясно: эти художники одновременно восстанавливали нить, связанную с одной из латентных традиций в русской культуре.

Почему последний роман М. Булгакова не был понят ни сразу, когда его фрагменты были прочитаны родным и близким, ни потом, когда он в 60-е гг. был впервые

опубликован, правда, с купюрами? Он не был до конца понят и тогда, когда в отношениях романа и читающей публики появились посредники – экранизации. Последняя из них, фильм М. Локшина, появившись в отечественном прокате в 2024 г., снова спровоцировала множество несовпадавших интерпретаций. При расхождении в рецепции романа даже самыми искушенными читателями вывод получался один: связь романа с современной читательской аудиторией была нарушена. Потому что прервалась традиция, в соответствии с которой следует понимать этот роман. Но когда и как она была нарушена? И вообще, что это за традиция, без которой роман невозможно понять?

Особые трудности, например, возникали с восприятием Воланда, образ которого приходилось разгадывать. Если еще в первоначальных вариантах автор подсказывал, как Воланда следует понимать, и об этом свидетельствовали возможные, но впоследствии отвергнутые названия романа – «Копыто инженера», «Консультант с копытом» и т.д., то в последующих его редакциях эти признаки Воланда исчезали, что усиливало непонимание, направляя его в сторону реальных исторических деятелей и событий. Но признать это, а тем более произнести вслух и публично, имея в виду атмосферу тех лет, было совершенно немыслимо. Дьявол в романе оставался дьяволом в его средневековом виде, но к нему еще прибавлялись ассоциации с вождем. Но расшифровать эти ассоциации, тем более в печати, смерти подобно. Хотя даже если и так, то эта ассоциация вовсе не предполагала исключительно негативное отношение к подразумеваемому лицу. Тут имела место какая-то амбивалентность, затруднявшая однозначность оценки.

Конечно, Воланд – носитель зла, само зло. Но следует отметить, что между носителем зла и носителем добра у М. Булгакова возникает некая странная неразличимость. Это такой злодей, который способен делать добро. Это как образ Бога у гностиков. Бог – носитель добра, но и от него можно ожидать зла. Но возможно ли в принципе, чтобы добро шло от носителя зла? При ответе на этот вопрос можно заручиться поддержкой авторитета, а им может быть Гете. У него, как известно, Мефистофель на вопрос Фауста: «Ты кто?» – отвечает: «Часть силы той, что без числа / Творит добро, всему желая зла» [Гете, 1985, с.172]. Конечно, М. Булгаков эту формулу знал. Но он ее, разумеется, буквально не повторяет, наполняя ее автобиографическим содержанием, приобретающим библейский и прямо-таки космический размах. Все это, однако, останется в подтексте.

Но и другие образы романа тоже нуждаются в разгадке. Известную трудность представляла и расшифровка образа Мастера. Почему так назван герой? В одной из публикаций о романе, статье историка М. Сафронова [Сафронов, 2024], это объясняется использованием писателем масонской символики, особенностями иерархического строения масонского ордена. В масонских ложах существовала иерархия. Мастер у масонов – тот, кто достигает высокого статуса в иерархии. Так у М. Булгакова главного героя называет Маргарита. Толкование М. Сафронова можно принять к сведению, но есть и другие. У М. Чудаковой, которая много сделала для возрождения романа, другое объяснение. Согласно М. Чудаковой, имя «Мастер» к писателю приходит после того, как А. Ахматова рассказала о телефонном звонке Сталина Борису Пастернаку. Разговор между поэтом и вождем произошел по поводу судьбы О. Мандельштама, а его жизнь, как известно, закончилась трагически.

Видимо, вождь, как можно помыслить, прежде чем принять роковое решение, предпринимает попытку посоветоваться с теми, кто талант Мандельштама умеет оценить. «Мы предполагаем, – пишет М. Чудакова, – что слова, сказанные Пастернаку о Мандельштаме, – “Но ведь он же мастер, мастер?” – могли повлиять на выбор имени главного героя романа и последующий выбор заглавия» [Чудакова, 1988, с.411]. В другом месте романа есть фраза, также буквально взятая из телефонного разговора с вождем. Когда Воланд задает вопрос: «Что, мы вам очень надоели?», – то это именно заданный сталинский вопрос.

Прояснение многих мест и образов романа требует постановки вопроса о контексте. В глубоком погружении в творческую и личную биографию писателя, что мы ощущаем в книге М. Чудаковой, может быть, этого контекста недостаточно. Но что мы под контекстом подразумеваем? Нужно начать расшифровку романа под этим углом зрения с известной, но загадочной формулы «История искусства без имен», автором которой почему-то всегда считается классик искусствознания Г. Вельфлин, хотя на самом деле она ведет к идее Гегеля об истории как истории Духа. Автор как выразитель Духа. На наш взгляд, эта формула позволяет прояснить вопрос о контексте. Контекстом булгаковского замысла является то, что имеет место не внутри, а вне эстетики. Культура XX в. активизировала несколько профессиональных научных систем интерпретации – эстетическую, филологическую, искусствоведческую и философскую, т.е. герменевтическую. При всех безусловных достоинствах этих систем они все же сконструированы одной и той же эпистемой, если выражаться языком Мишеля Фуко, одним и тем же мировоззрением, которое ныне с легкой руки Ю. Хабермаса можно обозначить как модерн [Хабермас, 2003]. Выражением этого мировоззрения явился и продукт просветительской или модернистской (предпочтем в данном случае терминологию Ю. Хабермаса, а для него Кант и Гегель – модернистские мыслители) мысли, а именно возникшей в XVIII в. эстетики. В ней (а это европейская эстетика) акцент ставится на индивидуальное и профессиональное, т.е. авторское творчество. Это означает, что были отвергнуты другие формы сознания, мышления и в общем целые пласты культуры, связанные с коллективными формами, а они получили выражение не столько в литературе, сколько в мифологии, фольклористике и т.д.

Но фольклор и еще более древний слой культуры миф будут открыты отнюдь не модернистами, а романтиками. То, что эстетика, вызванная к жизни эпистемой модерна, поставила акцент на индивидуальное творчество, естественно. Это соответствовало европейской культуре как культуре персоналистского типа. Для этой культуры важно прежде всего индивидуальное начало. Но для XX в. как века массового общества, этого оказалось недостаточно. Позднее структуралисты решительно поставят вопрос о внеиндивидуальном содержании произведения, в чем проявлялись признаки лингвистического и семиотического поворота в гуманитарных науках. Эти внеиндивидуальные пласты были связаны с коллективным бессознательным, с фольклором, мифом, религией, обрядами, ритуалами, карнавалом, праздничной культурой, игровыми формами, перформансом. Все это долгое время предметом эстетики не являлось. А потому многое в искусстве оставалось недостаточно исследованным.

Эту проблему затронет М. Бахтин в своем известном произведении о Ф. Рабле. Еще раньше этого касался и А. Веселовский. Со второй половины XX в. к этому

пласту культуры интерес возрастает. В связи с этим Д. Бахман-Медик даже говорит о реальности в современных гуманитарных науках так называемого перформативного поворота, когда культура стала восприниматься сквозь призму театра, а театральность становится не просто признаком театра как одного из видов искусства, а категорией культурологии [Бахман-Медик, 2017]. В романе М. Булгакова игровой момент, разумеется, тоже имеет место. Вот этот оказавшийся вне эстетики пласт в ее европейском виде, а следовательно, отвергнутый и оказавшийся вне эстетики, тем не менее не деградировал и не исчез. Да и не мог исчезнуть в силу необходимости сохранять в культуре преемственность на всех уровнях. И, как оказывается, он изживался в разного рода религиозных акциях, общественных настроениях, например, в сектантских радениях. Здесь можно вспомнить эпизод с описанием хлыстовского радения в романе М. Горького «Жизнь Клима Самгина». И только иногда этот пласт прорывался в профессиональное искусство, например, в поэзию Серебряного века, о чем свидетельствовал контакт некоторых поэтов с сектантами.

Но как расшифровать это «иногда»? В последние десятилетия культурологи много писали о переходных ситуациях в истории культуры. Вот в этих ситуациях и происходил прорыв забытого и некогда отвергнутого. Отвергнутого прежде всего эстетикой. В этом ничего удивительного нет. Мы такие ситуации чувствуем потому, что сами на рубеже XX–XXI вв. в очередную такую ситуацию были погружены. Что же для нее характерно? Характерен распад поздних уровней сознания, сформированных европейским рационализмом. Как в самой Европе, так и в находящихся под ее воздействием других культурах, в том числе русской. Этот рационализм и есть особенность модернистского мировоззрения. В России в духе этого мировоззрения был сконструирован социалистический проект. Но мы оказались плохими конструкторами, поскольку, как писал Н. Бердяев, мы – не аристотелевцы, а скорее платоники [Бердяев, 2007]. Вот и революцию мы воспринимали в духе древних представлений, определявших актуальные процессы. Революция как переходная ситуация спровоцировала активность самых древних пластов сознания как сознания коллективного. Сама революция в России воспринималась как явление религиозное, а точнее – сакральное и мифологическое, что сформировало нашу коллективную идентичность.

В чем же конкретно этот символизм проявился и почему мы об этом вынуждены говорить применительно к М. Булгакову? Это проявилось, в частности, в апокалиптических настроениях революционно заряженной массы, и эти настроения в некоторых случаях подхватывались искусством. В особенности в этом преуспели символисты на рубеже XIX–XX вв. Но это и случай М. Булгакова. Используемые им в романе символы тоже следует разгадывать. То, что у него как писателя оказалась столь сложной судьба, объясняется необходимостью восстановления, а точнее, продолжения прерываемого, но все-таки так и не прервавшегося в истории культуры древнейшего пласта, на уровне которого масса осознает (если, конечно, осознает) текущие исторические события. Применительно к юнговскому понятию «коллективное бессознательное» говорить о полном осознании не приходится. Оно происходит уже на уровне профессионального сознания, т.е. часто на уровне искусства. Этот пласт, к объяснению которого мы подходим и который получил выражение в произведениях названных нами авторов, связан с апокалиптикой.

Однако почему образы апокалиптики для этого древнейшего пласта, к которому эстетика оказалась нечувствительной, являются репрезентативными? Да потому, что они – порождение и массового сознания, и массовой литературы. Ни то, ни другое к эстетике не имеет отношения. На этот вопрос точно отвечает наш философ и богослов Сергей Булгаков. Не будем путать его с М. Булгаковым. С. Булгаков, говоря об апокалиптических образах как образах фольклорных, пишет так: «Апокалиптика не была литературой в теперешнем смысле слова, т.е. произведением оторванного от жизни народных масс, субъективного, иногда кабинетного творчества. Это была народная литература, питавшая настроения народных масс... То были народные верования, народная мудрость и наука, народная религия» [Булгаков, 1993, с.368]. Это как раз тот пласт литературы, что в классическую эстетику не попадал. Но здесь важно озадачиться тем, а как же эти настроения все же до XX в. дошли и проявились в искусстве? Конечно, дошли, в том числе и с помощью Нового Завета. Хотя апокалиптические образы можно найти не только в тексте Священного Писания. С. Булгаков констатирует, что апокалиптическая атмосфера присутствует, в частности, в Евангелии от Матфея, Марка и Луки. Апокалиптика – это иудейская традиция, но она становится и христианской. Здесь из национальной она трансформируется во вселенскую.

Но ведь существует еще и гностическая обработка текстов. Апокалипсис-то написан языком гностиков [Козырев, 2007, с.173]. Значит, имеет место трансформация. В романе М. Булгакова апостол Матфей, т.е. Левий Матвей, следует за Иешуа и записывает все, что тот говорит. На допросе у Понтия Пилата Иешуа скажет, что когда он прочитал записанное Матфеем, то ужаснулся: в записанном тексте ничего от того, как было дело, не осталось. А ведь это ключ к пониманию смысла романа. Это можно рассматривать как предупреждение читателю: не ищите в романе то, что было на самом деле.

Апокалиптика у М. Булгакова не только от Библии, но в такой же степени и от атмосферы революционного времени, от великих сдвигов, разбудивших древние архетипы. «Чрез посредство Нового Завета мы, сами того не ведая, – пишет С. Булгаков, – усвоили как привычные многие образы этого отдаленного и уже умершего теперь прошлого, зародившиеся в раскаленной атмосфере последних веков иудаизма» [Булгаков, 1993, с.374]. Происхождение этих образов связано не только с христианством, но и с конкурировавшей с ним в те далекие времена религиозной системой – гностицизмом. Но ведь это было так давно. Можно ли говорить о настроениях подобного рода применительно к поздним эпохам? В исследовании «Хлыст. Секты, литература и революция» А. Эткинды* рассматриваются неофициальные, т.е. сектантские, дискурсы, продолжающие быть активными еще и на рубеже XIX–XX вв., воспроизводится множество фактов, подтверждающих функционирование древних архетипов в маргинальных сферах, в том числе в России [Эткинды, 1998]. Проблема лишь в том, что такой древний пласт культуры модерну противоречит. Модерн в его марксистском выражении – это самый беспощадный атеизм. Противоречит, да, может быть, не совсем. Уж очень радикальными были некоторые эксперименты у гностиков.

* А. Эткинды признан иноагентом, его имя внесено в реестр иностранных агентов на сайте Министерства Юстиции Российской Федерации (прим. ред.)

В ситуации перестройки была попытка этот отвергнутый пласт не только реконструировать, но и осмыслить под углом зрения его включенности в литературу. То, что вышло из коллективного бессознательного в сознание, можно проиллюстрировать с помощью литературы Серебряного века. Да профессиональная литература, если можно так выразиться, этим сознанием и была. Здесь можно назвать книги С. Слободнюка «“Идущие путями зла...”». Древний гностицизм и русская литература. 1880–1930 гг.» (1998), «Русская литература начала XX века и традиции древнего гностицизма» (1994), а также «Дьяволы Серебряного века» (1996). Эти книги появились в 90-е гг. прошлого века и кое-что проясняют, позволяя понять, что роман М. Булгакова можно осмыслить именно в этом контексте. Конечно, несмотря на выпадение из привычной литературной коммуникации, М. Булгаков не одинок.

Теперь о тех, кто пытался подхватить прерванную нить традиции, улавливаемой в романе М. Булгакова. Следующим своеобразным подвигом в этом плане был подвиг А. Тарковского, который позднее, когда роман «Мастер и Маргарита» уже был опубликован, вошел в большое кино. Это единая линия. Тарковский столкнулся с тем же, с чем еще раньше сталкивался М. Булгаков. Кстати, в планах А. Тарковского упоминается создание фильма по роману «Мастер и Маргарита». В период перестройки некоторые наши философы начали подменять богословов и читать публичные проповеди в церкви. Таким был, например, Сергей Аверинцев. Но в 1984 г. когда А. Тарковский готовился к постановке фильма «Жертвоприношение», а в нем речь идет о возможной атомной катастрофе, он в одной из лондонских церквей произнес проповедь об Апокалипсисе, которая прямо соотносилась с современностью. Он говорил: «Мы живем в ошибочном мире» [Тарковский, 1989, с.97]. Человек, оказавшись в технологической эпохе, нравственно к этому не готов.

А. Тарковский – тип художника-апокалиптики. Таким он предстает, в частности, в фильме «Сталкер». Там уставшие герои, продвигающиеся по зоне, отдыхают, а проснувшись, видят изменившийся пейзаж. Произошел сдвиг во времени. Он свидетельствует о том, что война с применением атомного оружия уже произошла. Цивилизация разрушена, а Апокалипсис стал реальностью. На изображение с героями накладывается текст из Апокалипсиса, когда ангелом снимается шестая печать и начинается день гнева. «... И вот произошло великое землетрясение, и солнце стало мрачно как власяница и луна сделалась как кровь» [Библия, с.280]. Что это за модернизация Нового Завета? Возможна ли она? В данном случае можно снова сослаться на философа и богослова С. Булгакова. Он в своем сочинении, посвященном Откровению Иоанна Богослова, утверждает, что апокалиптические образы «соответствуют тому, чему мы являемся современниками», а именно привычным атрибутам Первой мировой войны, а это – «танки и удушающие газы» [Булгаков, 1948, с.182]. Так что мировые войны в апокалиптическую парадигму вписываются. Но, как считает С. Булгаков, в нее вписывается и революция.

Что же касается М. Булгакова, то в своем первом романе «Белая гвардия» он тоже воспринимает революцию сквозь призму символики Апокалипсиса. Так, в самом начале этого романа, когда Алексей Турбин задает священнику – отцу Александру – вопрос: «Может, кончится все это когда-нибудь?», – священник берет Библию и читает: «Третий ангел вылил чашу свою в реки и источники вод; и сделалась кровь» [Булгаков, 1989, с.182]. Но Откровение Иоанна будет прочитано и в финале

этого романа («И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали и моря уже нет»).

Предшественники М. Булгакова и А. Тарковского были не только в литературе и в особенности в поэзии, но и в философии. Здесь, конечно, следует иметь в виду прежде всего Владимира Соловьева с его дерзким замыслом реабилитировать гностицизм. Но как его реабилитировать, когда Русская православная церковь продолжала сохранять традиционные формы, не пройдя то, что на Западе было названо Реформацией? И здесь снова актуален вопрос о прерываемой нити, которую восстанавливают сначала М. Булгаков, а позднее А. Тарковский. Эта нить затрагивает историю гностического «ренессанса» в России, когда он перекидывается из религиозных сект в искусство. Не так давно в Государственном институте искусствознания была проведена Международная конференция под названием «История искусства и отвергнутое знание: от герметической традиции к XXI веку» [История искусства..., 2018]. Гностицизм – тоже отвергнутое знание в России, и не только в России. Но именно это обстоятельство способно пролить свет на роман М. Булгакова.

Конечно, о гностицизме уже появились исследования наших современных философов В. Налимова, А. Козырева, И. Евлампиева, в которых было сказано то, что в советский период не мог сказать даже А. Лосев. Хотя он ведь тоже, как известно, писал о В. Соловьеве. Говорить тогда об этом было невозможно, а позднее такая возможность появилась, и дело здесь вовсе не в цензуре. А почему? Потому, что угасает модернистское мировосприятие. В силу этого становятся как-то более понятными некоторые ситуации в истории, а они удивительным образом похожи на переживаемую нами в последнее время ситуацию. А. Козырев, например, считает, что возникший в наше время интерес к гностицизму не объясняется лишь обнаружением древних коптских и сирийских рукописей. «Мы переживаем, – пишет он, – духовное состояние, типологически сродное позднему эллинизму – предсмертной, но буйной по цветению эпохе античности» [Козырев, 2007, с.68].

Зачем при интерпретации романа М. Булгакова мы обращаемся к идеям гностиков? Да потому, что нам нужно более точное понимание главного персонажа романа – Воланда. Несмотря на многие объяснения, извлекаемые из дискуссий по поводу романа, они все же пока весьма туманны. Ведь, может быть, главная проблема гностицизма – это проблема зла. Пытаясь понять Воланда, мы не можем без этого обойтись. Он – главный носитель зла. Но только ли он? А кроме того, зло-то приносит Воланд, но он, как мы уже успели отметить, в то же время способен делать и добро. Какая-то зыбкая, непрозрачная атмосфера. Представляется, что тут срываются некоторые автобиографические особенности писателя, который в ситуации полной безнадежности, когда травля достигла крайней степени и помощи ожидать было уже не от кого, уповал на помощь вожда.

Но все по порядку. Прежде всего отметим, что у гностиков Бог амбивалентен. Это огнеподобный Бог. Как рассуждает гностик Ипполит, «не находя основы своей сущности..., постоянно оскорблял светоносные вечные формы, которые спустились сюда “свыше”» [Афонасин, 2008, с.257]. До пришествия Спасителя от этого Бога происходило заблуждение душ, которые «охладились», падали на землю и существовали до прихода Спасителя во тьме. Так, Моисей говорит, что огненный Бог говорит из куста. Получается, Бог предстает в виде горящего куста, т.е. огня. Во-

обще, огонь – символ Апокалипсиса. Этот символ в последнем романе М. Булгакова возникает постоянно. Во второй книге Моисеевой «Исход» Бог вызывает к Моисею из горящего куста, чтобы возложить на него важную миссию – вывести евреев из Египта («И явился ему Ангел Господень в пламени огня из среды тернового куста. И увидел он, что терновый куст горит огнем, но куст не сгорает» [Афонасин, 2008, с.257]). В фильме А. Тарковского «Зеркало» мы этот горящий куст видим в сцене пожара. Огонь – это, конечно, апокалиптический символ, а Тарковский, повторим свою мысль, по своему мышлению апокалиптик.

Мы уже успели отметить, что роман «Мастер и Маргарита» замышлялся как роман о Воланде. Как свидетельствует М. Чудакова, в первоначальных вариантах не было ни Мастера, ни Маргариты. Все начиналось с Воланда. Да и роман первоначально назывался именно «Воланд». Это и означает, что весьма значимой проблемой для писателя оказывалась проблема зла. Но первоначально, хотя Сатана и упражнялся в нанесении зла людям, все же его существование в проект Бога входило. Первоначально Сатана – нужная Богу фигура. В проекте Бога его функция, как бы выразился В. Пропп, – это функция жалобщика на людей. Вот как понимал это Ф. Шеллинг: в человеке есть нечто, что ему все время говорит, что вся его жизнь в глазах Божьих неприятна, что бы он ни делал... Сатана – беспрестанный обвинитель человека перед Богом, неустанно напоминающий Богу о вине человека. Он выводит наружу сокрытое зло, чтобы оно не оставалось спрятанным под добром. Благодаря этому Бог получает знание о том, что его проект успешно реализуется [Шеллинг, 2020, с.711]. Но образ Сатаны не статичен. Он переживает трансформацию и наделяется новыми смыслами и функциями. Уже у Гёте он работает не только жалобщиком и доносчиком на людей. Он уже покушается на Бога, сомневаясь в том, что его проект совершенен («Я дух, всегда привыкший отрицать / И с основанием: ничего не надо / Нет в мире вещи, стоящей пощады / Творенье не годится никуда» [Гёте, 1985, с.172]). Это уже почти Бодлер, воспевающий восстающего против Бога Сатану. Эту точку зрения на Сатану потом будут утверждать некоторые русские символисты.

Без гностицизма невозможно понять не только Воланда, но и Маргариту. Когда специалист по гностикам Е. Афонасин характеризует миф о Софии (а как известно, Софией очень глубоко занимался и С. Булгаков), изложенный в трактатах, представляющих школу Валентина, Иринейя и Ипполита, он обращает внимание на присутствие в них образа Софии, а этот образ в гностической интерпретации кажется двойственным. Однако любопытно, что история этой причастной божеству и выражающей смысл божества Софии есть история ее падения, как это происходит и с булгаковской Маргаритой. Казалось бы, Маргарита в еще большей степени, чем сам Мастер, не заслуживает света, совершая не соответствующий этической норме поступок. Она решительно идет на контакт с Сатаной. «Она, – пишет Е. Афонасин о Софии, – по праву принадлежит к высшему миру, совершенна и причастна полноте, является мыслью высшего Бога и одним из эонов. Но, с другой стороны, в ней самой заложена некоторая внутренняя неудовлетворенность, одновременно увлекающая ее вверх и вниз, иными словами, не дает ей покоя» [Афонасин, 2008, с.257].

Эта неудовлетворенность порождает своеволие Софии, в результате чего она отпадает от Бога. А что же с Маргаритой? Превращаясь в ведьму, Маргарита стано-

вится причастной дьяволу. Она устаивается похвал Воланда. Тем не менее М. Булгаков не стремится представить Маргариту отрицательной героиней. Наоборот. Она у Булгакова очень деятельна, а главное – пытается восстановить справедливость. Собственно, неудовлетворенность приводит Софию как архетипа Маргариты к деструктивным и негативным поступкам. Но разве контакт ее с Воландом ради спасения затравленного Мастера не является отзвуком Софии как архетипа? Однако булгаковскую Маргариту, как и гностическую Софию, в конечном счете ожидает спасение и прощение. Защищая Мастера, по сути, спасая его, она это заслужила, и тем самым она восстанавливает утраченную ею божественную ипостась. Она спасает и себя. Получается, что это не падение, а восхождение Маргариты – Софии. Значит, контакт с Сатаной – это еще не катастрофа.

Однако не сводится ли все-таки зло исключительно к Воланду и не предстает ли Воланд лишь символом чего-то более существенного? Это, пожалуй, самый главный вопрос в интерпретации романа, требующий прояснения. Его прояснение позволит утверждать, что роман актуален и для наших дней. Если при интерпретации романа М. Булгакова мы не можем обойтись без Откровения Иоанна Богослова, то, может быть, именно этот источник, написанный, как утверждает А. Козырев, языком гностиков, т.е. языком образов и символов, но не понятий, нам в выявлении причин зла поможет больше? То, что Апокалипсис написан необычным языком, а именно языком гностиков, понятно. Гностицизм ведь – не только философская система, но и религиозная доктрина.

В истолковании Откровения Иоанна С. Булгаковым мы обнаруживаем то, что для понимания происходившего в XX в. важно. А это очень существенный источник для изживания того отрезка истории, что связан с эпохой тоталитарных режимов. Повторимся: в наиболее острой форме проблема зла поставлена именно гностиками. Эта острота связана с переносом вины за зло и страдание в мире с человека на самого Бога. Как мы уже отметили, у гностиков возникает сомнение в истинности задуманного и реализуемого Богом проекта. Но если созданный Богом мир от зла не свободен, то и сам Бог является творцом зла. По этому поводу любопытна позиция опять же Ф. Шеллинга, постигавшего природу зла в своем трактате «Философия откровения» именно в соответствии с гностической доктриной. Согласно Ф. Шеллингу (а эту идею он заимствовал у Якоба Беме), в Боге есть сам Бог и еще то, что не есть он сам, а есть его основа – «темная природа», из которой происходит темная воля в виде страстей и чувственных желаний, эгоизма, хаоса, зла и смерти, своеволия, гордыни, самовозвеличения. Об этом хорошо сказано у Пиамы Гайдено, пытавшейся разобраться в идее Ф. Шеллинга [Гайдено, 2005, с.78].

В романе М. Булгакова апокалиптика касается не только постоянно вспыхивающего или тлеющего огня. Она проявляется и в видении Бога, хотя на первый взгляд кажется, что ничего этого в Иешуа нет. Обратимся, например, к эпизоду допроса Иешуа по прозвищу Га-Ноцри прокуратором Иудеи Понтием Пилатом, когда на вопрос, все ли люди являются добрыми, арестованный отвечает: «Все». У М. Булгакова Иешуа получается каким-то всепрощенцем, кем-то вроде того самого образа Христа, которого К. Леонтьев обнаружил у Л. Толстого и Ф. Достоевского и которого он принять не может. У М. Булгакова Иешуа даже садиста Крысобоя называет «добрым человеком». Но не так все просто. Ведь кроме кротости и человеколю-

бия у Иешуа есть и разрушающие первый образ революционные убеждения. Эти убеждения Иешуа высказывает в беседе со случайно повстречавшимся ему Иудой из Кириафа, после которой власти получают от Иуды донос. Во время этой беседы Иешуа откровенно высказывает свой взгляд на государственную власть. Ну, например, такое вот его суждение: всякая власть – насилие над людьми, и должно наступить время, когда власти не будет. Так когда-то казалось даже Ленину. Ведь читал же он русских философов-анархистов П. Кропоткина и М. Бакунина. После таких слов самому прокуратору ничего не оставалось, как открыть окно и громко, чтобы отвести беду и от себя самого, ибо этот разговор могли услышать окружающие, произнести слова о том, что власть здравствующего императора Тиверия – самая справедливая. Но вот именно эта-то убежденность Иешуа и разрушает его кроткий образ, позволяя воспринимать его уже как революционера, т.е. он предстает изменившимся, таким, каким в старости станет апостол Иоанн и каким его изобразил, например, П.-П. Пазолини в фильме «Евангелие от Матфея».

Почему же текст Апокалипсиса написан обращающим на себя внимание исключительным языком? Потом В. Розанов будет задавать вопрос: откуда у Иоанна такие гнев и ярость? Откуда вообще столь неожиданный для Библии стиль, каким написано Откровение? Разве это написано кротким Иоанном? [Розанов, 1990, с.395]. Предположение В. Розанова следует признать любопытным. Ведь этот гнев и эта вспыхнувшая в Иоанне ярость направлены не только в сторону начавших обожествлять себя конкретных римских императоров и создаваемых ими систем власти, но и против самого... страшно даже и вымолвить, христианства. Как предположил В. Розанов, это что-то вроде самокритики христианства. А может быть, прозрение. На этот раз христиан критикуют не гностики или другие не приемлющие Христа секты, а сами христиане, более того, один из апостолов. Это ни много ни мало, а предсказание падения этой некогда мощной религиозной системы, постепенно в ходе истории эту мощь утрачивавшей. Кроткого Иоанна в Апокалипсисе от В. Розанова посещает еретическая мысль, а точнее, пророчество уже в момент восхождения и распространения христианства как новой религии, вытеснившей веру гностиков. В данном случае Иоанн оказывается пророком и во втором смысле.

Нет, кажется, не справится учение Христа с тьмой, как он ни старался эту тьму осветить. Мефистофель у Гете окажется прав: тьма вернется. Это является главной и для Мефистофеля, и для булгаковского Воланда целью – способствовать возвращению тьмы. Воланд прибывает в Москву, чтобы убедиться в том, что тьма и в самом деле уже стала реальностью. Тьма возвращается, когда вера ослабевает и когда ее начнут упразднять сами люди, как это и произойдет в сталинской Москве, в которой насаждается мысль, что никакого Христа в истории не было. А раз не было и нет, то и сопротивляться некому. Вот почему у М. Булгакова Воланд не столь уж и деятелен. А зачем? Он убеждается, что люди добровольно сделали все, что он пытался сделать на протяжении столетий. Поэтому он пассивен. Но утверждать, что это сделали сами люди, недостаточно. Речь здесь идет еще и о том, что вера иссякает сама. В ней, помимо выражения комплекса *resentiment*, что способствовало, как считал Ф. Ницше, ее распространению, уже было нечто такое, что со временем приведет ее к краху.

По поводу христианства, несмотря на краткое возрождение веры накануне прошлого века, точно написал умиравший от голода после революции в Сергиевом

Посаде В. Розанов: «Всю жизнь крестились, богу молились: вдруг смерть – и мы сбросили крест. “Просто, как православным человеком русский никогда не жывал”. Переход в социализм и, значит, в полный атеизм совершился у мужиков, у солдат до того легко, точно “в баню сходили и окатились новой водой”. Это – совершенно точно, это действительность, а не дикий кошмар». Да, лучше и точнее о произошедшем в России сказать невозможно. Это-то и удивительно. Однако, по В. Розанову, все-таки выходит, что дело тут касается не только России. Это ведь во всем мире осознается то, что стало вдруг ясно творцу Апокалипсиса. На то он не просто апостол, а и пророк. Уж не гностики ли влияли на сосланного римлянами на остров Патмос и поселившегося в пещере апостола Иоанна, где он и создавал Апокалипсис? Не мог апостол поклоняться языческим богам, к чему его принуждали римляне. Его и приговорили к смертной казни, но, в конце концов, просто выслали на этот каменный остров.

Что же Иоанну, когда он создавал свой ужастик, который сегодня так часто вспоминают, стало ясно? Уже в первом выпуске своего «Апокалипсиса», обращаясь к читателю, В. Розанов свой глобальный замысел проясняет. «Нет сомнения, – пишет он, – что глубокий фундамент всего теперь происходящего заключается в том, что в европейском (во всем, – и, в том числе, русском) человечестве образовались колоссальные пустоты от бывшего христианства; и в эти пустоты проваливается все: троны, классы, сословия, труд, богатства. Все потрясены. Все гибнут, все гибнет. Но все это проваливается в пустоту души, которая лишилась древнего содержания» [Розанов, 1990, с.392]. Но все же по отношению к чему и к кому в еще большей степени обращены в Откровении Иоанна крайние эмоции – гнев и ярость? Ведь это только у В. Розанова возникла эта дерзкая и еретическая мысль об угасании христианской веры. Дело, однако, не в христианской церкви и не в христианском учении.

Обратимся снова к Откровению Иоанна, а точнее, к интерпретации Откровения Сергеем Булгаковым. Оставим предположение В. Розанова в стороне. Существует гораздо более серьезный и актуальный для истории XX в. ответ. Это важно, поскольку проясняет революционный пафос, содержащийся у Булгакова в словах допрашиваемого кроткого Иешуа. Откроем в связи с этим первоисточник. Кого же любимец Христа обвиняет? Против кого направлен его гнев? Конечно же, как кажется, он направлен против главного носителя зла – Сатаны, т.е. зверя из бездны, против превратившихся в демонов языческих богов. Но ведь мы в данном случае имеем дело с описанным Гегелем символическим мышлением. А в нем получает выражение то, что предметное изображение передать не способно. Смысл образа в данном случае постигается на уровне трансцендентного. Так, истолковывая символы Апокалипсиса, С. Булгаков прямо пишет: «Зверь же в данном случае, очевидно, означает государство, притом не просто в смысле государственной организации правопорядка, вспомогательной человечеству на путях его..., но государственности тоталитарной, притязавшей стать единственно определяющим и исчерпывающим началом в человеческой жизни. Такое государство, заведомо себя преувеличивающее в своем значении, является, тем самым, началом не просто языческим, но демоническим, оно есть земной лик сатаны или множественные его лики» [Булгаков, 1948, с.102].

Вот и в романе М. Булгакова, следовательно, важен не столько сам Воланд, а то, что за ним стоит. Так, разгадывая смысл десяти рогов, т.е. диадем у четвертого зверя

в Апокалипсисе, философ говорит, что это апокалиптическое число, выражающее демонизм власти. По сути, философ дает такое толкование евангельских образов, которое позволяет понять, что происходит в мире в первой половине XX в. Однако при тоталитарном режиме существует гонение, в том числе и на само христианство. Это гонение имело место, говорит С. Булгаков, во времена появления Апокалипсиса, но в том числе позднее и при большевизме, когда философ С. Булгаков пытался расшифровать символику Откровения апостола Иоанна и когда писатель М. Булгаков работал над романом «Мастер и Маргарита». Разрушаемая сакральность в такого рода государствах вроде бы восстанавливается, но в форме знакомых по Древнему Риму человекобожеских притязаний императоров и вообще глав государств («Сами по себе диадемы свойственны лишь Христу как символ его царства...» [Булгаков, 1948, с.104]). С. Булгаков проникательно пишет о гипнозе государственного человекобожия, что получает выражение в поклонении таким «богам». У философа речь, естественно, идет не только о римской истории.

Процитируем это место: «Цезаризм (фюрерство) наших дней... – пишет философ, – по-своему является новой и как будто неожиданной параллелью Римскому абсолютизму, так же как и его торжествующее самоутверждение, приводящее в состояние помешательства народы, ему подвластные. Но этот гипноз власти по существу является только прикрытием того сатанинского начала, которое здесь действует, – борьбы князя мира сего за воцарение в этом мире при духовном его опустошении и обезбожении» [Булгаков, 1948, с.104]. В таком толковании Апокалипсиса С. Булгаковым вот что интересно. Философ говорит, что именно эти высказанные Иоанном идеи и не были услышаны, в том числе самими христианами. Не услышаны потому, что гипноз власти начал воздействовать и на само христианство, оказавшееся в союзе со светской властью. «Такое учение о власти есть его нарочитое откровение, которое, как ни странно, осталось и остается как бы неслышанным в истории христианства. Правда, его расслышали – да и нельзя было не расслышать – современники Апокалипсиса, сами переживавшие гонения и Нерона, и Калигулы, и Домициана, и вообще знавшие преследование властью именно христианской веры. Однако когда эти прямые гонения прекратились, а государство себя объявило христианским и началась так называемая Константиновская эпоха, новое положение вещей было воспринято как достигнутое наличие “христианского государства”, в применении к которому становится неуместным даже и вспоминать о звериности государственной власти» [Булгаков, 1948, с.106].

Подобной трансформации гностики, конечно, избежали. Гностицизм государственной религией не стал. Что же получается? Значит, уже старец с острова Патмос – апостол Иоанн – вызывает к жизни то, что станет образом жесткой государственности на все времена – образом Левиафана, о котором недавно вспоминали в России в связи с фильмом А. Звягинцева «Левиафан». А ведь этот фильм как раз и иллюстрировал извлеченную из символики Апокалипсиса мысль о государстве как причине зла, а также и о церкви, к этому злу причастной. Но не ощущается ли в данном случае влияние на апостола Иоанна гностицизма как свободной мировоззренческой системы? То, что влияние гностицизма на символизм Откровения Иоанна бесспорно, об этом говорит и А. Козырев. Но дело не только в этом. Такое видение государства представляет архетипическую традицию. В последующей истории она

из собственно христианства (или отвергающего гностицизм или же растворяющего его в себе) будет все больше исчезать. Это имеет объяснение. В отличие от своего соперника – гностицизма, христианство стало государственной религией. Потому, видимо, гностицизм (история которого стала драматичной, но вместе с тем его воздействие неистребимо), как пишет И. Евлампиев, начал, чем ближе к XX в., активно возрождаться [Евлампиев, 2015]. Это, по всей видимости, является и убеждением автора романа «Мастер и Маргарита».

Так, один из философов XX в. В. Налимов, которого некоторые называют «гностиком XX в.», предрасположенный к высокой оценке гностицизма, уже в 60-е гг. прошлого века на философском языке повторяет убеждение, услышанное Понтием Пилатом при допросе от Иешуа. Так, в своем ответе Б. Расселу как реакции на его статью «Почему я не христианин» он писал: «Становится ясным, что современное государство владеет излишней, чудовищной силой. За все беды XX в. несет ответственность государство. Нужно искать другие формы организации общества. Новое общественное устройство должно будет, наконец, воспринять христианское миропонимание. И если это окажется невыполнимым, то общество задохнется от возрастающего насилия, порожденного развитием техники» [Дрогалина, Дьячков, 2011]. Это суждение высказывалось во время публикации романа М. Булгакова и начавшегося расцвета творчества А. Тарковского. С тех пор многое изменилось. Например, в России произошло возвращение к христианскому миропониманию. Таким образом, используемая нами при осмыслении образов романа М. Булгакова интерпретация С. Булгаковым Откровения Иоанна помогает глубже усвоить замысел романа и понять то, что стоит за образом носителя зла – Воланда. Понятно, что как роман М. Булгакова, так и фильмы А. Тарковского, как и истолкование философом С. Булгаковым Апокалипсиса помогают осознать процесс восстановления прерванной в русской культуре традиции. Но они же помогают осмыслить реальность в духе тех массовых и архетипических настроений и представлений, что были связаны с возникновением в рождающихся массовых обществах тоталитарных режимов, которые представляются нам, людям начала нового столетия, ушедшими в историю.

Литература

- Афонасин Е. Гнозис. Фрагменты и свидетельства. СПб.: Издательство С-Петербургского университета, 2008. – 318 с.
- Бахман-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2017. – 504 с.
- Бердяев Н. Евразийцы // Трубецкой Н. Наследие Чингисхана. М.: Эксмо, 2007. – С. 5–17.
- Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового завета канонические. б/г., Family Radio Oakland California. 94621. U.S.A. Отпечатано в СССР.
- Булгаков М. Собрание сочинений в 5 т., т. 1. М.: Художественная литература, 1989. – 623 с.
- Булгаков С. Апокалипсис Иоанна. Опыт догматического истолкования. Париж. Ymca – Press. 1948. – 353 с.
- Булгаков С. Апокалиптика и социализм // Булгаков С. Собрание сочинений в 2-х т., т.2. Избранные статьи. М.: Наука, 1993. – С. 368–434.
- Гайденок П. Гностические мотивы в учениях Ф. Шеллинга и Вл. Соловьева // Vittorio // Международный научный сборник, посвященный 75-летию Витторио Страды. М.: Три квадрата, 2005. – С. 68–92.
- Гете И.В. Избранные произведения. В 2-х т., т. 2. М.: Издательство «Правда». 1985. – 704 с.

- Дрогалина Ж., Дьячков А. В.В. Налимов и гностицизм // Россия и гнозис. Труды Международной научной конференции «Раннехристианский гностический текст в российской культуре». СПб.: Издательство РХГА, 2011. – С. 56–64.
- Евlampiev И. Гностическое христианство в истории европейской философии // Россия и гнозис. Труды Международной научной конференции «Раннехристианский гностический текст в российской культуре». В 2-х т., т. 1. СПб.: Издательство РХГА, 2015. – С. 97–116.
- История искусства и отвергнутое знание: от герметической традиции к XXI веку. М.: Государственный институт искусствознания, 2018. – 416 с.
- Козырев А. Соловьев и гностики. М.: Издатель Савин С.А., 2007. – 544 с.
- Розанов В. Апокалипсис нашего времени // Розанов В. Уединенное. М.: Политиздат, 1990. – 543 с.
- Сафронov М. Сатана там правит Бал? Опыт интерпретации романа «Мастер и Маргарита» // Историческая экспертиза. 2024, № 1.
- Тарковский А. Слово об Апокалипсисе // Искусство кино. 1989, № 2.
- Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М.: Весь мир, 2003. – 416 с.
- Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. М.: Книга, 1988. – 496 с.
- Шеллинг Ф. Философия откровения. СПб.: Издательство «Умозрение», 2020. – 888 с.
- Эткинд А. Хлыст. Секты. Литература и революция. М.: Новое литературное обозрение, 1998. – 688 с.

References

- Afonasin E. *Fragmenty i svidetel'stva* [Gnosis. Fragments and evidence]. St. Petersburg: St. Petersburg University Press. 2008. – 318 p.
- Bachman-Medic D. *Kul'turnye povoroty. Novye orientiry v naukah o kul'ture* [Cultural turns. New guidelines in the sciences of culture]. M.: New Literary Review, 2017. – 504 p.
- Berdyayev N. *EvrAziyey* [The Eurasians] // Trubetskoy N. *Nasledie Chingiskhana* [The Legacy of Genghis Khan]. Moscow: Eksmo. 2007. – pp. 5–17.
- Bibliya. Knigi svyashchennogo pisanija Vethogo i Novogo zaveta kanonicheskie* [The Bible. Canonical books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments]. b/g, Family Radio Oakland California. 94621. U.S.A. Printed in the USSR.
- Bulgakov M. *Sobranie sochinenij v 5 t., t. 1* [Collected works in 5 volumes, vol. 1]. Moscow: Fiction. 1989. – 623 p.
- Bulgakov S. *The Apokalipsis Ioanna. Opyt dogmaticheskogo istolkovaniya* [The Apocalypse of John. The experience of dogmatic interpretation]. Paris. Ymca-Press. 1948. – 353 p.
- Bulgakov S. *Apokaliptika i socializm* [Apocalypticism and socialism] // Bulgakov S. *Sobranie sochinenij v 2-h t., t.2. Izbrannyye stat'i* [Collected works in 2 volumes, vol. 2. Selected articles]. M.: Nauka, 1993. – pp. 368–434.
- Gaidenko P. *Gnosticheskie motivy v ucheniyah F. Shellinga i Vl. Solov'eva* [Gnostic motives in the teachings of F. Schelling and V. Solovyov] // Vittorio [Vittorio] // *Mezhdunarodnyy nauchnyy sbornik, posvyashchennyy 75-letiyu Vittorio Strady* [The International scientific collection dedicated to the 75th anniversary of Vittorio Strada]. M.: Three Squares, 2005. – pp. 68–92.
- Goethe I.V. *Izbrannyye proizvedeniya. V 2-h t., t. 2* [Selected works. In 2 volumes, vol. 2]. Moscow: Pravda Publishing House. 1985. – 704 p.
- Drogalina J., Dyachkov A. *V.V. Nalimov i gnosticizm* [V.V. Nalimov and Gnosticism] // *Rossiya i gnozis. Trudy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Rannekhristianskij gnosticheskij tekst v rossijskoj kul'ture»* [Russia and gnosis. Proceedings of the International Scientific Conference «Early Christian Gnostic Text in Russian Culture»]. St. Petersburg: Publishing House of the Russian Academy of Fine Arts, 2011. – pp. 56–64.
- Evlampiev I. *Gnosticheskoe hrastianstvo v istorii evropejskoj filosofii* [Gnostic Christianity in the History of European Philosophy] // *Rossiya i gnozis. Trudy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Rannekhristianskij gnosticheskij tekst v rossijskoj kul'ture»*. V 2-h t., t. 1 [Russia and gnosis. Proceedings of the International Scientific Conference «Early Christian Gnostic Text in Russian Culture»]. In 2 volumes, vol. 1]. St. Petersburg: Publishing House of the Russian Academy of Fine Arts, 2015. – pp. 97–116.
- Istoriya iskusstva i otvergnutoe znanie: ot germeticheskoy tradicii k XXI veku* [The History of Art and Rejected Knowledge: from the Hermetic Tradition to the 21st century]. Moscow: State Institute of Art Studies. 2018. – 416 p.

- «Наследие» № 1 (26) (2025)
- Kozyrev A. *Solov'ev i gnostiki* [Solovyov and the Gnostics]. Moscow: Publisher Savin S.A., 2007. – 544 p.
- Rozanov V. *Apokalipsis nashego vremeni* [The apocalypse of our time] // Rozanov V. *Uedinennoe* [Solitary]. M.: Politizdat, 1990. – 543 p.
- Safronov M. *Satana tam pravil Bal? Opyt interpretacii romana «Master i Margarita»* [Does Satan rule the Ball there? The experience of interpreting the novel «The Master and Margarita»] // *Istoricheskaya ekspertiza* [Historical expertise]. 2024. No. 1.
- Tarkovsky A. *Slovo ob Apokalipsise. Iskusstvo kino* [The Word about the Apocalypse. The art of cinema]. 1989, No. 2.
- Habermas Yu. *Filosofskij diskurs o moderne* [Philosophical discourse on modernity]. Moscow: The Whole World, 2003. – 416 p.
- Chudakova M. *Zhizneopisanie Mihaila Bulgakova* [The biography of Mikhail Bulgakov]. M.: Book, 1988. – 496 p.
- Schelling F. *Filosofiya otkroveniia* [Philosophy of revelation]. St. Petersburg: Publishing house «Speculation», 2020. – 888 p.
- Etkind A. *Hlyst. Sekty. Literatura i revoliuciia* [Khlyst. Sects. Literature and Revolution]. M.: New Literary Review, 1998. – 688 p.

УДК 316.7

В.А. Ковалёв
Сыктывкар

ДНЕВНИК ВЕНАТОРА. ЭСКИЗЫ О КОНЦЕ ИСТОРИИ В АНТИУТОПИИ ЭРНСТА ЮНГЕРА

Цитирование: Ковалёв В.А. Дневник Венатора. Эскизы о конце истории в антиутопии Эрнста Юнгера // Наследие. 2025, № 1(26). – С.57–72.

DOI: <https://doi.org/10.31119/hrtg.2025.1.2>

Citation: Kovalev V.A. *Dnevnik Venatora. Eskizy o konce istorii v antiutopii Ernsta Yungera* [The diary of Venator. Sketches about the end of history in Ernst Junger's dystopia] // *Nasledie* [Heritage]. 2025, No. 1(26). – Pp.57–72.

DOI: <https://doi.org/10.31119/hrtg.2025.1.2>

В статье рассматриваются некоторые аспекты антиутопии немецкого писателя и философа Эрнста Юнгера в основном на материалах его позднего романа «Эвмесвиль». Анализируются политико-философские идеи Юнгера о конце истории, позиция «анарха» как критика технократии, анархизма и либерализма, связь юнгеровских идей с постмодернистской критикой «больших нарративов». Разбор мировоззрения Э. Юнгера связывается с ключевыми моментами его биографии и творческой эволюции.

Ключевые слова: Эрнст Юнгер, «Эвмесвиль», антиутопия, «конец истории», анарх, идеология.

Kovalev V.A The diary of Venator. Sketches about the end of history in Ernst Junger's dystopia

The article explores some aspects of the dystopia of the German writer and philosopher Ernst Junger, mainly based on the materials of his late novel «Eumeswil», analyzes Junger's political and philosophical ideas about the end of history, the position of the «anarch» as a critique of technocracy, anarchism and liberalism, the connection of Junger's ideas with postmodern criticism of «big narratives». The analysis of E. Junger's worldview is connected with the key moments of his biography and creative evolution.

Key words: Ernst Junger, «Eumeswil», dystopia, «the end of history», anarch, ideology.

* * *

... Когда они все отзвучали,
Четвертый голос предрек:
В молчанье, в величье, в печали
Кончается человек.
Он знает: просить не надо
Богов неизвестных планет,
Прошел он кругами ада
К Богу по имени Нет.

В пространствах распада, разбоя
И расовых войн, обречен,
Мир катится сам собою
В первоначальный сон.

Готфрид Бенн

1

«Меня зовут Мануэль Венатор; я – ночной стюард касбы* Эвмесвиля», – так начинается «Эвмесвиль», роман немецкого писателя Эрнста Юнгера (1895–1998).

Судьба Юнгера удивительна. Много раз он мог погибнуть на фронтах Первой мировой войны, полтора десятка раз был ранен, собрал коллекцию высших военных наград, но, в отличие от значительной части своего поколения, век которого был очень короток, прожил более ста лет. Удивительна также юнгеровская проза: это смесь философии, поэзии и мифологии; романы больше напоминают эссе, дневники – как заготовки лекций по философии, мир героев удивителен и в то же время страшно знаком.

«Эвмесвиль» (1977) – почти итоговый роман писателя, которому в пору работы над книгой было уже восемьдесят с лишним лет. Название романа – это наименование фантастического города. В то же самое время «Эвмесвиль» – это обозначение общества поклонников творчества Юнгера. Но сам автор назвал свой фантастический город в честь некоего Эвмена – соратника Александра Македонского, который пытался сохранить его империю, но был убит. Таким образом, замысел великого Искандера не был реализован, как не были реализованы другие великие замыслы в человеческой истории. И в юнгеровской антиутопии эта история подошла уже к своему концу. Люди действуют, но ничего значительного не происходит. Жизнь кое-как продолжается, но может закончиться в любой момент; о будущем почти никто не хочет думать. В Эвмесвиле сохраняются еще остатки цивилизации, но развития нет, и дальше будет только хуже. Город находится под властью тирана Кондора, в обслуживе которого состоит герой романа – тот самый «охотник», «наблюдатель», от имени которого ведется повествование. Дневник Венатора – это хроники конца истории. Внешне особых ужасов не наблюдается; они остались в прошлом. Кондор – жесткий тиран, но не безумный деспот. Народ смирился с авторитарной властью, хотя некоторые и ропщут. Для демократии, самоуправления, развития, стремления к новому и т.п. уже не осталось никакой энергии (пресловутой «пассионарности»). Конец истории – это, по Юнгера, безгранично-эклетичное смешение народов, рас, идей; ужасная постмодернистская смесь новейших научно-технических достижений, остатков каких-то традиций и возродившейся архаики. В Эвмесвиле сохраняется довольно высокий уровень жизни, люди, в принципе, в обмен на лояльность к правителю могут делать почти все, что хотят, но ничего великого они уже не желают. Конец истории – это «царство количества», так ужаснувшееся в свое время традиционалистов и не только их. По соседству с городом располагаются владения какого-то Желтого Хана, который приезжает к Кондору для совместной охоты, хотя наряду

* Крепости-резиденции правителя города.

с этим открыто и в катакомбах продолжают еще какие-то научные исследования, приобретающие все более магический характер. Но общей цели и перспектив больше нет. Все осталось в прошлом. Доживание мира «полых людей». Цивилизация умирает, но не гибнет – не взрыв, но всхлип.

2

«Узкие специалисты», что «занимаются» творчеством какого-нибудь классика, по сути дела, лишь «заготавливают» материал, который нужно использовать для дальнейшего концептуального строительства. В противном случае он просто бесполезен*.

Кто может писать о творчестве Эрнста Юнгера, если он не переводчик, не специалист по германистике или не приверженец, прости господи, идей «консервативной революции»? А если выйти за пределы стереотипов, которые сложились вокруг имени автора, и рассмотреть его наследие в более широком, общечеловеческом плане? Не раскладывать по архивным полочкам элементы мировоззрения и поэтики литератора, а актуализировать их? К тому же восхищение лучшими книгами еще никто не отменял**. Мое восхищение Юнгером началось с «Гелиополя», роман был опубликован в сборнике утопии и антиутопии ФРГ [Юнгер, 1990]. Описание возвращения главного героя в его «солнечный город» поразило тогда, на выходе из пресной и скучно-жестокоей советской эпохи, какой-то неземной красотой; открылись совершенно неведомые картины и перспективы. С тех пор «юнгер-уголок» в моем книжном шкафу заметно расширился, а сам Юнгер навсегда вошел в число самых любимых писателей. «Гелиополь» – один из главных романов XX столетия. Писатель работал над ним в «годы оккупации», и книга вышла в 1949 г., почти одновременно с военными дневниками Юнгера.

«Гелиополь» – это тоже утопическое произведение, но между тем, что описано в историях двух городов, и временем написания романов находится «дистанция огромного размера». События, которые описаны в «Гелиополе», навеяны историей первой половины XX в.: острейшей классовой борьбой, диктатурой, преследованием и уничтожением меньшинств (в романе место евреев занимают парсы)...

Но в «Гелиополе» еще просматривается какая-то утопическая перспектива, надежда на некоего мирового судью, глобального правителя, мировое государство, подобие власти ООН и т.п. В конце романа герой вместе с подругой покидает раздираемый страстями полис, устремившись к лучшей жизни, возможно, в космос. Этот роман Юнгера часто критиковали за эстетство, архаичный стиль, нестыковки в сюжете и т.п. К сожалению, писатель отчасти отреагировал на эти нападки, и в переизданиях «Гелиополь» выходил в заметно сокращенном варианте. Но, как всегда у Юнгера, философия важнее сюжета, и взгляды автора «Гелиополя» и авто-

* «И, как пчелы в улье опустелом, дурно пахнут мертвые слова» (Н.С. Гумилёв).

** Речь может идти о традициях вкусовых пристрастий. Так, француз Жюльен Грак восхищался юнгеровскими «Мраморными скалами», а сам написал о странной войне повесть «Балкон в лесу». Знаменитый англичанин Джон Фаулз хвалил «Побережье Сирта» и другие книги Грака. Нам же нравятся все трое!

«Наследие» № 1 (26) (2025) ра «Эвмесвиля» заметно отличаются, несмотря на естественную преемственность. В частности, меняется отношение Юнгера к технике. На уровне мифа у Юнгера это отношение между богами и титанами – выбор, на чью сторону встать людям. На уровне литературы – это фантастика, к которой юнгеровские романы можно формально отнести. Но это фантастика, отличающаяся от глуповатого американского мейнстрима: всех этих «космических опер», «галактических империй», телепортаций и прочих чудес дешевых изданий. Однако Юнгер отдает дань фантастическим прогнозам. Если, например, Жюль Верна хвалят за «Наутилус», то у Юнгера элита Гелиополя носит золотые хронофоры – аппараты, поразительно напоминающие современные мобильники; в повести «Стеклянные пчелы» (1957) описаны микродроны, которые собирают нектар лучше настоящих пчел, но могут ведь иметь и военное применение. В «Эвмесвиле» герой – по своей основной специальности историк, работает с «люминаром» – устройством наподобие интернета, где можно увидеть оживающие картины исторических событий. Это фантастично, но не совсем невероятно, ведь уже современные нейросети могут «оживить» портреты исторических персонажей.

Однако отношение к технике меняется. Титанизм, опирающийся на технику, больше не восхищает, а, скорее, пугает; к плодам НТР люди привыкли, и они уже не вызывают прежнего энтузиазма и необоснованных надежд. Ни дальняя связь, ни полеты в атмосфере и за ее пределами, ни космос, ни всемирное информационное пространство не делает людей более счастливыми и совершенными. В последние десятилетия жизни Эрнст Юнгер испытывал по отношению к технике все больший скептицизм. Он, по сути, разделял подход своего любимого брата – Фридриха Георга Юнгера, который выразил свое негативное отношение к НТР в работе «Совершенство техники» (эту книгу Ф.Г. Юнгер пытался издать еще во время войны, но дважды тираж сгорал из-за бомбежек). Трактат [Юнгер Ф.-Г., 2002] вышел только после войны, в пору, когда распространенным поветрием была вера в научно-технический прогресс. Однако нарастала и тревога. Атомная бомба была главным контраргументом алармистов. Возможности генетических манипуляций превращали человеческий род в Протея; «природа человека» на глазах теряла свои границы и гарантии существования. Тревогу по поводу «совершенства техники» испытывал и Эрнст Юнгер. В его фантастической версии истории будущего человечество не избегает многочисленных «огненных ударов». Люди не могут избавиться от войн и своей склонности к агрессии даже когда на «часах Апокалипсиса» (придуманных физиками-ядерщиками) до конца остаются считанные минуты.

3

Действие романа «Эвмесвиль» происходит много лет спустя после событий «Гелиополя»*. Цивилизации опять не повезло, и идея «мирового государства» также не помогла.

* «Гелиополь» занимает центральное место в жизни и творчестве Э. Юнгера, это своеобразный «экватор».

После всех устремлений и безумств люди оказались у разбитого корыта, хотя существование Эвмесвиля еще длится. Всякая современность здесь сомнительна. Выбор между тиранами или демагогами не вдохновляет. Видимость законности сохраняется, но о легитимности власти нет и речи. Оппозиция еще произносит свои речи, но протест в основном имитируется: левая рука сжата в кулак, а правая протянута за подаванием. В самом городе идеи исчерпали себя, противоречия позиций и партий сгладились. Ценности общества Эвмесвиля пародийны. Только деньги являются ценностью, значимой для всех без исключения жителей. О литературе и искусстве в Эвмесвиле мало что слышно, скорее всего, ими уже мало кто интересуется, ведь уже и сейчас они превратились преимущественно в «энтертеймент». Постистория несет в себе разрушение языка, его гибель. Наступили времена всеобщего упрощения, «феллашества» по Шпенглеру.

В городе есть свои протестанты: либералы и анархисты, но Венатор не разделяет их образа мысли. Венатор критично настроен по отношению к тирании, но он не анархист, а анарх*; в отличие от анархиста, анарх держится не за идеи, а за факты. А факты таковы, что на закате истории людей надеяться на их счастливое будущее уже не приходится...

4

По мнению французского правоконсервативного автора Алена де Бенуа, в творчестве Э. Юнгера можно выделить четыре периода: «Каждому известно, что в творчестве Эрнста Юнгера последовательно появляются четыре великих Образа, каждый из которых соответствует отдельному периоду его жизни. Назовем их в хронологическом порядке: Фронтовик, Рабочий, Повстанец и Анарх» [Бенуа, 2017, с.23]. Это не бесспорно, но качественно различные этапы в жизни писателя просматриваются довольно отчетливо. Даже просто в силу своей продолжительности среди исторических катаклизмов биография Юнгера не могла обойтись без резких поворотов и метаморфоз. Выжив на фронтах Первой мировой войны, Юнгер попробовал себя на стезе литературного творчества. Сначала его тексты были связаны именно с образом Великой войны. Первый роман «В стальных грозах» был отпечатан за счет семейных средств, а потом стал одним из самых публикуемых произведений писателя. К роману примыкает еще ряд текстов бывшего фронтовика («Лейтенант Штурм», «Перелесок 125» и др.). В 1920–1930-е гг. Юнгер много сил отдал патриотической публицистике и критике Веймарской республики [Юнгер, 2021]. Предметом бесконечных дискуссий исследователей и критиков является вопрос о связи текстов Юнгера с национал-социализмом в Германии. Измышлять здесь можно все что угодно, но фактом является то, что в годы нацизма писатель дистанцировался от диктатуры Гитлера и пропаганды Геббельса и даже сумел опубликовать роман «На мраморных

* Анарх не позволит вовлечь себя в дискуссию, он сохраняет дистанцию: «Единственный» (главный труд анархиста М. Штирнера) утверждает противоположное: Бог меня не касается. Поэтому все пути для него открыты – он может воздвигнуть и отвергнуть Бога или найти успокоение в самом себе, как ему больше нравится. Анарх вправе отменить Бога или «вступить с ним в сговор» [Козловски, 2002, с.165].

«Наследие» № 1 (26) (2025) утесах» [Юнгер, 2009], в котором явно присутствовала критика порядков Третьего Рейха.

Для меня как поклонника творчества писателя «настоящий Юнгер» начинается именно с «Мраморных утесов». Конечно, это дело вкуса, но проблема в том, что в русскоязычной среде наблюдается серьезный перекосяк во внимании и оценках по отношению к раннему и позднему Юнгеру. (Про родину писателя однозначно сказать сложно, хотя в наиболее подробной биографии писателя, принадлежащей перу д-ра Кизеля, наблюдается та же диспропорция: первый том – (1895–1933 гг.) – «толще» и подробнее второго [Кизель, 2022].) Деление на периоды, повторим, дискуссионно и условно, но есть масса публикаций, посвященных «Рабочему», «Тотальной мобилизации», военной прозе и националистической публицистике и т.п., с их сомнительной (а скорее, односторонней) социологической картиной, но много послевоенных юнгеровских трудов остаются как бы в тени. Но ведь именно на послевоенные годы приходится большая часть земной жизни писателя, а его духовный мир становится гораздо насыщеннее и глубже.

Конечно, есть много тех, кто хотел бы Юнгера радикализировать. К примеру, в Российской Федерации вышло несколько сборников статей Юнгера межвоенного периода с, мягко говоря, неполиткорректным по нынешним временам содержанием [Один из русских переводов: Юнгер, 2008]. Тексты Юнгера тех лет были обращены к «фронтовым солдатам» и молодежи, наполнены национальными лозунгами и пламенными призывами, носившими революционный характер. «Рабочий» и «Тотальная мобилизация» могут показаться сейчас сомнительными в плане социальной типологии, но они отвечали тогдашнему духу времени. Много путаницы вносит и концепт так называемой консервативной революции. «Консервативная революция» – это диссертация, а потом книга швейцарца А. Молера [См.: Молер, 2017]. В годы войны он бежал в Германию с целью записаться в Ваффен-СС, правда, это ему не удалось. В послевоенный период Молер несколько лет был секретарем Юнгера и критически относился к отходу писателя от прежнего радикализма. Духовная ситуация в послевоенной Германии была крайне неоднозначной; например, диссертацию Молера одобрил профессор Карл Ясперс, который считается антифашистом и который из-за отношения к национал-социализму серьезно разошелся во взглядах с другим известным философом М. Хайдеггером (публично так и не отказавшимся от своих национал-социалистических симпатий).

Что касается Юнгера, то он решительно не принял предложение стать винтиком тоталитарной машины геббельсского министерства пропаганды, но с началом Второй мировой войны был мобилизован в вермахт. Правда, поведение Юнгера после очередной «тотальной мобилизации» решительно отличалось от его настроения в Первую мировую войну. На подвиги его больше не тянет. Во время «странной войны» он был удостоен единственной награды – за спасение товарища, но в боевых действиях участия не принимал, а большую часть войны провел в штабе оккупационных войск в Париже. Об этом периоде остались поразительные по своей откровенности военные дневники Юнгера. Образ Солдата действиями гитлеровцев был решительно дискредитирован. Юнгер, как и многие другие офицеры, которые потом составили заговор против Гитлера, помогал кому мог, возмущался репрессиями против мирного населения, взятием заложников, преследованием евреев и т.п.

В военные дни он регулярно читал Библию, большую часть которой составляют еврейские священные тексты; даже его любовницей в Париже была «докторесса» Раву, наполовину еврейка*...

Даже просто уцелеть посреди гитлеровской живодерни было небанальной задачей. Ряд юнгеровских камрадов поплатились жизнью за участие в заговоре против фюрера; отступников буквально подвешивали на крюках для мяса – живодеры знали свое дело. Юнгеру по жизни страшно повезло: он уцелел в горниле войны и не подвергся репрессиям, правда, в конце 1944 г. потерял на фронте сына, которого незадолго до этого спас от преследования со стороны гестапо. Юнгеру удалось пережить и конец войны, и годы оккупации, во время которых существовал запрет на публикацию его произведений. Если брать роман «На мраморных утесах», то в нем в образе Старшего Лесничего вполне можно опознать Гитлера (фигурирующего потом в дневниках писателя под именем Къёболо). Приспешники Старшего Лесничего творят насилие и казни. Главные герои романа, в которых угадываются сам Эрнст Юнгер и его брат Фридрих Георг (из всех родственников он был наиболее духовно близок писателю), пытаются бороться с этим. Змеи приходят им на помощь. По сути, «На мраморных скалах» – это сказка, фэнтези. Но вопрос о природе зла и происхождении диктатуры поднят в романе совсем несказочным образом.

Отечественного читателя в военных дневниках Юнгера, скорее всего, заинтересуют записи о «посещении Советского Союза». В конце 1942 – начале 1943 г. Юнгер был в командировке на оккупированных немцами территориях и добрался даже до Кавказа. Цель его поездки до конца была неясна, но, скорее всего, он был послан участниками антигитлеровского заговора зондировать почву. Результат был отрицательный. Немецкие военные в большинстве своем сражались за Гитлера до конца.

Бедствия войны и чудесное спасение в эпицентре мировой катастрофы, несомненно, отразились на мировоззрении Юнгера: он стал мудрее. Мужчина вообще входит в ум после сорока лет («акмэ» у эллинов), особенно на фоне таких исторических событий. Это было одной из причин того, что А. Молер и ему подобные со своим радикализмом и идеями «консервативной революции» были изрядно разочарованы тем, что Юнгер пересмотрел свои более ранние взгляды. В постсоветской России также немало поклонников Юнгера хотят видеть его на крайнем правом фланге, да еще в оккультно-эзотерическом маскхалате. Наследие писателя дает для этого немало поводов, но важно видеть и значительную эволюцию его взглядов.

Здесь нет места подробно разбирать концепт так называемой консервативной революции, но нам кажется, что обычно реализация подобных идей оборачивается сапогом оккупанта и пыточным подвалом, при этом жертвами часто становятся сами

* Французский историк и политический деятель Доминик Веннер писал об этом так: «Была важная интимная деталь, о которой Юнгер всегда умалчивал: в октябре он познакомился с Софией Раву, которая фигурирует в “Дневнике” под разными псевдонимами, в частности как “Докторша”. Эта красивая и яркая молодая женщина родилась в Германии, ее мать была еврейкой. Эмигрировав во Францию, она изучала медицину и вышла замуж за французского журналиста Поля Раву, благодаря чему получила французское гражданство. Несмотря на всю скромность Юнгера, с полуслова понятно, что его связывали с этой женщиной весьма тесные личные связи вплоть до ухода из Парижа немецких войск в августе 1944 г.» [Веннер, 2019, с.168]. Этой деталью Веннер подчеркивает верность Юнгера своим гуманистическим принципам, несмотря на то, что писатель носил форму оккупационной армии. Сам мужественный француз тоже был человеком принципов: он застрелился в соборе Парижской Богоматери 21 мая 2013 г. в знак протеста против легализации однополых «браков».

идеалистически настроенные приверженцы типа консервативных революционеров. Судьба хранила Юнгера и от этого.

5

Правоконсервативные немецкие мыслители после поражения Германии устремились «на природу». М. Хайдеггер затеял «Разговор на проселочной дороге» [Хайдеггер, 1991], Карл Шмитт принялся разрабатывать «теорию партизана» [Шмитт, 2007], а Э. Юнгер в начале 1950-х гг. написал свое программное эссе «Уход в лес» [Юнгер, 2022a]. Нацистские зверства были Юнгеру глубоко отвратительны, но от либеральных порядков в послевоенной Европе он тоже был не в восторге. Что делать человеку, который не разделяет господствующих взглядов и чужд установившимся порядкам? Юнгер отвечает «Уходом в лес», понимая под этим, прежде всего, духовную оппозицию и интеллектуальную независимость. Идущий лесными тропами ищет убежище от тотальной мобилизации на священном пространстве, свободном от господства техники, труда и войны. Он бежит от растущего пространства пустыни [Козловски, 2002, с.94]. Здесь, к сожалению, нет возможности для анализа этого эссе Юнгера, которое занимает в его творчестве очень важное место. Из доступных материалов мы бы выбрали критическую статью Эрнста Никиша, который долгое время был товарищем Юнгера и также пережил в своей жизни множество перипетий. Никиш продемонстрировал глубокое понимание юнгеровского текста, притом отнесся к содержащимся там рекомендациям довольно критически [Никиш, 2019].

6

Великие войны XX в. были войнами технических достижений. На полях битв техника девальвировала и обесмысливала личный героизм (что и отразил, хотя и пытался оспаривать, Юнгер романом «В стальных грозах»). Послевоенная цивилизация пугала стремительным и бесконтрольным развитием науки и техники. Вопрос о технике стал камнем преткновения для философов. Техника требует не меньше человеческого труда, а больше, не освобождает человека, а подчиняет его себе. Юнгер был также одним из идеологов экологического движения, торжество которого проявилось гораздо позже. Во время своих многочисленных путешествий он с грустью замечал разрушение природной среды и разрушение традиционного уклада жизни. Как ему это не нравилось! Юнгер не только описывает проникновение потребительской цивилизации на средиземноморские острова, но и высказывает еще в конце 1950-х гг. в эссе «Перед стеной времени» [Юнгер, 2023a] опасения за разрушение поверхности Луны, когда человеческая жадность доберется до природных ископаемых спутника нашей планеты. На Земле же уже вовсю идет опустынивание. С Луной, это, конечно, преувеличение, но многие люди в послевоенные десятилетия долго не осознавали разрушительного эффекта научно-технического прогресса.

Проблемам отношения природы и техники посвящено, например, позднее эссе Юнгера «Филемон и Бавкида», написанное в память о погибших в авиакатастрофе друзьях [Юнгер, 2022б]. Есть два наиболее известных варианта истории о Филемоне и Бавкиде. В «Метаморфозах» Овидия Назона боги спустились к смертным и нашли достойный прием только лишь у старой пары – Филемона и Бавкиды, за что те были вознаграждены. У Гёте история Филемона и Бавкиды выглядит совсем иначе. Их маленький домик с липами мешает планам Фауста, одержимого своими грандиозными замыслами. Мефистофель и лемуры с удовольствием помогают уничтожить старичков, хотя сам ученый не хотел их гибели. Этот сюжет потом неоднократно повторялся и в литературе, и в жизни, и мы недалеко от него. Например, «Прощание с Матёрой» Валентина Распутина – это русская вариация на тему «Филимона и Бавкиды». Деревня и огромные пространства тайги подлежат затоплению, т. к. запланировано строительство огромной ГЭС. Электростанция даст энергию для производства алюминия, алюминиевые комбинаты, как и другие русские природные богатства и экономические активы, будут впоследствии захвачены олигархами. После удачного грабежа ведущие олигархи сбежали из России... Но если вернуться к Юнгеру, то можно смело утверждать, что он был одним из немногих, кто понял и почувствовал, что восхищение техникой исчерпывается, как и надежда на нее сменяется тревогой. Являются ли разочарование и пессимизм симптомами конца цивилизации?

7

Над Френсисом Фукуямой с его пресловутым «концом истории» принято сейчас потешаться. Но не получает ли вопрос «Над кем смеетесь?» гоголевский ответ? (Над собой). Фукуяма ратовал за всемирную победу либерализма, но сейчас либерализм снова отступает в глобальном масштабе, точнее даже, становится все более «полым». Во время написания фукуямовской статьи бесславно завершился коммунистический эксперимент в СССР, но «левизны» все больше. С угрозой фашизма справились военным путем, но фашистское мировоззрение не побеждено. Национализм имеет широкое распространение, но о какой «националистической революции» может идти речь в условиях вавилонского смешения языков и рас? Эвмесвилль как раз и достиг такого состояния. Приверженцам тех или иных идеологий требуется все больше усилий (или глупости), чтобы закрывать глаза на нелепости и противоречия разделяемых ими мировоззрений. Как писал П. Козловски, «гражданская война модерна сделала невозможным последовательно нравственный, моральный поступок. Обе воюющие стороны* совершили столько несправедливого и несправедливого, что ни одной из сторон нельзя доверять, ни на одну из сторон нельзя положиться» [Козловски, 2002, с.149].

Но ни одна из великих идей, «больших нарративов», не привела цивилизацию к счастью, идеологические карты одна за другой оказывались битыми. Многие люди долго верили, что из общества можно создать нечто совершенное. Средство и инструмент, необходимые для этой деятельности, – революционный прогресс. Анар-

* Сторон, конечно, больше.

хист позднего модерна, гностик и денди постистории, напротив, хорошо понимает, что все эти усилия напрасны. *Совершенное нельзя создать из несовершенного* (курсив мой. – В. К.), никакие революции здесь не помогут [Козловски, 2002, с.163]. Кто виновен в этом: злой демиург (как у гностиков) или требующая компенсации ущербность природных свойств нашего вида (как полагает философская антропология) [Гелен, 2007] – это уже вопрос следующего порядка.

8

Главный герой юнгеровского романа Венатор (что значит «охотник», «исследователь») имеет две профессии. Днем он историк-исследователь в местном университете, а потом работает в качестве ночного стюарда и разливает напитки в баре правителя города и его тирана по имени Кондор. Это редкий случай, когда персонаж художественной прозы Юнгера не офицер и не отставник. (По сути, сам Юнгер всю жизнь официально только и был или военнотружущим, или офицером в отставке. Закончить в университете курс по изучению биологии ему не удалось, насекомых он собирал как дилетант, литература – это свободное творчество и тоже «хобби».) Но Юнгер поразительно много учился, и набор книг, которые упоминаются в юнгеровских дневниках, поражает как обилием, так и разнообразием, а более всего тем, что авторы и темы юнгеровского круга чтения мало что говорят даже образованному современному читателю. Но вот в романе, который Юнгер сочинял в восьмидесятилетнем возрасте, он рискнул наделить героя профессиями историка и бармена. На такую подработку Мануэля уговорил его старший коллега Вико (прозрачная перекичка с Вико – фамилией Д. Вико, знаменитым итальянским философом истории). Аргумент состоял в том, что, близко общаясь с сильными мира сего, лучше поймешь механизмы реальной власти и политики. Правда, напрашивается еще одна аналогия: интеллектуалы, ученые – не более чем обслуга властвующей элиты. И вот стюард с дежурной улыбкой слушает разговоры в кругу Кондора, а днем включает «люминар» и наблюдает интересующие его картины прошлого. Для Венатора очень важны вопросы «Как?» и «Почему?», но на вопрос «Зачем?» в ситуации постистории трудно найти ответ.

9

Исчерпанность «великих нарративов» Эрнст Юнгер понял раньше и описал полнее и точнее, чем представители модной в конце прошлого века постмодернистской философии [Лиотар, 2016]. Герои романа живут уже в постистории, хотя и постоянно обращаются к прошлым историческим событиям.

Поэтико-герметическую составляющую юнгеровского мировоззрения никогда не стоит игнорировать. В «Эвмесвиле» эта магическая сторона реальности постоянно высвечивается. Например, ушедшие в катакомбы ученые продолжают творить свои опасные эксперименты, и мир от них сотрясается и искажается. Зашедший по-

сле службы «расслабиться» Венатор вместо любимой гетеры вдруг видит скелет со вставками из золота – металла алхимиков*.

Когда рискованные опыты взбесившегося «практического разума» обернутся Апокалипсисом? В принципе, это неизвестно, но может произойти в любой момент. Так же неожиданно может случиться и потрясение меньшего масштаба, но роковое для главного героя – военный переворот со свержением тирана Кондора.

10

Описание жизни в Эвмесвиле может даже умилить, если сравнивать его с тем, как жило большинство людей в реальной истории. Народ сыт, царит свобода нравов, почти все разрешено, правители жестоки, но не склонны к садизму. Сам Венатор внешне вполне благополучен: имеет две интересные работы, у него пара любовниц, на рынке и в кафе полно превосходных напитков и свежайших фруктов (при том, что большинство живших и живущих людей никогда не имели доступа к нормальному питанию), историк и стюард общается с интересными людьми. Но все это может закончиться в любой момент – конец Света уже различим невооруженным взглядом. Недаром же герой готовится к побегу и тщательно обустраивает себе убежище в лесу. Оно напоминает ту «беседку», которую солдаты обустроили Юнгеру во время «странной войны» и где фронтовой офицер предавался интеллектуальным занятиям**. Но поможет ли Венатору подготовка к «уходу в лес»? Спасет ли его тщательно подстеленная соломка? Скорее всего (судя по неоднозначному финалу романа), спастись уже слишком поздно.

11

Определение «Эвмесвиля» как «романа» весьма условно. Множество его страниц можно легко поменять с юнгеровскими философскими эссе или с переработанными для публикаций записями в Дневниках (в чем писатель особенно силен!). Но в любом жанре видна фирменная юнгеровская отстраненность, позиция Анарха. Стремление дистанцироваться от любой власти в случае Юнгера вполне объяснимо с точки зрения биографии его поколения, прошедшего через несколько смен политических режимов в Германии, имевших масштабные трагические последствия. Но, возможно, фигура «Анарха» – не только результат агрессивного воздействия внеш-

* Юнгер мистичен и энигматичен. Вот показательный пример, в виде маленького отрывка из его прозы: «Однажды, когда она снова стояла у камина, мне стало жутковато. Свет замигал, как перед коротким замыканием, но не пропал, наоборот, сделался ослепительно ярким. Я прикрыл глаза рукой; свет проходил насквозь. Стены словно растворились, остался только остов. Я видел стоящий у камина скелет, костяк с золотым зубом, рядом с бедренными костями – застёжки чулочного пояса и эскудо, который она уже прибрала, видел даже маленькую спираль под зевом матки» [Юнгер, 2023б, с.494].

** Вообще, при чтении военных дневников Юнгера создается впечатление, что они написаны путешественником-культурологом наподобие знаменитого Джона Рёскина (1819–1990). Кругом бушует страшная война, а капитан вермахта описывает «сады и дороги». Парижские впечатления и встречи писателя в годы оккупации сделали бы честь любому литературно-художественному салону.

ней среды, но и рецепт личного спасения. Политически ориентированный в левую сторону Э. Никиш упрекал Юнгера в стремлении сбежать от общества «в лес», победить «Левиафана», просто повернувшись к нему спиной. Но, с другой стороны, что может сделать посреди сплошного уродства и мирового безумия эстет и интеллигент-ал, дабы самому не сойти с ума, избежать судьбы Гёльдерлина или Ницше?

Можно ли укрыться в пространстве мифа*, который в данном случае будет носить надкультурный (по отношению к текущим событиям) характер. Или же укрыться в оригинальности своей самости**.

12

Миф и мир «Эвмесвиля», по сравнению с более ранним вариантом юнгеровской утопии в «Гелиополе», выглядит заметно более сниженным. Это видно хотя бы на примере женских образов в обоих романах. У Мануэля Венатора есть привычная жрица любви, есть любовница-аспирантка, но они удовлетворяют лишь его эстетические и эротические потребности. Ни о каком духовном единстве, глубокой внутренней связи, как у офицера Луция де Геера из Гелиополя, речи уже не идет. В Гелиополе главный герой, воин с высокой моралью Луций де Геер, любит и защищает свою избранницу *Будур Пери* (имя отсылает к восточной экзотике, на которую оказался падок выходец из Центральной Европы. Царевна Будур – персонаж сказок «1001 ночи», Пери – фантастическая красавица из иранской мифологии... скорее всего, в послевоенном романе отражены впечатления от французских встреч писателя, и гонимые парсы играют роль евреев. В образе героини романа просматриваются черты парижских подруг Юнгера. Помимо Раву, это, по-видимому, и «восточная женщина» – писательница Банин, родом с Кавказа; она была близка с Юнгером, поила его крепчайшим кофе и написала о своем немецком друге целую книгу).

В «Гелиополе» между героями идет постоянный напряженный спор, за личными аргументами стоит оппозиция христианства и гностицизма; «Гелиополис» – это поэтическое отражение конфликта между языческим мифом и христианской религи-

* Мировоззрение Юнгера, без сомнения, пронизано оригинальной мифологией. Но ведь и миром Модерна, в котором якобы произошло веберовское «расколдовывание мира», тоже в значительной степени управляют мифы, а сознание «современного» человека во многих отношениях не менее мифично, чем у «дикаря» – просто мифы и способы их распространения другие. Как считает автор книги «Миф о Модерне», философские системы Гегеля или Маркса сами являются мифологиями действительности: они пытаются с помощью системы и тотализации некой одной идеи, идеалистической или материалистической диалектики, овладеть целокупным бытием и результатами его исторического становления. *Философские системы модерна не только мифологичны, но и проникнуты магией; они допускают возможность средствами магии одной-единственной человеческой мысли подчинить весь мир власти господствующей над ними философской идеи* (курсив мой. – В. К.) [Козловски, 2002, с.175].

** Юнгер по жизни был, что называется, «большим оригиналом». Даже его страстное увлечение энтомологией выделяло его среди других. В каком бы уголке мира ни оказывался этот страстный путешественник и коллекционер, он при первой же возможности стремился пополнить свою коллекцию насекомых. Сам Юнгер называл ловлю жучков «тонкой охотой» и написал об этом целую книгу. В военное время писатель вспоминал, как возвращаясь из Бразилии, он обнаружил, что ошибся на день в указании даты поимки очередных насекомых. Это ни на что не влияло, коллекция Юнгера была частной, тем не менее он целую ночь переписывал бумажки с указателями. В этом можно усмотреть пресловутую немецкую педантичность. К сожалению, в те годы немцы демонстрировали и другие свои качества.

ей в модерне [Козловски, 2002, с.103]. В военные годы Юнгер приближается к христианству, но колеблется в своих философских взглядах на историю, хотя именно от трактовки прошлого и понимания настоящего еще зависит будущее. В «Эвмесвиле» с Ингрид можно обсудить какие-то частные вопросы, вместе поработать в люминаре, но дискуссии о мировой судьбе уже нет. Да и о чем спорить, если закат цивилизации очевиден, а попытки «побарахтаться» кажутся обреченными заранее на неудачу? В закатные времена отношения полов примитивизируются и опошляются, мужчины в массе своей мельчают, женщины становятся вульгарнее. Констатация этого – старческое брюзжание или меткое наблюдение? В «Эвмесвиле» также практически ничего не говорится о литературе и искусстве – городу они уже не нужны.

«Гностицизм и постистория едины в своем отрицании философии истории, они равно сомневаются в возможности радикально изменить мир к лучшему. Познание несовершенства божественного творения и дела рук человеческих – революций, радикальных поступков – порождает презрение к миру и истории, характерное для гностицизма и постистории. Изменение мира – занятие бесцельное. Утопии пусты, их обещания до тривиальности прозрачны...» [Козловски, 2002, с.166].

Итак, в «Гелиополисе» Юнгер трактует утопию как заменитель мифа. В постистории «Эвмесвиля» исчерпаны и утопии, и мифы [Козловски, 2002, с.190]. Мир застыл накануне финального аккорда или же начала нового цикла?

13

Однако нет ли в концепции «Эвмесвиля» очевидных (и даже намеренных!) противоречий? Венатор – историк. Но можно ли быть историком в постистории? Или опять придется вспомнить сову Минервы, которая вылетает в сумерках?

Еще более разительным парадоксом выглядит отношение анарха Мануэля к власти. Анарх, по идее, должен дистанцироваться от различных политических лагерей, он должен отказаться от навязываемого выбора между тиранами и демагогами. В последнем случае Венатору это удастся. Он не разделяет либеральных иллюзий отца и брата. Либеральные лозунги звучат привлекательно, но в условиях деградации общества они нежизнеспособны. Это как отобрать у диабетика инсулин, а потом объяснять ему, что полезно заниматься спортом. Когда «зима близко», госбюрократия служит последней скрепой распадающегося социума.

Но в романе главный герой, занимая в принципе позицию анарха, служит тирану Кондору и даже облакан им. По сюжету романа именно эта близость к власти становится для главного героя роковым обстоятельством. Вместе с верхушкой городской власти он уходит в лесную экспедицию, которая не возвращается...

«Укрывище» (воспользуемся словечком А. Солженицына), которое так тщательно готовил для себя Венатор, не спасло его, а стало лишь местом, где нашли его дневник (который и составил текст романа). Финал «Эвмесвиля» парадоксален даже для Юнгера. Одно дело – призывать к «уходу в лес» ради спасения от жестокой власти и деградировавшего социума, но совсем другое – «уйти в лес» вместе с исчерпавшими себя представителями «элиты». В этом видится еще одна парадоксальная загадка юнгеровского творчества, которых в нем немало.

«Эвмесвиль» многое сказал нам о современности или, если угодно, о постсовременности, «постмодерне». Многие положения постмодернистской философии Юнгер предугадал. Позднее творчество Юнгера во многом предвосхищает аналитические достижения теоретиков французского постмодернизма. Превращается ли Земля в сплошной «Эвмесвиль»?* А как быть с юнгеровской идеей о том, что уже в обозримом будущем судьбу цивилизации станут определять не политические, а геологические и даже космические факторы? (То есть, как и на заре человеческой истории, судьбу нашего вида будут в большей степени решать уже не социальные, а природные силы?）**.

Есть ли реальные альтернативы для спасения и возрождения цивилизации? Может быть, то, что принимается за «закат Европы» и связанного с ней мира, есть просто освобождение от утопий, от нереалистических представлений человечества о самом себе? Большинство людей на протяжении большей части истории жило в аду сплошного страдания, лишь на короткое время выныривая на островки относительно нормальной жизни, чтобы вскоре снова быть затопленным инферно. «Террор истории» никогда не мог прекратиться. Найдутся ли у вида сапиенсов альтернативы социальному аду? Искать ли их на путях изменения человеческой природы или отказа от власти чудовищных Левиафанов, как предлагают теоретики анархизма, с которыми Венатор мысленно спорит в волшебном люминаре? Однозначных ответов на подобные вопросы нет и не может быть, но своим творчеством Юнгер актуализирует наиважнейшие проблемы, стоящие перед людьми.

Эрнста Юнгера, как и других великих мыслителей, нельзя «закрепить» за какой-нибудь одной отраслью, например, историей литературы, философией или эзотеризмом, где специалист-коллекционер мог бы наколоть его на специализированную «булавку», поместив в определенный ящик на стеллаже из мертвых принципов. История идей – это вещь очень сложная и запутанная. Вопреки «академической строгости» плодотворные идеи никогда сами не сортируются по заранее определенным разделам тематического каталога. Специалист по интеллектуальной истории пишет: «Интеллектуальные историки никогда не соблюдали границ между дисциплинами, если только речь не идет о границах, проведенных носителями идей, которых они изучают. Причина этого в том, что идеи никогда не носят чисто политического, философского, экономического или теологического характера» [Уотмор, 2025, с.30].

Поэтическая философия Юнгера представляет самые актуальные проблемы человеческого рода с наглядностью художественных образов, хотя сами юнгеровские образы – это не столько «живые люди», сколько носители определенных функций и идеологий. При всем своеобразии юнгеровского мировидения не стоит забывать

* Конечно, в романе можно усмотреть и критическое отношение писателя к порядкам в послевоенной Германии. Но сводить роман к сатире на ситуацию в ФРГ было бы большим упрощением. В последние десятилетия своей долгой жизни Юнгер тщательно дистанцировался от текущей политики. «Эвмесвиль» – это все же миф постистории и постфилософии, а не выражение политической идеологии.

** Для иллюстрации можно указать на самые яркие и одиозные примеры из текущей истории: прогнозы о глобальном потеплении и объявление ковида «пандемией». И то и другое навязывалось в виде бесспорной истины вполне тоталитарными методами, хотя и вызывало критику диссидентов и весомые контраргументы. Но нет ли в названных случаях некоего *предчувствия*?

о том, что «Эвмесвиль» – это все же художественное произведение и он вполне может выполнять функцию «романа-предупреждения». Однако бывают случаи, когда художник слова, композитор или живописец привлекает внимание к какой-то проблеме или идее, о чем потом пишутся сотни и тысячи научных и философских текстов. Наиболее наглядный пример такого провидения – это, наверно, творчество Ф.М. Достоевского для XIX в. и того, что произошло впоследствии («бесы» и пр.). Но и Эрнст Юнгер, срок земной жизни которого превышал столетие, выразил своей жизнью и своим пером наиболее важные проблемы и мифы XX столетия, многое прозрев о трагедиях и метаморфозах уже нашего, XXI в.

Литература

- Бенуа А. де. Традиция и консервативная мысль. М.: Тотенбург, 2017. – 185 с.
- Веннер Д. Эрнст Юнгер. Иная европейская судьба. М.: Тотенбург, 2019. – 226 с.
- Гелен А. Образ человека в свете современной антропологии // Личность. Культура. Общество. М.: 2007. Вып. 3(37). – С.37–51.
- Кизель Г. Эрнст Юнгер. Биография. Том 1. 1895–1933; Том 2. 1933–1998. Пер. А. Игнатьев. М.: Тотенбург, 2022. – 476 с.
- Козловски П. Миф о модерне. Поэтическая философия Эрнста Юнгера. М.: Республика, 2002. – 240 с.
- Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Алетейя, 2016. – 160 с.
- Молер А. Консервативная революция в Германии. 1918–1932. М.: Тотенбург, 2017. – 312 с.
- Никиш Э. Уход в лес // Эрнст Юнгер. Отражения (сб. статей). М.: Тотенбург, 2019. – С.108–118.
- Уотмор Р. Что такое интеллектуальная история? М.: НЛЮ, 2025. – 200 с.
- Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. Избранные статьи. М.: Высшая школа, 1991. – 192 с.
- Шмитт К. Теория партизана. М.: Праксис, 2007. – 301 с.
- Юнгер Ф.-Г. Совершенство техники. М.: Владимир Даль, 2002. – 560 с.
- Юнгер Э. Гелиополь / Пер. Г.Н. Косарик // Утопия и антиутопия XX века. М.: Прогресс, 1990. – С. 341–642.
- Юнгер Э. Националистическая революция. Сб. статей. М.: Скимень, 2008. – 368 с.
- Юнгер Э. На мраморных утесах: роман; пер. с нем. и послесл. Евгения Воропаева. М.: Ад Маргинем Пресс, 2009. – 256 с.
- Юнгер Э. Статьи межвоенных лет / Пер. Е. Истоминой. Тамбов: Ex Nord Lux, 2021. – 194 с.
- Юнгер Э. Уход в лес. М.: Ад Маргинем Пресс, 2022а. – 144 с.
- Юнгер Э. Филемон и Бавкида. Пер. А. Иванов // Юнгер Э. Числа и Боги / Филемон и Бавкида. М.: Тотенбург, 2022б. – 168 с.
- Юнгер Э. Перед стеной времени. М.: АСТ, 2023а. – 320 с.
- Юнгер Э. Эвмесвиль: [роман], пер. А. Анваера. М.: АСТ, 2023б. – 544 с.

References

- Benoit A. de. *Tradiciya i konservativnaya mysl'* [Tradition and conservative thought]. Moscow: Totenburg, 2017. – 185 p.
- Venner D. *Ernst Yunger. Inaya evropejskaya sud'ba* [Ernst Junger. A different European fate]. Moscow: Totenburg, 2019. – 226 p.
- Gelen A. *Obraz cheloveka v svete sovremennoj antropologii* [The image of man in the light of modern anthropology] // *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo* [Personality. Culture. The society]. M.: 2007. Issue 3 (37). – pp.37–51.
- Kiesel G. *Ernst Yunger. Biografiya. Tom 1. 1895–1933, Tom 2. 1933–1998. Perevodchik A. Ignat'ev* [Ernst Junger. Biography. Volume 1. 1895–1933, Volume 2. 1933–1998. Translated by A. Ignatiev]. M.: Totenburg, 2022. – 476 p.

- № 1 (26) (2025)
«Наследие»
- Kozłowski P. *Mif o moderne. Poetichesкая философия Ersta Yungera* [The Myth of Modernity. Ernst Junger's poetic philosophy]. Moscow: Republika Publ., 2002. – 240 p.
- Lyotard J.-F. *Sostoyanie postmoderna* [The state of postmodernity]. Moscow: Alethea, 2016. – 160 p.
- Mohler A. *Konservativnaya revolyuciya v Germanii. 1918–1932* [The Conservative Revolution in Germany. 1918–1932]. Moscow: Totenburg, 2017. – 312 p.
- Nikish E. *Uhod v les* [Going into the forest] // Ernst Junger. *Otrazheniya (sbornik statej)* [Ernst Junger. Reflections (collection of articles)]. Moscow: Totenburg, 2019. – pp.108–118.
- Watmore R. *Chto takoe intellektual'naya istoriya?* [What is intellectual history?]. Moscow: UFO, 2025. – 200 p.
- Heidegger M. *Razgovor na prosyolochnoj doroge. Izbrannye stat'i* [A conversation on a country road. Selected articles]. M.: Higher School, 1991. – 192 p.
- Schmitt K. *Teoriya partizana* [The theory of the guerrilla]. Moscow: Praxis, 2007. – 301 p.
- Junger F.-G. *Sovershenstvo tekhniki* [Perfection of technology]. Moscow: Vladimir Dahl, 2002. – 560 p.
- Junger E. *Geliopol' / Perevodchik G.N. Kosarik* [Heliopolis /Translated by G.N. Kosarik] // *Utopiya i antiutopiya HH v.* [Utopia and dystopia of the twentieth century]. Moscow: Progresmes. 1990. – pp.341–642.
- Junger E. *Nacionalisticheskaya revolyuciya. Sbornik statej* [The Nationalist Revolution. Collection of articles]. Moscow: Skimen, 2008. – 368 p.
- Junger E. *Na mramornyh utyosah: roman; perevod s nemeckogo i posleslovie Evgeniya Voropaeva* [On the marble cliffs: a novel; translated from German and afterword by Evgeny Voropaev]. Moscow: Ad Marginem Press, 2009. – 256 p.
- Junger E. *Stat'i mezhuvoennykh let / Perevod E. Istominoj* [Articles of the interwar years / Translated by E. Istomina]. Tambov: Ex Nord Lux, 2021. – 194 p.
- Junger E. *Uhod v les* [Going into the forest]. Moscow: Adam Press, 2022a. – 144 p.
- Junger E. *Filemon i Bavkida. Perevod A. Ivanov* [Philemon and Baucis. Translated by A. Ivanov] // *Junger E. Chisla i Bogi / Filemon i Bavkida* [Junger E. Numbers and Gods / Philemon and Baucis]. Moscow: Totenburg, 2022b. – 168 p.
- Junger E. *Pered stenoy vremeni* [In front of the wall of time]. Moscow: AST, 2023a. – 320 p.
- Junger E. *Evmesvil': [roman], perevod A. Anvaera* [Evmesvil': [novel], translated by A. Anvaer]. Moscow: AST, 2023b. – 544 p.
-

ИЗ ИСТОРИИ СОЦИОЛОГИИ

УДК 316.7

А.С. Быков
Санкт-Петербург

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МЕХАНИЗМОВ ФОРМИРОВАНИЯ И ТРАНСФОРМАЦИИ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ О КАТАСТРОФАХ И СОЦИАЛЬНЫХ БЕДСТВИЯХ: ОТ СОЦИАЛЬНЫХ РАМОК ХАЛЬБВАКСА К КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ АССМАН

Цитирование: Быков А.С. Социологический анализ механизмов формирования и трансформации коллективной памяти о катастрофах и социальных бедствиях: от социальных рамок Хальбвакса к культурной памяти Ассман // Наследие. 2025, № 1(26). – С.73–85.

DOI: <https://doi.org/10.31119/hrtg.2025.1.3>

Citation: Bykov A.S. *Sociologicheskij analiz mekhanizmov formirovaniya i transformacii kollektivnoj pamyati o katastrofah i social'nyh bedstviyah: ot social'nyh ramok Hal'bvaksa k kul'urnoj pamyati Assman* [Sociological analysis of the mechanisms of formation and transformation of collective memory about catastrophes and social disasters: from Halbwachs's social frameworks towards Assmann's cultural memory] // *Nasledie* [Heritage]. 2025, No. 1 (26). – Pp.73–85.

DOI: <https://doi.org/10.31119/hrtg.2025.1.3>

Статья посвящена социологическому анализу коллективной памяти о катастрофах и социальных бедствиях на основе теорий Мориса Хальбвакса, Яна и Алейды Ассманов. Особое внимание уделяется понятиям социальных рамок памяти, коммуникативной и культурной памяти, а также влиянию катастроф на механизмы сохранения и трансформации коллективной памяти. Рассматриваются процессы институционализации памяти, ее роль в формировании групповой идентичности и преодолении социальной травмы. В статье прослеживается развитие теории памяти от «коллективных представлений» Эмиля Дюркгейма к концепции Хальбвакса и далее к культурной парадигме Ассманов.

Ключевые слова: коллективная память, культурная память, социальные рамки памяти, социальные бедствия, Морис Хальбвакс, Ян Ассман, Алейда Ассман.

Bykov A.S. Sociological analysis of the mechanisms of formation and transformation of collective memory about catastrophes and social disasters: from Halbwachs's social frameworks towards Assmann's cultural memory

The article presents a sociological analysis of collective memory related to catastrophes and social disasters, based on the theories of Maurice Halbwachs, Jan Assmann, and Aleida Assmann. Special attention is given to the concepts of the social frameworks of memory, communicative and cultural memory, as well as the impact of disasters on the mechanisms of preservation and transformation of collective memory. The study explores the processes of memory institutionalization and its role in shaping group identity and overcoming social trauma. The article traces the development of memory theory from Émile Durkheim's concept of "collective representations" through Halbwachs's framework to the cultural paradigm proposed by the Assmanns.

Key words: collective memory, cultural memory, social frameworks of memory, social disasters, Maurice Halbwachs, Émile Durkheim, Jan Assmann, Aleida Assmann.

Глобальное изменение климата, техногенные аварии и социальные конфликты приводят к росту катастрофических событий, делая актуальным изучение того, как общество справляется с их последствиями. Катастрофы и социальные бедствия могут вызвать глубокие социальные потрясения, влияя на общественное доверие, солидарность и ценностные ориентации. Понимание механизмов коллективной памяти помогает разработать стратегии социальной адаптации и восстановления. Кроме того, коллективная память об опыте преодоления последствий катастроф играет важную роль в формировании национальной, региональной и групповой идентичности, влияя на самосознание и ценностные ориентации общества.

Коллективная память о катастрофах и социальных бедствиях представляет собой важный объект социологического анализа, позволяющий проследить, каким образом общество осмысляет травматический опыт, формирует нарративы прошлого и конструирует механизмы памяти. В последние десятилетия данная проблематика активно исследуется в рамках социологии памяти, культурологии и исторической антропологии, где особое внимание уделяется процессам институализации и трансформации памяти о войнах, репрессиях, геноциде и других массовых трагедиях (Морис Хальбвакс, Ян и Алейда Ассманы, Пьер Нора и др.).

Интеллектуальная биография Мориса Хальбвакса и его методологические ориентиры

«Наследие»

№ 1 (26) (2025)

Морис Хальбвакс. 1930 г.

Фигура Мориса Хальбвакса занимает особое место в истории французской социологии. Его научное становление тесно связано с дюркгеймовской школой, однако уже на ранних этапах своего пути он сумел обозначить собственную исследовательскую оптику, которая впоследствии вылилась в оригинальные концепции социальной памяти и стратификации. Особенность Хальбвакса в том, что он, продолжая методологическое наследие Дюркгейма, сумел превратить эмпирическое наблюдение и жизненный опыт в социологически значимый источник анализа.

Морис Хальбвакс пришел в социологию под влиянием Франсуа Симиана – одного из социалистически мыслящих интеллектуалов своего времени, главного редактора «Критических заметок», посвященных социальным наукам, и руководителя экономической секции в дюркгеймовском «Социологическом ежегоднике» («Année sociologique») [Хальбвакс, 2000, с.448]. Под руководством Симиана Хальбвакс не только формировался как исследователь, но и вступил в дюркгеймовскую школу, начав работать с ее основателем с 1905 г. Диссертация М. Хальбвакса в области права «Экспроприация и цена земельных участков в Париже (1880–1900)», вышедшая в 1909 г., в действительности была работой по прикладной социологии, где он показал, «как проекты городского планирования выражают глубинные социальные потребности, логика которых, более сложная, чем закон спроса и предложения, управляет механизмом спекуляции» [Хальбвакс, 2000, с.449].

М. Хальбвакс был не просто учеником Дюркгейма, но и его идейным продолжателем, одновременно выстраивавшим собственную траекторию. В отличие от кабинетных этнологов, изучавших архаические формы культуры, Хальбвакс опирался на собственный опыт социальной дифференциации. По словам В. Каради, «чтобы отразить этот опыт в научной форме, он развил чрезвычайное чувство факта, наблюдаемого в обыденной жизни» [Хальбвакс, 2000, с.450].

Интересно отметить, что здесь возникает возможная точка соприкосновения с интеллектуальной траекторией Питирима Сорокина. Научный путь обоих мыслителей – П. Сорокина и М. Хальбвакса – формировался в контексте общего интереса к дюркгеймовской проблематике. В качестве примера можно отметить концепцию социального времени Э. Дюркгейма, которая оказала влияние как на Хальбвакса, так и на Сорокина (особенно это заметно в его совместном очерке с Р. Мертоном «Социальное время: опыт методологического и функционального анализа»). В своем исследовании, посвященном идее времени как социальной категории Э. Дюркгейма, И. Шубрт отмечает: «Влияние Дюркгейма в этом направлении очевидно не только в самой французской социологии (М. Хальбвакс, Г. Гурвич, П. Бурдьё и др.),

но и в международном контексте. Концепция социального времени, которую в продолжение теории Дюркгейма разработал П. Сорокин вместе с Р. Мертоном, до сегодняшнего времени считается одной из ключевых в области социологического исследования времени» [Шубрт, 2016, с.105]. В обоих случаях можно говорить об интерпретации и развитии дюркгеймовских идей в новых социокультурных условиях: во Франции – у Хальбвакса, в России и США – у Сорокина. Причем, как отмечает А.Б. Гофман, «во многом оценки дюркгеймовской социологии в России, как позитивные, так и критические, совпадали с оценками в других странах, в том числе и во Франции» [Гофман, 2014, с.11].

М. Хальбвакс, как и П. Сорокин, критически осмыслил методологические границы дюркгеймовской школы. Если у самого Дюркгейма ссылки на современные реалии были редки (за исключением работы «Самоубийство» [Дюркгейм, 1994]), а социологическая теория в целом оставалась безразличной к проблемам социальной стратификации, то Хальбвакс проводил исследования, основанные на прямом наблюдении изучаемых фактов [Хальбвакс, 2000, с.451].

Более того, В. Каради в биографическом очерке отмечает, что «вклад Хальбвакса в дюркгеймовскую концепцию общества состоит во введении категории социальности (воспроизводство навыков интеграции в общество), посредующей между семьей и обществом в целом. Конечно, введение этого основного принципа стратификации в исследование никогда не приводило к тому, что системе классов отводилась главенствующая роль, хотя бы методологически. Тем не менее это позволило заложить основы дифференциальной социологии, основанной на существующем разнообразии жизненных стилей. Так, например, Хальбвакс противопоставляет дюркгеймовскому разделению на конфессиональные группы фундаментальное, по его мнению, разделение между городом и деревней, между демографическими категориями, между этнически разнородными слоями населения, городскими классами и т.д.» [Хальбвакс, 2000, с.453–454].

В этом контексте особенно важна идея коллективной памяти. Развивая идеи Дюркгейма и его учеников, Хальбвакс добавил анализ эмоций и рассудочной деятельности к их исследованиям пространства, времени, личности и единства. В отличие от дюркгеймовского подхода, ориентированного на «примитивные» формы мышления и их историческую эволюцию, Хальбвакс сосредоточился на изучении современных проявлений ментальных процессов. Он считал, что память всегда избирательна и формируется под влиянием общества – семьи, классов, религиозных и профессиональных сообществ. В этом смысле индивидуальная память – это лишь отражение коллективной, зависящее от положения человека в различных социальных группах. Один из своих ключевых тезисов Хальбвакс формулирует следующим образом: «Можно сказать, что индивидуальная память – это точка зрения на коллективную память, изменяющаяся в зависимости от занимаемого в ней места; а само это место изменяется в зависимости от отношений, которые я поддерживаю с другими» [Хальбвакс, 2000, с.459]. Это положение стало основой всей его последующей теории коллективной памяти и заложило базу для дальнейшего ее развития – в частности, у Яна и Алейды Ассманов.

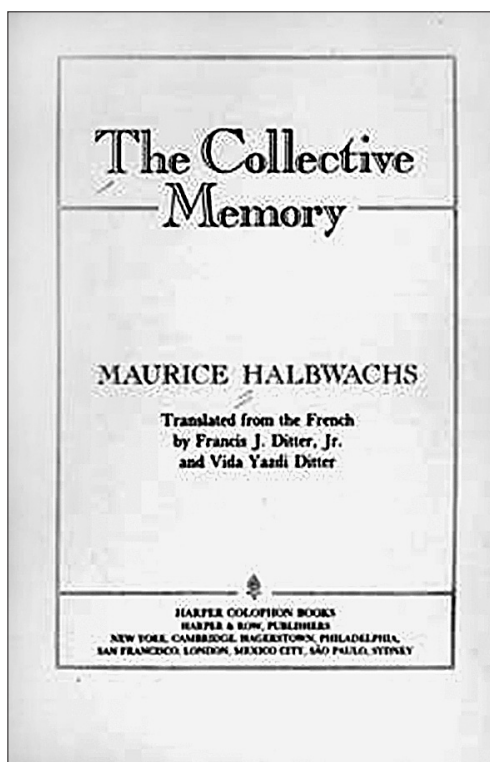
Социальные рамки памяти:
теоретический вклад Мориса Хальбвакса
в исследование коллективной памяти

«Наследие»

№ 1 (26) (2025)

Морис Хальбвакс ввел концепцию коллективной памяти в своих работах «Социальные рамки памяти» [Halbwachs, 1925] и «Коллективная память» [Halbwachs, 1950]. Он утверждал, что память является социальной конструкцией и что коллективная память формируется и поддерживается через социальные взаимодействия и институты, такие как семья, государство и религиозные сообщества.

Проведенный М. Хальбваксом анализ показывает, что память о социальных бедствиях и катастрофах формируется не в вакууме, а в тесной связи с социальным окружением, в котором живет человек. М. Хальбвакс подчеркивал, что коллективная память поддерживается не только индивидуальными воспоминаниями, но и социальной средой: она служит своего рода «рамкой», без которой прошлое утрачивает свою структуру. При этом катастрофы, такие как войны и революции, могут разрушать эту рамку, нарушая воспроизводство памяти: «Многие воспоминания утрачиваются не только потому, что со временем увеличивается разрыв между соответствующим периодом нашей жизни и текущим моментом; дело еще и в том, что мы больше не живем среди тех же самых людей – исчезают многие свидетели, которые

Обложка англоязычного издания М. Хальбвакса
«Коллективная память» [The collective memory]

могли бы напомнить нам о давних событиях. Порой стоит нам сменить место жительства, профессию, перейти из одной семьи в другую, стоит какому-то великому событию – войне, революции – глубоко изменить окружающую нас социальную среду, как у нас остается лишь очень мало воспоминаний о целых периодах своего прошлого» [Хальбвакс, 2007, с.53].

Изменение социальной среды в результате катастроф приводит к утрате тех посредников памяти (например, семейных связей), которые обеспечивают ее непрерывность. Таким образом, социальные бедствия становятся не только внешним потрясением, но и фактором внутренней амнезии, нарушающим доступ к прошлому.

Однако в другой перспективе М. Хальбвакс показывает, что в условиях напряженной исторической ситуации, например в контексте войны, может происходить обратный процесс: активизация памяти. М. Хальбвакс связывает это с необходимостью мобилизации коллективного опыта, его переработки и актуализации в социальном действии. В подобных условиях память становится не только функцией сохранения, но и источником действия, элементом культурной и моральной самоидентификации группы: «Для ведения войны недостаточно порядка, дисциплины и того обучения, которое можно получить в военных лагерях. Технические умения не могут здесь заменить личных достоинств. Военачальник должен не просто демонстрировать незаурядную доблесть – ему требуется также способность действовать

Обложки оригинальных изданий «Коллективная память» [La mémoire collective] и «Социальные рамки памяти» [Les Cadres sociaux de la mémoire. Gallica]

по неуловимому наитию, путем изобретательных импровизаций, предполагающих знание людей, умелое обращение с идеями, активную память, постоянно подвижное воображение. А все эти качества развиваются лишь в такой социальной среде, где идет интенсивная жизнь, скрещиваются идеи прошлого и настоящего, в каком-то смысле соприкасаются не только сегодняшние, но и прежние социальные группы; в такой среде ум изощряется в искусстве распознавать оригинальные черты каждой личности, а чувство чести, долга перед собой, перед своим именем и званием возвышает человека над самим собой и наделяет его всеми неисчерпанными ресурсами представляемой им группы» [Хальбвакс, 2007, с.277].

Анализируя механизмы формирования коллективной памяти о катастрофах и социальных бедствиях, важно учитывать различие между социальной/коллективной памятью и историей. М. Хальбвакс подчеркивает, что коллективная память, в отличие от истории, не стремится к полноте, объективности или систематизации – она сохраняет только то, что продолжает быть значимым для социальной группы здесь и сейчас: «Коллективная память не совпадает с историей и <...> выражение “историческая память” выбрано не очень удачно, потому что оно связывает два противоположных во многих отношениях понятия. История – это, несомненно, собрание тех фактов, которые заняли наиболее важное место в памяти людей. Но, будучи прочитанными в книгах, изучаемыми и заучиваемыми в школах, события прошлого отбрасываются, сопоставляются и классифицируются, исходя из потребностей или правил, которые не были актуальными для тех кругов, которые долгое время хранили живую память о них. Дело в том, что история обычно начинается в тот момент, когда заканчивается традиция, когда затухает или распадается социальная память. Пока воспоминание продолжает существовать, нет необходимости фиксировать его письменно, да и вообще как-либо фиксировать. Поэтому потребность написать историю того или иного периода, общества и даже человека возникает только тогда, когда они уже ушли так далеко в прошлое, что у нас мало шансов найти вокруг себя многих свидетелей, сохраняющих о них какое-либо воспоминание» [Хальбвакс, 2005, с.41–42].

Продолжая эту линию рассуждений, М. Хальбвакс указывает на то, что коллективная память живет в рамках конкретной социальной группы и обновляется вместе с ней. Память, по его словам, представляет собой непрерывный поток смыслов, в котором сохраняется только то, что продолжает быть жизнеспособным в сознании носителей: «Это непрерывный ход мыслей, и в его непрерывности нет ничего искусственного, поскольку из прошлого такая память сохраняет только то, что еще живет или способно жить в сознании той группы, которая ее поддерживает. Она, по определению, не выходит за пределы этой группы. Когда некий период перестает интересовать последующий период, то мы имеем дело не с одной группой, забывающей часть своего прошлого, а, на самом деле, с двумя группами, сменяющими друг друга» [Хальбвакс, 2005, с.43]. Другими словами, с переходом от одного поколения к другому происходит не просто забвение, происходит смена самих субъектов памяти. Эта смена субъектов памяти особенно важна в контексте социальных катастроф: она порождает иллюзию разрыва истории и в то же время запускает механизмы преодоления этого разрыва. Молодое общество, формирующееся после кризиса, часто инстинктивно стремится восстановить преемственность: скрыть разлом, объединить поколения, вернуть традиции. Это важный этап,

на котором коллективная память начинает конструировать новую историческую идентичность, вбирая в себя и воспоминание о катастрофе, и элементы «прежнего порядка»: «Возможно, что на следующий день после события, расшатавшего, отчасти уничтожившего или обновившего структуру некоего общества, начинается другой период. Но это станет заметно лишь позже, когда новое общество в самом деле найдет в себе новые ресурсы и выберет другие цели. <...> Кто знает, быть может, тотчас после войны или революции, создавшей пропасть между двумя человеческими обществами, как будто исчезло некое промежуточное поколение, молодое общество, или молодая часть общества, в первую очередь занимается тем, чтобы вместе с его старшей частью стереть следы этого разрыва, сблизить крайние поколения и, несмотря ни на что, поддержать преемственность развития? Все-таки общество должно жить» [Хальбвакс, 2005, с.45]. Этот компенсаторный механизм, который описывает Хальбвакс, позволяет преодолеть ощущение утраты и создает иллюзию непрерывного развития. Иллюзию, которая, по словам Хальбвакса, хотя и временная, но крайне важна для стабилизации коллективного самосознания. После кризисов общество стремится начать с того момента, когда его прервали, чтобы сохранить ощущение исторической преемственности – даже если оно носит во многом символический характер.

В этой образовавшейся пропасти между двумя человеческими обществами, между крайними поколениями, и формируется коллективное восприятие катастрофы, которое складывается не как цельная, единая картина, а как совокупность «картинок» или фрагментов, прошедших через индивидуальные сознания, на фоне общего культурного контекста. «Войну, мятеж, национальную церемонию, народный праздник, новый способ передвижения, работы, преобразующие улицы города, – все это можно рассматривать с двух точек зрения. С одной стороны, это уникальные в своем роде факты, меняющие жизнь группы. Но, с другой стороны, они распадаются на серию картинок, проходящих сквозь индивидуальные сознания» [Хальбвакс, 2005, с.23]. Эти «картинки», о которых говорит М. Хальбвакс, и становятся строительным материалом для коллективной памяти, создавая эмоционально насыщенный, но внутренне фрагментарный образ прошлого. Именно поэтому память о катастрофах, таких как войны, революции, голод, часто противоречива, насыщена символами и личными интерпретациями, а не фактами: она живет не в хронологии, а в «переживании».

Культурная память как продолжение традиции: интерпретации Яна и Алейды Ассманов

Ян Ассман, немецкий египтолог и культуролог, разработал концепцию культурной памяти в своих работах «Культурная память» [Assmann, 1992] и «Коллективная память и культурная идентичность» [Assmann, 1988]. Введенное им различие между «коммуникативной памятью», основанной на живом общении, и «культурной памятью», включающей передаваемые через поколения культурные артефакты, традиции и ритуалы, стало одним из ключевых понятий в современной теории памяти.

Алейда Ассман, литературовед и культуролог, значительно дополнила и расширила теоретические основания этой концепции. В своих работах «Рамки памяти: формы и перемены культурной памяти» [Assmann, 1999], «Длинная тень прошлого» [Assmann, 2018] и «Новое недовольство немецкой мемориальной культурой» [Assmann, 2013] она исследует механизмы сохранения, трансляции и переосмысления памяти в социальных и политических контекстах.

Исследования Яна и Алейды Ассман во многом опираются на идеи Мориса Хальбвакса, особенно в вопросе социальной природы памяти. Как подчеркивает Ян Ассман, «центральный тезис, проводимый во всех работах Хальбвакса, – это социальная обусловленность памяти. Он полностью отвлекается от физической, то есть коренящейся в физиологии нервной системы и мозга, основы памяти; вместо этого он выявляет социальный контекст, без которого невозможно складывание и сохранение индивидуальной памяти» [Ассман, 2004, с.36]. Ассманы продолжают линию, начатую Хальбваксом, но развивают ее в направлении культурных институтов памяти, символических форм и медиации воспоминаний в истории. Если у Хальбвакса коллективная память опирается прежде всего на непосредственное социальное окружение – семью, сообщество, поколение, то внимание Яна и Алейды Ассманов сосредоточено на долговременных, институционализированных формах памяти, позволяющих обществу конструировать и сохранять идентичность на протяжении веков.

Обложки оригинальных изданий «Рамки памяти: формы и перемены культурной памяти» [Erinnerungsräume...] и «Культурная память» [Das kulturelle Gedächtnis]

Согласно теоретической рамке, изложенной Яном Ассманом в работе «Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности», коллективная память в своих проявлениях существует в двух основных формах – коммуникативной и культурной. Коммуникативная память, как отмечает Ян Ассман, охватывает воспоминания, «которые связаны с недавним прошлым» и которые «человек разделяет со своими современниками». Типичный случай – память поколений. «Ее группа приобретает исторически. Эта память возникает во времени и проходит вместе с ним, точнее, со своими носителями. Когда носители, воплощавшие ее, умирают, она уступает место новой памяти». В контексте катастроф это означает, что непосредственные участники событий (например, блокадники, свидетели аварии на ЧАЭС или пережившие военные конфликты) наделены исключительным правом первичной интерпретации. Однако по мере ухода этих поколений происходит переход от живой памяти к памяти культурной [Ассман, 2004, с.52–53].

Культурная память, в свою очередь, направлена на фиксированные моменты в прошлом: «В ней прошлое также не может сохраняться как таковое. Прошрое скорее сворачивается здесь в символические фигуры, к которым прикрепляется воспоминание. Истории патриархов, исход, странствие по пустыне, поселение в Земле обетованной, рассеяние – все это фигуры воспоминания, которые воскрешаются в кинопоследовании праздников и освещают ту или иную современную ситуацию. Мифы также суть фигуры воспоминания. В этом миф и история не отличаются друг от друга. Для культурной памяти важна не фактическая, а воссозданная в воспоминании история, и только она. Можно сказать также, что в культурной памяти фактическая история преобразуется в воссозданную воспоминанием, то есть в миф. Миф – это обосновывающая история, историю, которую рассказывают, чтобы объяснить настоящее из его происхождения» [Ассман, 2004, с.54–55]. Культурная память позволяет обществу удерживать память о катастрофах за пределами живой исторической передачи – через ритуалы, музеи, памятники, официальные даты, кинофильмы, учебники.

Коллективная память не только формируется, но и изменяется под влиянием исторических, политических и культурных факторов. Более того, рассматривая различные изменения коллективной памяти, Алейда Ассман в своей работе «Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика» уделяет особое внимание мемориальным процессам и понятию травмы. Она отмечает: «Мы переживаем ныне “посттравматическую эпоху”, в которой мемориальные практики тесно переплетены с мемориальными теориями. Индивидуальные и коллективные воспоминания становятся все менее спонтанным, естественным или сакральным актом, они во все большей мере опознаются как социальные и культурные конструкты, изменяющиеся во времени и обретающие собственную историю» [Ассман, 2014, с.12]. Память становится объектом осознанной политики, перестает быть исключительно актом воспоминания и превращается в инструмент выстраивания идентичности, легитимации настоящего, борьбы за интерпретацию прошлого.

Между историографией и памятью, как справедливо указывает Алейда Ассман, существует фундаментальное различие: «Если профессиональный цех историков

обязан настаивать на строгом разделении настоящего и прошлого (в таком разделении и такой дистанции заключается суть объективности), то память преодолевает разрыв между прошлым и настоящим, извлекая из прошлого то, что индивидуум или социальная группа считает для своего нынешнего самосознания пригодным или еще не до конца проработанным, а потому связанным с живыми реакциями, неудовлетворенными притязаниями или нерешенными проблемами» [Ассман, 2024, с.188]. Таким образом, коллективная память о катастрофах и бедствиях часто сохраняет не до конца проработанные, болезненные смыслы, которые становятся предметом общественных дебатов и мемориальных инициатив.

Наконец, власть и иерархия, претерпевающие изменения в результате социальных бедствий и катастроф, также входят в пространство памяти. Так, говоря о войнах, Алейда Ассман отмечает, что они не только разрушают и трансформируют общества, но и обновляют иерархии, определяя, кто властвует, а кто подчиняется. Победа в войне наделяет одну сторону правом определять политическую и культурную норму, лишая другую сторону субъектности. «На протяжении длительного исторического периода определяющее значение для общества и политики имело существование иерархической шкалы, внутри которой высокое или низкое положение устанавливалось насильственным путем, поддерживая имущественное и социальное неравенство. Войны воспроизводят это неравенство сначала между другом и врагом, затем между победителем и побежденным; тем самым периодически решается, кто на данный период наделяется правом действовать и принимать решения, а кто вынужден подчиняться. Однако люди выстраиваются в иерархию верхов и низов не только благодаря войнам или завоеваниям, но и под воздействием дискурсивных актов, культурных традиций и идеологических предпосылок» [Ассман, 2024, с.184]. В этом смысле память о катастрофах можно сравнить с ареной борьбы за право говорить, за статус жертвы, за монополию на интерпретацию травматичных событий.

Ян и Алейда Ассманы доказывают, что коллективная память о катастрофах – это не статичный набор воспоминаний, а динамическая социальная конструкция. Она формируется в коммуникации поколений, институционализируется в культурных кодах и подвергается трансформациям под воздействием политического и идеологического контекста. Социологический анализ памяти позволяет понять, каким образом общество справляется с травматическим опытом, превращая его в ресурс для солидарности или, напротив, политического конфликта.

Таким образом, понимание механизмов формирования и трансформации коллективной памяти о катастрофах и социальных бедствиях представляет собой важную для социологов задачу, позволяющую анализировать, каким образом общество осмысляет травматический опыт и интегрирует его в структуру социальной идентичности. На основе теорий Мориса Хальбвакса, Яна и Алейды Ассманов можно проследить эволюцию подходов к коллективной памяти: от социальных рамок памяти, обусловленных повседневным взаимодействием, к культурной памяти, закреплённой в институтах, ритуалах и символических формах.

Хальбвакс продемонстрировал, что память носит социальный характер и зависит от структуры группы, а катастрофы нарушают устойчивость памяти, разрушая ее

«Наследие» № 1 (26) (2025)

опорные рамки. Ассманы, в свою очередь, показали, как память трансформируется в долгосрочной перспективе, переходя от личного свидетельства к культурной репрезентации и становясь своеобразной ареной политических и идеологических интерпретаций. Социологический анализ памяти о катастрофах выявляет не только способы коллективного переживания травмы, но и механизмы ее переработки и институционализации. Коллективная память в этом контексте предстает как динамическая система, в которой прошлое постоянно переосмысливается, становясь ресурсом для формирования идентичности и социальной солидарности.

Литература

- Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
- Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / Алейда Ассман; пер. с нем. Бориса Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.
- Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой / Алейда Ассман; пер. с нем. Б. Хлебникова. 3-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2024. – 232 с. (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»)
- Гофман А.Б. Социология во Франции и в России. К истокам идейных взаимосвязей // Социологические исследования. 2014, № 11. – С.3–12.
- Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд / Пер. с фр. сокр. А.Н. Ильинского; под ред. В.А. Базарова. М.: Мысль, 1994. – 400 с.
- Хальбвакс М. Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс // Неприкосновенный запас. 2005, № 2–3 (40–41). – С.16–50.
- Хальбвакс М. Социальные классы и морфология / Пер. с фр. А.Т. Бикбова, Н.А. Шматко; отв. ред., послесл. А.Т. Бикбов; составл., биограф, очерк В. Каради. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2000. – 509 с. (серия «Gallicinium»).
- Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.
- Шубрт И. Идея времени как социальной категории Э. Дюркгейма: взгляд на одну теоретическую загадку // Социологические исследования. 2016, № 8. – С.98–106.
- Assmann A. Das neue Unbehagen an der Erinnerungskultur: Eine Intervention (3rd ed.). Verlag C.H.Beck, 2013.
- Assmann A. Der lange Schatten der Vergangenheit. 3. Auflage. C. H. Beck, München, 2018. – 320 s.
- Assmann A. Erinnerungsräume: Formen und Wandlungen des kulturellen Gedächtnisses. Munich: C.H. Beck, 1999.
- Assmann J. Das kulturelle Gedächtnis: Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. Munich: Verlag C.H. Beck, 1992.
- Assmann J. Kollektives Gedächtnis und kulturelle Identität. In J. Assmann & T. Holscher (Eds.), Kultur und Gedächtnis (pp.9–19). Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1988.
- Erinnerungsräume: Formen und Wandlungen des kulturellen Gedächtnisses [<https://archive.org/details/erinnerungsraume0000assm>].
- Das kulturelle Gedächtnis [<https://www.chbeck.de/assmann-kulturelle-gedaechtnis/product/25611084>].
- Halbwachs M. La mémoire collective. Paris: Albin Michel, 1950.
- Halbwachs M. Les cadres sociaux de la mémoire. Paris: Albin Michel, 1925.
- La mémoire collective [https://classiques.uqam.ca/classiques/Halbwachs_maurice/memoire_collective/memoire_collective.html].
- Les Cadres sociaux de la mémoire. Gallica [<https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5824900t.texteImage>]
- The collective memory [<https://archive.org/details/collectivememory00halb/page/n5/mode/2up>].

References

- Assman J. *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat'o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti* [Cultural memory: Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity] / Translated from German by M. M. Sokolskaya. M.: Languages of Slavic culture, 2004. – 368 p.
- Assman A. *Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics] / Aleida Assman; translated from German by Boris Khlebnikov. M.: New Literary Review, 2014. – 328 p.
- Assman A. *Novoe nedovol'stvo memorial'noj kul'turoj* [New dissatisfaction with memorial culture] / Aleida Assman; translated from German by B. Khlebnikov. 3rd edition. M.: New Literary Review, 2024. – 232 p. (Library of the journal «Inviolable reserve»)
- Hoffmann A.B. *Sociologiya vo Francii i v Rossii. K istokam idejnyh vzaimosvyazej* [Sociology in France and in Russia. To the origins of ideological relationships] // *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 2014, No. 11. – pp.3–12.
- Durkheim E. *Samoubijstvo. Sociologicheskij etjud* [Suicide. A sociological study] / Translated from French by A.N. Ilyinsky; edited by V.A. Bazarov. M.: Thought, 1994. – 400 p.
- Halbwax M. *Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat'* / M. Hal'bvaks [Collective and historical memory / M. Halbwax] // *Neprikosnovennyj zapas* [Untouchable reserve]. 2005, No. 2–3 (40–41). – pp.16–50.
- Halbwax M. *Social'nye klassy i morfologiya* [Social Classes and Morphology] / Translated from French by A.T. Bikbov, N.A. Shmatko; edited, afterword A. T. Bikbov; compiled, biographed, essay by V. Karadi. M.: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aletheia, 2000. – 509 p. (the Gallicinium series).
- Halbwax M. *Social'nye ramki pamyati* [The Social Frameworks of Memory] / Translated from French and introduction article by S.N. Zenkin. M.: New Publishing House, 2007. – 348 p.
- Shubrt I. *Ideya vremeni kak social'noj kategorii E. Dyurkgejma: vzglyad na odnu teoreticheskuyu zagadku* [The idea of time as a social category of E. Durkheim: a look at one theoretical riddle] // *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 2016, No. 8. – pp.98–106.

ИМЯ В КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ

УДК 929+316

В.С. Русанова
Сыктывкар

Д.А. ЛУТОХИН В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ П.А. СОРОКИНА

Цитирование: Русанова В.С. Д.А. Лутохин в коммуникативном пространстве П.А. Сорокина // Наследие. 2025, № 1 (26). – С.86–94.

DOI: <https://doi.org/10.31119/hrtg.2025.1.4>

Citation: Rusanova V.S. D.A. Lutokhin v kommunikativnom prostranstve P.A. Sorokina [D.A. Lutokhin in the communicative space of P.A. Sorokin] // *Nasledie* [Heritage]. 2025, No. 1 (26). – Pp.86–94.

DOI: <https://doi.org/10.31119/hrtg.2025.1.4>

В статье на основе оригинальных исторических источников реконструируется жизненный путь одного из представителей российской интеллигенции первой половины XX в. Д.А. Лутохина в контексте взаимодействия с другими представителями интеллигентской среды, среди которых в 1920-е гг. наиболее активным и плодотворным становится общение с П.А. Сорокиным.

Ключевые слова: Д.А. Лутохин, П.А. Сорокин, российская интеллигенция, «философский пароход», бумажная промышленность СССР, «Экономист», «Утренники».

Rusanova V.S. D.A. Lutokhin in the communicative space of P.A. Sorokin
Based on original historical sources, the article reconstructs the life of one of the representatives of the Russian intelligentsia of the first half of the 20th century, D.A. Lutokhin, in the context of interaction with other representatives of the intelligentsia, among whom communication with P.A. Sorokin became the most active and fruitful in the 1920s.

Key words: D.A. Lutokhin, P.A. Sorokin, the Russian intelligentsia, «philosophical steamer», USSR paper industry, «Economist», «Matinees».

Биография российско-американского социолога, философа, историка П.А. Сорокина, выходца из коми глубинки, сегодня хорошо изучена. Между тем недостаточным представляется освещение в отечественной литературе вопроса о его окружении, его коммуникативном пространстве. Нельзя отрицать ту истину, что, будучи существом социальным, человек не может полноценно жить вне общества. Особенно остро потребность быть понятым, найти единомышленников или попросту тех, с кем можно говорить на одном языке, проявляется в условиях нестабильности привычного уклада жизни, вынужденного или целенаправленного отказа от будничного, естественного течения дел. В первой четверти XX столетия российская интеллигенция оказалась в условиях резкой смены культурного пространства. Под влиянием революции, гражданской войны, смены власти, подчас не имея возможности, а порой и желая контактировать с новым правительством, принять изменившуюся действительность, представители науки, культуры, политики покидали Россию. Но были и те, кому было предписано ее оставить. К их числу принадлежал Далмат Александрович Лутохин (1885–1941) – фигура мало известная современному читателю, но, на наш взгляд, заслуживающая внимания. Немногочисленные биографические справки, сопровождающие публикации некоторых материалов из рукописных фондов Д.А. Лутохина, не позволяют составить его целостный образ.

Д.А. Лутохин. Черный силуэт.
Берлин (март 1923 г.).
Публикуется впервые

О Д.А. Лутохине имеется скупая научная литература, представленная вступительными статьями к публикациям архивных материалов [Минувшее..., 1997, с.7–13; Дойков, 2000]. Трудно обнаружить исследование, сосредоточенное на анализе его научного наследия. И здесь, как нам кажется, есть свои причины. Во-первых, большая часть работ Лутохина по-прежнему остается неизданной. Во-вторых, основной массив его произведений сосредоточен в поле экономических исследований, центральное место среди которых занимает проблема развития бумажно-целлюлозной промышленности в СССР в конце 1920-х–1930-е гг., что может привлекать с большой долей вероятности лишь специалистов этой области. Однако в богатом архиве Д.А. Лутохина, сосредоточенном в отделе рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург), есть две монографии по социологии («К критике буржуазной социологии», «Социология науки»), написанные им в уфимский период,

мемуаристика («Итоги жизни», «Семь тощих лет. Между Владивостоком и Прагой», «Школа жизни», «Максимищ», художественные произведения (пьесы «Счастье», «К просторам»), а также несколько работ историко-экономического содержания («Витте как министр финансов», «Земельный вопрос в деятельности Временного правительства», «Регулирование русской бумажной промышленности во время войны», «Производство, обслуживающее культурные потребности в Ленинграде,

за 20 лет революции», «Материалы по истории Крыма»). Фонд Д.А. Лутохина имеется и в рукописном отделе Института русской литературы РАН. В-третьих, его фигура тесно связывалась сорокиноведами (и не только) с газетами и журналами, издававшимися в Советской России в начале 1920-х гг., такими как «Вестник литературы», «Экономист», «Утренники», и упоминалась по причине работы Питирима Сорокина в этих изданиях. Поэтому у слышавших о нем возникает стойкая ассоциация: «Д.А. Лутохин – редактор антибольшевистских изданий», который позже сменил свои общественно-политические ориентиры на пробольшевистскую позицию и критиковал «Социологию революции» П. Сорокина. Между тем представляется интересным взглянуть в биографию Д.А. Лутохина внимательнее с целью уловить, понять корни противоречий, возникших между ним и Сорокиным в период эмиграции. Являясь представителем российской интеллигенции последней четверти XIX – первой половины XX столетия, Д.А. Лутохин заслуживает внимания исследователей и как самостоятельная фигура.

Предпримем попытку, насколько позволяют источники, наметить канву жизни Далмата Александровича Лутохина. В автобиографии от 8 февраля 1939 г. отмечено, что родился Д.А. Лутохин 5 октября (по старому стилю) 1885 г. в Петербурге [Лутохин, 1939, ОР РНБ. Ед.хр.1, л.1.]. Детство свое, как сообщает Ю.И. Комболин, он «провел в Рязани, где его отец служил после окончания Технологического института в железнодорожных мастерских в 1892–1902 годах» [Минувшее..., 1997, с.7]. С ранних лет Далмат Лутохин стал получать техническое образование. В юные годы «сначала учился в железнодорожном училище в Рязани, потом проходил курс средней школы самостоятельно дома, сдавая ежегодно проверочные испытания в Саратовском реальном училище» [Лутохин, 1939, л.1]. Здесь уже встречаем первые расхождения в биографических сведениях, связанных с местом рождения ученого. Обратившись к сайту «Биографика СПбГУ», можно увидеть, что в качестве места рождения будущего экономиста и литератора значится Самарская губерния (в автобиографии указан Санкт-Петербург), а дворянский род Лутохиных обнаруживается в Саратовской губернии. Здесь, безусловно, требуется специальное генеалогическое исследование с целью выявления родственных связей Александра Павловича (отца Д.А. Лутохина) с саратовским дворянским родом Лутохиных. Первая же версия о том, что Далмат Лутохин родился в Самарской губернии, подтверждается ссылкой на алфавитный указатель жителей Петрограда на 1917 г. [Лутохин Д.А. – Пешковой Е.П.]. Однако этот сюжет требует дополнительной разработки.

В 1903 г. Д.А. Лутохин был зачислен на первый курс Санкт-Петербургского Технологического института императора Николая I, о чем находим сведения как в автобиографии [Лутохин, 1939, л.1], так и в фондах Центрального государственного исторического архива (Санкт-Петербург) (далее – ЦГИА СПб) [О принятии..., ЦГИА СПб. Ф. 492. Оп. 2. Д. 7663]. Некоторое время спустя он перевелся сначала в Императорский Санкт-Петербургский университет, затем в Харьковский. Смена учебного заведения совпала с революционным временем. В 1905 г. работа Петербургского университета была парализована [Ростовцев, Сидорчук, 2015], а Лутохин, судя по его воспоминаниям, участвовал в революционном движении, за что был арестован в декабре того же года и находился в тюрьме до осени 1906 г. [Лутохин, 1939, л.1.].

«Из тюрьмы я вышел неврастеником и в первый раз должен был обратиться к невропатологу – вр. Жуковскому, который посоветовал мне летом предпринять какое-нибудь путешествие», – позже вспоминал Д.А. Лутохин [Лутохин, 1935, л.57]. Он действительно предпримет поездку за границу. В «Итогах жизни» читаем о посещении им лекций М.М. Ковалевского в Париже в Высшей школе социальных наук [Лутохин, 1935, л. 43. об.] (скорее всего речь идет о Русской высшей школе общественных наук). К лекциям М.М. Ковалевского Д.А. Лутохин отнесся критически. Затем посещал семинары «в Берлинском университете у профессоров Шмоллера, Адольфа Вагнера, Борткевича, Бека, Ястрова, Зиммеля и других, а также в Берлинской высшей торговой школе в семинаре Вернера Зомбарта» [Лутохин, 1939, л.1–1 об.]. К 1908 г. вернулся в Петербург и вскоре перевелся на экономическое отделение юридического факультета Харьковского университета. Заметим, что магистерская диссертация Лутохина о С.Ю. Витте, написанная и изданная им еще при жизни бывшего министра путей сообщения и министра финансов, по-видимому, привлекла внимание читающей публики. В 1930-е гг. она входила в число рекомендованных для углубленного изучения экономической деятельности Витте [Покровский, 1930, с.331]. В более поздних изданиях крупнейшего справочника советского периода ссылки на труд Д.А. Лутохина пропадают.

Получив экономическое образование, Д.А. Лутохин вступил на путь профессиональной деятельности. С мая 1918 г. по осень 1922 г. он работал в Главном управлении государственными предприятиями бумажной промышленности (Главбум). «С осени того же года*, при его ближайшем участии, начинает работать Правбум, осуществивший национализацию бумажных фабрик, ранее, чем к ней было приступлено в других областях Республики и в других областях промышленности» [Лутохин, 1939, л. 2]. К 1921 г. Д.А. Лутохиным был разработан перспективный план развития бумажной промышленности Советской России, рассчитанный до 1950 г. В это время параллельно он вел редакторскую работу, был близок с одним из корифеев российской журналистики А.Е. Кауфманом (1855–1921).

Новую экономическую политику Лутохин воспринял как отход правящей партии от реализации идей социализма и коммунизма, что было в духе интеллигенции того времени. Выражал надежды на смягчение политического курса. Среди мемуарных записей Лутохина читаем: «В марте 1921 г. до нас донеслись из Кронштадта выстрелы пушек. ... Вскоре последовало провозглашение НЭПа. Интеллигенция, и я в том числе, не [далее текст неразборчиво] ленинского маневра. Мы думали, что за НЭПом политическим последует НЭП экономический ... далее уверили, что сам Влад[имир] Ильич стал презрительно отзываться об этом солдатском коммунизме – и готовит к новой поворот руля. Эти слухи открыли всегда сильную у интеллигентов склонность критиковать. Критическая нотка стала звучать и в моих выступлениях, как в литературных, так и ораторских» [Лутохин, 1935, л.67,68]. Однако активно включиться в общественную жизнь первых месяцев НЭПа Лутохин не смог. В это время тяжело заболел и вскоре (8 июня 1921 г.) скончался его старший сын Илья в возрасте двух с половиной лет [Лутохин, 1935, л.68, 68 об.]. Семья Лутохиных тяжело переносила это горе. В столь трудное, наполненное внутренними переживаниями время Лутохин знакомится с Питиримом Сорокиным, который своей лекцией

* Правление комитета бумажной промышленности (Правбум) было организовано в 1919 г.

о голоде, прочитанной в Доме литераторов, «произвел на [него] не плохое впечатление» [Лутохин, 1935, л. 82 об.]. Это первое – заочное – знакомство вскоре повлечет за собой и очную встречу, после чего П.А. Сорокин будет активно привлекаться Д.А. Лутохиным к издаваемым им периодическим и непериодическим изданиям. Время их плодотворного сотрудничества в России будет недолгим – с января по сентябрь 1922 г. За эти девять месяцев П. Сорокин опубликовал десять рецензий и восемь статей в трех редактируемых Д.А. Лутохиным изданиях: единственном вышедшем под его редакцией номере «Вестника литературы», пяти номерах журнала «Экономист» и двух непериодических сборниках «Утренников». Объемы и скорость написания П. Сорокиным материалов для этих изданий впечатляющие. В 2019 г. все газетные и журнальные статьи были собраны в восьмом томе Собрания сочинений П. Сорокина [Сорокин, 2019] и сегодня доступны не только специалистам, но и всем, интересующимся развитием общественной мысли в Советской России начала 1920-х гг. и публицистическим творчеством П. Сорокина. Вскоре период активного взаимодействия Лутохина и Сорокина был прерван. Уже с мая 1922 г. в правительственных кругах активно обсуждался вопрос о формах борьбы с инакомыслящими, с теми, кто не разделял внутривластного курса большевиков, кто смело выражал иные, идущие вразрез с утвердившейся идеологией взгляды на дальнейшее развитие страны [Квакин, 2013]. Административная высылка как одна из форм высшей меры наказания с этого времени становится повесткой дня заседаний Политбюро ЦК РКП(б) и других государственных органов. К проработке правового обоснования применения административной высылки вместо расстрела В.И. Ленин привлек наркома юстиции Д.И. Курского, председателя ГПУ Ф.Ю. Дзержинского и его заместителей И.С. Уншлихта и В.Н. Манцева, а также Л.Б. Каменева. К августу уже были готовы первые списки высылаемых за границу. В них под номерами один и шесть были фамилии Сорокина и Лутохина соответственно.

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) об утверждении списков высылаемых деятелей интеллигенции от 10 августа 1922 г. дает основание предполагать, что Д.А. Лутохин был отстранен от работы в Правбуме с августа 1922 г. Как и П.А. Сорокин, он попал в список петроградской антисоветской интеллигенции. Однако высылка его затянется до февраля 1923 г. Ю.В. Дойков в качестве причины отсрочки выезда Д.А. Лутохина называет его арест.

Положение семьи Лутохиных за границей было трудным. Он был не вполне здоров в момент выезда из СССР. «Первый город за границей, куда я попал с семьей, будучи выслан из СССР, был Ревель – Таллин, как зовут его теперь эстонцы. Я знал, что здесь живут мои знакомые. Мне было еще трудно передвигаться – и я решил переговорить с ними по телефону» [Лутохин, 1935, л. 112]. Его заграничный путь схож с сорокинским: Ревель – Берлин – Прага. В отличие от П.А. Сорокина, Д.А. Лутохин вынужден был задержаться в Берлине на 3–4 месяца: сказывалось сложное финансовое положение. Зарабатывал он, как и многие высланные, публичными лекциями о революционной России, публикационной деятельностью. Но, в отличие от П.А. Сорокина, рисовавшего исключительно трагическую картину положения дел в России, Д.А. Лутохин высказывал наравне с негативными оценками советской действительности и положительные, в связи с чем его выступления часто встречались критически, порой высказывались мнения о том, что Д.А. Луто-

хин – советский агент [Лутохин, 1939, л.2.об]. Эту подчас неоднозначную позицию он сохранил на протяжении всего времени эмиграции. В письме от 3 июня 1925 г. М. Горький сообщает К.А. Федину: «Недавно в Праге Далмат Лутохин, высланный Соввластью, делал доклад о современной русской литературе и неосторожно похвалил всех вас за мужество, за все, что вами сделано. Доклад превратился в злейший диспут, на Далмата зверски бросились все правоверные эмигранты, все иезуиты, и его до костей изгрызли. Грызут и поднесь во всех газетах. А чешские жандармы уже справляются о его документах, связях и, кажется, вышлют Лутохина за “склонность к большевизму”» [Письмо М. Горького..., 1925]. По всей видимости, Лутохин колебался в своих размышлениях о судьбе России, о своем месте в эмиграции, не теряя надежды в скором времени вернуться в Россию. В мае 1923 г. Лутохины перебираются в Прагу. В литературе отмечается, что перевес в пользу этого решения связан с чисто прагматическими причинами – возможностью получить более-менее стабильное финансовое обеспечение и не переживать о положении семьи [Минувшее..., 1997, с.99]. В Праге общение с Сорокиным продолжилось. Хотя уже в октябре того же года Сорокин отбыл в США, между двумя товарищами некоторое время еще сохранялась переписка, запечатлевшая скорое охлаждение в их отношениях [Русанова, 2024, с.212–221]. Разность жизненных позиций Сорокина и Лутохина хорошо прослеживается в их переписке; различные «стратегии выживания» в первые годы эмиграции также говорят об этом.

В мае 1924 г. в Праге был образован Русский научный институт сельской культуры, переименованный в сентябре 1924 г. в Институт изучения России [Институт...], куда Д.А. Лутохин устроился на работу в кабинет народного хозяйства и экономической политики, руководимый А.В. Пешехоновым. Он подготовил обстоятельную статью, по содержанию напоминавшую детализированный отчет о политике Временного правительства в отношении земельного вопроса. Д.А. Лутохин по дням с хронологической точностью перечислял предпринятые Временным правительством меры по решению аграрной проблемы в России, подчеркивая, что в его политической программе не было ни строчки о социально-экономических реформах, включая земельную: «4 марта на должность министра земледелия вступил А.И. Шингарев. Он обратил внимание прежде всего на организацию посевной площади. <...> 17 марта Временное правительство обратилось, наконец, к народу со специальным воззванием по земельному вопросу. <...> 21 апреля Временное правительство постановило учредить Земельные комитеты...» и так далее. Он внимательно и скрупулезно описал каждый новый шаг министерства земледелия, рассказал о роли А.И. Шингарева, А.С. Постникова, В.М. Чернова в урегулировании этой назревшей проблемы в объемной статье «Земельный вопрос в деятельности Временного правительства» [Лутохин, 1926]. Работа в составе кабинета Пешехонова, одного из активных представителей идеи возвращения в СССР среди эмигрантской интеллигенции, думаем, усилила и позиции самого Лутохина в этом вопросе. Так, в своем докладе на очередной международной конференции историк Е.И. Белова привела цитату известного философа, социолога и публициста Ф.А. Степуна: «Внутренняя жизнь российской эмиграции в 1925–1926 гг. шла под знаком двух дискуссий: “возрожденческой” – о необходимости всеэмигрантского объединения для окончательного наступления на большевиков и “возвращенческой” – о необходи-

мости всеэмигрантского примирения с Советской Россией». Инициатором последней и был А.В. Пешехонов [Белова, 2014, с.44]. Под влияние второго течения попал и Д.А. Лутохин.

Он возвратился в СССР в 1927 г. Любопытная параллель: в этом же году Прагу покинул и А.В. Пешехонов. По возвращении Д.А. Лутохин устроился экономистом в отдел коммунального хозяйства Ленинградского областного совета: «С ноября 1930 г. возобновил работу в бумажной промышленности, как ученый секретарь и заведующий экономическим сектором Научно-Исследовательского института бумаги; с 1932 г. по март 1935 г. работал в Институте, как старший научный сотрудник» [Лутохин, 1939, л. 3]. Затем он был выслан из Ленинграда в Уфу, где летом 1935 г. оказался с семьей – женой и двумя сыновьями. За уфимский период, продлившийся до 9 февраля 1936 г., Лутохин потерял мать и младшего брата, написал серию научных работ, воспоминания, о которых говорилось выше. Мать хлопотала о прекращении высылки и возвращении его в Ленинград перед Е.П. Пешковой, писал ей и сам Д.А. Лутохин. 9 февраля 1936 г. Пешкова телеграфировала Лутохину, что обвинения с него сняты и он с семьей может вернуться в Ленинград. В ответной телеграмме от 10 февраля Лутохин писал: «...спешу поблагодарить Вас за то, что воскресили к жизни меня и мою семью. Слава Вам великая!» [Лутохин Д.А. – Пешковой Е.П.]. Бытовые вопросы затянули возвращение Лутохиных до 1940 г. К началу Великой Отечественной войны младший сын Лутохина Илья, которого они называли в честь первенца, находился на службе в РККА. Сохранились сведения, что в мае 1942 г. он был награжден медалью «За боевые заслуги» [Лутохин Илья...]. Старший сын – Магнус – также был участником этой страшной войны [Лутохин Магнус...]. Д.А. Лутохин, его младшая сестра Ольга и супруга Гонората Андреевна погибли в первую блокадную зиму в Ленинграде: в декабре 1941 г. не стало Д.А. Лутохина, в январе 1942 г. – О.А. Лутохиной и в марте 1942 г. – Г.А. Лутохиной [Сведения о захоронении...]. Так трагически закончилась жизнь одного из представителей российской интеллигенции первой половины XX столетия, наследие которого еще предстоит изучить.

Литература

- Белова Е.И. А.В. Пешехонов и дискуссия о возвращении на родину в середине 1920-х гг. // Эмигранты и репатрианты XX века. Тема Родины и возвращения: тезисы докладов / междунар. науч. конф. Слепухинские чтения – 2014. Санкт-Петербург: Фонд Слепухина, 2014. – С.42–45.
- Дойков Ю.В. Две судьбы (Питирим Сорокин и Далмат Лутохин) // Высшее образование в России. 2000, № 4. – С.135–137.
- Институт изучения России. г. Прага. 1924–19[35] // Путеводитель по российским архивам. [<https://guides.rusarchives.ru/funds/7/institut-izucheniya-rossii-g-praga-1924-1935?ysclid=maid3faib823109563>]
- Квакин А.В. Высылка интеллигенции в 1922–1923 годы: мифы и реальность // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2013, №1(9). – С.93–106.
- Лутохин Д.А. – Пешковой Е.П. [https://pkk.memo.ru/letters_pdf/001449.pdf]
- Лутохин Д.А. Автобиография от 8 февраля 1939 года. Машинопись // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 445. Ед. хр. 1. Л. 1.
- Лутохин Д.А. Земельный вопрос в деятельности Временного правительства. Прага, 1926 // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 445. Ед. хр. 70. Л. 1–32.
- Лутохин Д.А. Итоги жизни [воспоминания]. 1935 // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 445. Ед. хр. 2. Л. 57.

- Лутохин Илья Долматович // Сайт «Память народа». [<https://m.pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero93392736?referrer=recent>]
- Лутохин Магнус Далматович // Сайт «Память народа». [https://m.pamyat-naroda.ru/heroes/isp-chelovek_spisok665626?referrer=similar]
- Минувшее: исторический альманах. СПб., 1997. – С.7–112.
- О принятии в студенты 1 курса института Далмата Лутохина // ЦГИА СПб. Ф. 492. Оп. 2. Д. 7663.
- Письмо М. Горького – К.А. Федину от 03 июня 1925 г., Сорренто. [<http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/pisma/pismo-792.htm?ysclid=maco267z5298863193>]
- Покровский М. Витте С.Ю. // Большая советская энциклопедия / гл. ред. О.Ю. Шмидт. М.: Акцион. об-во «Советская энциклопедия», 1-е изд., 1930. Т. 11. – С.323–331.
- Ростовцев Е.А., Сидорчук И.В. Санкт-Петербургский университет в 1905 году // Terra Linguistica. 2015, № 3(227). – С.98–107.
- Русанова В.С. П.А. Сорокин и Д.А. Лутохин: от сотрудничества к противоречиям // Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века: Международная научная конференция, приуроченная к 135-летию со дня рождения Питирима Сорокина: сборник статей / отв. ред. Н.Н. Новикова. Сыктывкар.: изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2024. – С.212–221.
- Сведения о захоронении Д.А. Лутохина на Пискаревском кладбище в г. Санкт-Петербург // Возвращенные имена. Книга памяти России. [<https://visz.nlr.ru/blockade/show/1290392>]
- Сорокин П.А. Сочинения: 1919–1923 / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова. Сыктывкар.: ООО «Анбур», 2019. – 848 с.

References

- Belova E.I. *A.V. Peshekhonov i diskussiya o vozvrashchenii na roдинu v seredine 1920-h gg.* [A.V. Peshekhonov and the discussion about returning to his homeland in the mid-1920s.] // *Emigranty i repatrianty XX veka. Tema Rodiny i vozvrashcheniya: tezisy dokladov* [Emigrants and repatriates of the 20th century. The topic of Homeland and return: abstracts/the International Scientific Conference Slepukhinsky readings – 2014] // *Mezhdunar. nauch. konf. Slepukhinskie chteniya – 2014*. Saint-Petersburg: Slepukhin Fond, 2014. – pp.42–45.
- Dojkov Yu.V. *Dve sud'by (Pitirim Sorokin i Dalmat Lutokhin)* [Two Destinies (Pitirim Sorokin and Dalmat Lutokhin)] // *Vyshee obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia.]. 2000. No.4. – pp.135–137.
- Institut izucheniya Rossii. g. Praga. 1924–19[35] [The Institute for the Study of Russia. Prague. 1924–19 [35]] // *Putevoditel' po rossijskim arhivam* [Guide to the Russian archives] [<https://guides.rusarchives.ru/funds/7/institut-izucheniya-rossii-g-praga-1924-1935?ysclid=maidd3faib823109563>]
- Kvakin A.V. *Vysylka intelligencii v 1922–1923 gody: mify i real'nost'* [The expulsion of the intelligentsia in 1922–1923: myths and reality] // *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta* [Humanities. Bulletin of the Financial University]. 2013. No.1 (9). – pp. 93–106.
- Lutokhin D.A. – Peshkova E.P. [D.A. Lutokhin – E.P. Peshkova] [https://pkk.memo.ru/letters_pdf/001449.pdf]
- Lutokhin D.A. *Avtobiografiya ot 8 fevralya 1939 goda. Mashinopis'* [Autobiography of February 8, 1939. Typing] // *Otdel rukopisej Rossijskoj nacional'noj biblioteki. F. 445. Ed. hr. 1. L. 1.* [Department of Manuscripts of the Russian National Library. Fund 445. Archival unit 1. Fol. 1.]
- Lutokhin D.A. *Zemel'nyj vopros v deyatel'nosti Vremennogo pravitel'stva. Praga. 1926* [The land issue in the activities of the Provisional Government. Prague. 1926] // *Otdel rukopisej Rossijskoj nacional'noj biblioteki. F. 445. Ed. hr. 70. L. 1–32.* [Department of Manuscripts of the Russian National Library. Fund 445. Archival unit 70. Fols. 1–32.]
- Lutokhin D.A. *Itogi zhizni [vospominaniya]. 1935* [Life outcomes [memories]. 1935] // *Otdel rukopisej Rossijskoj nacional'noj biblioteki. F. 445. Ed. hr. 2. L. 57.* [Department of Manuscripts of the Russian National Library. Fund 445. Archival unit 2. Fol. 57.]
- Lutokhin Il'ya Dolmatovich [Lutokhin Ilya Dolmatovich] // *Sajt «Pamyat' naroda»* [The «Memory of the People» website]. [<https://m.pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero93392736?referrer=recent>]
- Lutokhin Magnus Dalmatovich [Lutokhin Magnus Dalmatovich] // *Sajt «Pamyat' naroda»* [The «Memory of the People» website] [https://m.pamyat-naroda.ru/heroes/isp-chelovek_spisok665626?referrer=similar]
- Minuvshee: istoricheskij al'manah. 22 [The past: a historical almanac. 22]. СПб., 1997. – pp.7–112.
- O prinyatii v studenty I kursa instituta Dalmata Lutokhina [On admission to the 1st year students of the Dalmat Lutokhin Institute] // *CGIA SPb. F. 492. Op. 2. D. 7663*. [CSHA St. Petersburg. Fund 492. Inv. 2. File 7663.]

- «Наследие» № 1 (26) (2025)
- Pis'mo M. Gor'kogo – K.A. Fedinu ot 03 iyunya 1925 g., Sorrento* [Letter from M. Gorky to K.A. Fedin dated June 03, 1925, Sorrento] [<http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/pisma/pismo-792.htm?ysclid=maco267z5298863193>]
- Pokrovsky M. *Vitte S.Yu.* [Vitte S.Yu.] // *Bol'shaya sovetskaya enciklopediya* [The Great Soviet Encyclopedia] / Ch. ed. O. Yu. Schmidt. M.: Action «The Soviet Encyclopedia», 1st ed., 1930. V. 11. – pp.323–331.
- Rostovcev E.A., Sidorchuk I.V. *Sankt-Peterburgskij universitet v 1905 godu* [St. Petersburg University in 1905] // *Terra Linguistica*. 2015. No. 3 (227). – pp. 98–107.
- Rusanova V.S. *P.A. Sorokin i D.A. Lutokhin: ot sotrudnichestva k protivorechiyam* [P.A. Sorokin and D.A. Lutokhin: from cooperation to contradictions] // *Pitirim Sorokin i paradigmy global'nogo razvitiya XXI veka* [Pitirim Sorokin and the paradigms of global development of the 21st century]: Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya, priurochennaya k 135-letiyu so dnya rozhdeniya Pitirima Sorokina: sbornik statej / otv. red. N.N. Novikova. Syktyvkar.: izd-vo SGU im. Pitirima Sorokina, 2024. – pp.212–221.
- Svedeniya o zahoronenii D.A. Lutohina na Piskarevskom kladbishche v g. Sankt-Peterburg* [Information about the burial of D.A. Lutokhin at the Piskarevskoye cemetery in St. Petersburg] // *Vozvrashchennye imena. Kniga pamyati Rossii* [Returned names. The Book of memory of Russia] [<https://visz.nlr.ru/blockade/show/1290392>]
- Sorokin P.A. *Sochineniya: 1919–1923* [Writings: 1919–1923] / Sost., podgot. teksta, vstup. st. i komment. V.V. Sapova. Syktyvkar.: ООО «Anbur», 2019. – 848 p.

УДК 303.422

С.Н. Ковальчук
Рига, Латвия

«ПОТЕМНЕВШИЙ ОТ ВРЕМЕНИ СНИМОК...»

Цитирование: Ковальчук С.Н. «Потемневший от времени снимок...» // Наследие. 2025, № 1 (26). – С.95–105.

DOI: <https://doi.org/10.31119/hrtg.2025.1.5>

Citation: Kovalchuk S.N. «Potemnevshij ot vremeni snimok...» [«Darkened from time to time shot...»] // Nasledie [Heritage]. 2025, No. 1 (26). – Pp.95–105.

DOI: <https://doi.org/10.31119/hrtg.2025.1.5>

Статья посвящена приезду в Ригу из Праги двух историков, профессора А. Кизеветтера и проф. В.А. Мякотина, зимой 1927 г. Гостей встретил в Риге депутат парламента Е.М. Тихоницкий, основатель Русского просветительного общества в Риге, вдохновитель проведения по всей Латвии с 1925 по 1940 г. Дней русской культуры.

Ключевые слова: российская эмиграция в Латвии в 1920–1930-х гг., историки А. Кизеветтер и В. Мякотин, депутат латвийского парламента педагог Е. Тихоницкий.

Kovalchuk S.N. «Darkened from time to time shot...»

The article is devoted to the arrival in Riga from Prague of two historians, Professor A. Kiesewetter and Professor V.A. Myakotin in the winter of 1927. The guests were welcomed in Riga by the member of parliament, the founder of the Russian Educational Society in Riga E.M. Tikhonitsky. From 1925 to 1940 Tikhonitsky was the main organizer of the Days of Russian Culture in Latvia.

Key words: Russian emigration to Latvia in the 1920s-1930s, Historians A. Kiesewetter and W. Myakotin, Member of the Latvian Parliament and teacher E. Tikhonitskiy.

Фотография из рижской газеты «Сегодня»

Черно-белый снимок 1927 г. из рижской газеты «Сегодня» запечатлел встречу историков проф. Пражского Карловского университета Александра Александровича Кизеветтера и Венедикта Александровича Мякотина в редакции газеты «Сегодня». На встрече присутствовали как владельцы газеты Я.И. Брамс и Б.И. Поляк, так и главный редактор издания М.И. Ганфман, редакторы Б.О. Харитон и М.С. Мильруд, общественные деятели Б.Н. Шалфеев, Б.В. Евланов, А.К. Рудин; гостей сопровождал Е.М. Тихоницкий – председатель Русского просветительного общества и депутат латвийского Сейма.

Радушный прием гостей, прибывших из Праги с разницей в несколько дней, был связан с предстоявшей их лекционной программой. Оба ученых были выдворены из

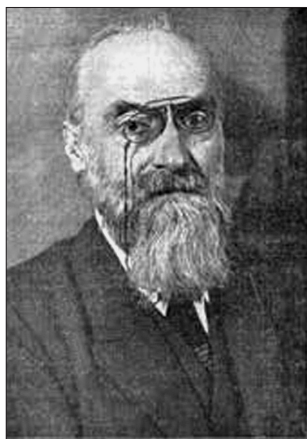

Фото проф. А.А. Кизеветтера
в газете «Сегодня» (№ 39)
от 18 февраля 1927 г.

Советской России и 29 сентября 1922 г. вместе с другими именитыми изгнанниками отплыли от берегов Невы на пароходе «Oberbürgermeister Hacken». Это событие в историографии получило название «философский пароход». Напомним, что 23 сентября 1922 г. поездом Москва – Рига отправилась в изгнание группа «инакомыслящих», в числе которых был юрист и социолог Питирим Сорокин.

Проф. А. Кизеветтер – талантливый ученик русского историка В.О. Ключевского, знаток истории посадской общины России XVIII в., автор труда «Городовое положение Екатерины II 1785 г.», несомненно, был известен в кругах латвийского общества и как депутат второй Государственной Думы, и как профессор Московского университета. В 1911 г. в знак несогласия с реакционной политикой министра народного просвещения Л.А. Кассо [Савин, 2015] он покинул стены университета, стал активно препода-

вать в популярном Московском городском народном университете имени А.Л. Шанявского, на Московских высших женских курсах. Обосновавшись в Праге, успешно продолжал профессиональную деятельность. В Латвии были наслышаны о том, что президент Чехословакии Томаш Масарик и глава правительства Эдвард Бенеш на протяжении ряда лет последовательно выделяли из государственного бюджета крупные суммы на так называемую русскую акцию, т.е. способствовали созданию учебных заведений, помогали выживать русской профессуре, студенчеству и т.д. Проф. Кизеветтер вскоре стал сотрудничать с европейскими периодическими изданиями, с 1923 г. активно публиковался в рижской газете «Сегодня». Читателям за подписью Кизеветтера предлагались рецензии на последние труды коллег по истории, филологии, отрывки воспоминаний, статьи о российских монархах, писателях, поэтах, театре и великих актерах.

За несколько дней до прибытия газеты пестрили сообщениями о предстоявших лекциях, по прибытии уважаемого гостя в Ригу его коллега по Московскому университету проф. Роберт Юрьевич Виппер, ставший с осени 1924 г. профессором Латвийского университета, поместил в газете «Сегодня» приветственную статью с подробностями биографии гостя. Вскоре состоялась их личная встреча.

Не лишне вспомнить и такой факт: еще до приезда Виппера в Латвию, что произошло летом 1924 г., о его новых книгах, выходивших в Москве, знали и в Риге. Так, в 1922 г. увидела свет книга «Иван Грозный». В 1923 г. в газете «Сегодня» за 4 августа (№ 167) на 2-й странице была опубликована рецензия «Панегирист Ивана Грозного». Автором выступил знаток русской истории А.А. Кизеветтер, который искренне недоумевал, почему его добрый знакомый Виппер остановил свой научный взор на царе Иване IV. Мало того, что избрал спорную фигуру русской истории, так еще и восхвалял эпоху его правления: «В исторической литературе появился целый панегирик Ивану Грозному в форме ученой книжки. Панегирик этот принадлежит перу известного историка Виппера. Иван Грозный изображен здесь как величайший европейский монарх XVI столетия». А. Кизеветтер еще в 1898 г. опубликовал не-

большое по объему научное исследование «Иван Грозный и его оппоненты», предложив разные, порой несогласные между собой точки зрения относительно осмысления самодержавия Ивана IV, а в книге Виппера, напротив, присутствовала только авторская позиция, восхвалявшая царя.

Второй рижский гость – Венедикт Александрович Мякотин (1867–1937), некогда преподаватель Императорского Александровского лицея и Александровской военно-юридической академии Генерального штаба, автор неоднократно переиздававшейся работы «Протопоп Аввакум: его жизнь и деятельность», трудов «История Малороссии», «Из истории русского общества», «Лекции по русской истории». В начале 1900-х гг. Мякотин занял активную политическую позицию, стал одним из основателей партии народных социалистов, был арестован и осужден и в 1911–1912 гг. отбывал заключение в Двинской (Даугавпилской) крепости, после революционных перемен отошедшей Латвии.

Публичные лекции пользовались в те далекие годы огромной популярностью: на них приходили представители всех национальностей, социальных слоев – от профессоров университета, депутатов Латвийского парламента до студентов и домохозяек. Рижане устраивали чтение лекций преимущественно в красивом помещении общества «Улей», в доме немецкого купечества, называемом Домом Черноголовых, но таким признанным ученым, как проф. А. Кизеветтер, предоставлялась возможность прочитать лекцию в стенах Латвийского университета. Гости также желали встретиться с рижанами, готовыми передать в Русский архив в Праге документы, воспоминания, фотографии. Все это напоминало рижанам о приезде во второй половине ноября 1925 г. директора Русского архива в Праге Виссариона Яковлевича Гуревича с целью создания уникального архивного собрания русской эмиграции [Сегодня, 1925, № 262].

Проф. А. Кизеветтер дал согласие на прочтение четырех лекций «Россия на рубеже XIX и XX вв.». Сотрудник Русского архива проф. В. Мякотин предложил для трех лекций следующие темы: «Национальность и ее происхождение», «Россия и Европа», «Апогей самодержавия». Все лекции прошли с огромным успехом, залы были переполнены слушателями. Лекции проф. Кизеветтера, прочитанные эмоционально, логически продуманно, с точными политическими акцентами в оценке недавней трагедии российского государства, вызвали резонанс, породили многочисленные (порой разнополярные) отклики [Лекция..., 1927]. Осмысление лектором российской истории побуждало слушателей высказывать несогласие с оценками гостя. Например, Николай Белоцветов, издатель газеты «Слово», размещал на страницах своего издания комментарии к выступлению профессора [Белоцветов, 1927]. Лекции В.А. Мякотина, напротив, прошли ровно, поскольку лектор оказался более сдержан в оценках недавнего прошлого. Его лекции «Россия и Европа», лекция, посвященная декабристам, были благожелательно восприняты слушателями. Кроме того, В.А. Мякотин уважил своим присутствием и съезд Русских просветительных обществ в Риге, состоявшийся в начале марта, посетил город Резекне и прочел там лекцию. В интервью газете «Слово» Мякотин ратовал за сбор и передачу документов для Русского заграничного исторического архива в Праге [Остужев, 1927, С.8].

Как стали возможны столь дорогостоящие визиты гостей? Кто финансировал эти мероприятия? Какая организация стояла за приглашением профессоров из европейских столиц? Финансировал визиты русских ученых преимущественно Николай Алексеевич Белоцветов (1863–1935)* – некогда директор-распорядитель страхового общества от огня «Саламандра», ставший эмиграции в Латвии владельцем страховой компании и вкладывавший большие средства в издание газеты «Слово. Ежедневная русская газета», журнал «Перезвоны» и другие издания. В политическом отношении он весьма тесно был связан с монархически настроенной частью русской эмиграции, поддерживавшей великого князя Николая Николаевича Романова, генерала Петра Врангеля, князя Анатолия Ливена. На протяжении нескольких лет Н.А. Белоцветов щедро тратился на просветительскую деятельность, поддерживал Е.М. Тихоницкого и программу приглашения в Ригу известных философов, историков, писателей.

За приглашением гостей стояло Русское просветительное общество. В отчете о его деятельности за 1926–1927 гг. [Отчет..., 1927, С.6] упоминался целый ряд приглашенных для чтения лекций видных представителей научного сообщества, оказавшихся в изгнании. Так, 30 марта 1927 г. в Ригу поездом из Берлина прибыл, как сообщала газета «Слово», бывший профессор Вольной академии духовной культуры Николай Александрович Бердяев. После радушной встречи на перроне, вспышек фотоаппаратов, приветствий со стороны многочисленных представителей общественных и студенческих организаций именитого гостя на авто увезли на квартиру брата владельца газеты «Слово» Сергея Белоцветова (1873–1938)** , где до глубокой ночи продолжалось общение. В мае 1927 г. Русское просветительное общество пригласило из Праги профессора Чешского высшего технического училища Всеволода Викторовича Стратонова (1869–1938), который до своей принудительной высылки за пределы родины возглавлял физико-математический факультет МГУ, основал Российский астрофизический институт и руководил им. В мае 1927 г. Ригу посетил Павел Николаевич Милюков (1859–1943). В октябре 1927 г. в Ригу берлинским поездом приезжал Федор Августович Степун (1884–1965) – религиозный философ, историософ, культуролог, социолог, теоретик искусства, писатель и публицист [Ковальчук, 2017, с.19–31, 42–50].

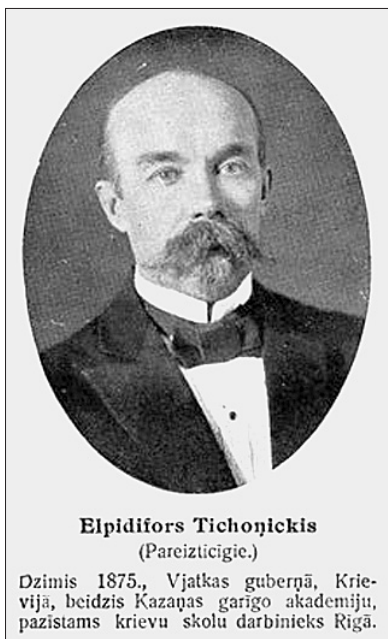
Елпидифор Михайлович Тихоницкий

Елпидифор Михайлович Тихоницкий (1875–1942) основал и возглавлял работу Русского просветительного общества в Риге, был его неизменным председателем [ЛГИА. Ф. 1632. Оп. 1. Д. 21695, 21696].

Е.М. Тихоницкий – кандидат богословия, надворный советник, педагог – происходил из семьи потомственных церковнослужителей: его отец, Михаил Петрович

* Родился в семье выдающегося православного проповедника и заслуженного пастыря протоиерея Алексия Белоцветова (1839–1876), служившего в одном из приходов в Покровском уезде Владимирской губернии. Российская Государственная библиотека бережно хранит печатные труды как о. Алексия Белоцветова, так и его старшего сына Николая [Ковальчук, 2004].

** С.А. Белоцветов работал законоучителем в школе, был ответственным секретарем литературно-художественного журнала «Перезвоны», в котором печатались писатели, поэты, ученые из многих стран русского зарубежья.

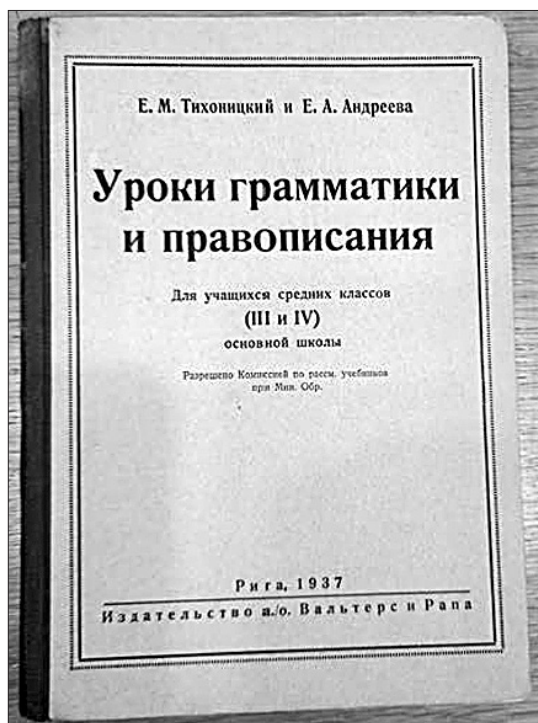
Е.М. Тихоницкий.
Фото Я. Риекста

Тихоницкий (1846–1918), был известным православным священником Вятской губернии, расстрелянным большевиками в 1918 г. В 2003 г. за мученическую кончину отец Михаил был причислен к лику новомучеников и исповедников Российских [Новомученик Вятский, 2008].

Образование Е. Тихоницкий получил в Вятской духовной семинарии в 1896 г., сразу же поступил в Казанскую духовную академию, которую окончил в 1900 г. по историческому отделению со степенью магистра и с правом на работу учителем гимназии. С 1900 по 1910 г. Е.М. Тихоницкий работал учителем русского языка и истории в Татьянинской женской гимназии, в реальном училище и школьным инспектором в г. Орлове Вятской губернии. Энергичного молодого человека в 1910 г. назначили директором мужских гимназий в городах Малмыже и Глазове Вятской губернии. Развитие школьного дела и осуществление всеобщего обучения сочеталось у Е.М. Тихоницкого с усердной заботой об устройстве народных библиотек, читален, народных чтений и народных домов.

На излете 1913 г. Е.М. Тихоницкий получил назначение на должность директора народных училищ Вятской губернии. В годы Первой мировой войны он был вызван в Петербург, в Министерство народного просвещения, и вскоре был переведен на ту же должность в Псков. Назначение круто изменило его судьбу. В Пскове Е.М. Тихоницкий работал во время Первой мировой войны. Здесь он и познакомился с Николаем Белоцветовым, который вместе с двумя общественными деятелями основал в Псковской губернии сельское потребительское общество и сельскую школу с интернатом для крестьянских детей из дальних деревень.

Когда фронт приблизился, Тихоницкий переехал на короткое время в Петроград, где с 28 сентября 1917 г. по 1 января 1918 г. являлся помощником попечителя Петроградского учебного округа. В конце 1917 г. он безуспешно баллотировался в Учредительное собрание от партии народных социалистов. Затем в его биографии снова возник Псков. Согласно собственноручно составленной анкете, Е.М. Тихоницкий с 1 февраля 1918 г. по 26 августа 1919 г. был заведующим отделением народного образования в Пскове, заведующим Псковской железнодорожной школой 1-й и 2-й ступени и учителем опытной школы при псковском Учительском институте. Политическая палитра Пскова за короткое время сменилась несколько раз: Тихоницкий проживал в Пскове во время его оккупации немцами, затем при большевиках, а потом при занятии города войсками Северо-Западной армии генерала Н.Н. Юденича. Активная жизненная позиция, общительность Е.М. Тихоницкого позволили ему познакомиться с большим кругом интеллигенции, так или иначе оказавшейся во время войны в Пскове, среди которой оказалось много жителей Риги. Возможно, поэтому

Учебное пособие «Уроки грамматики и правописания» Е.М. Тихоницкого и Е.А. Андреевой. Фото С.Н. Ковальчук

он приехал в независимую Латвийскую республику в самом конце 1919 г. благодаря помощи педагога и общественного деятеля, рижанина Исаака Берза (1886–1970). В Риге Тихоницкий начал служить учителем русского языка, истории в еврейских, русских, латышских школах. В 1922 г. он стоял у истоков создания рижской Правительственной гимназии. В начале 1920-х гг. Е.М. Тихоницкий совершил две поездки в Прагу на съезды русских учителей за границей, что также свидетельствовало о его авторитете в учительской среде. С весны 1929 до весны 1932 г. был директором Рижского государственного русского педагогического института [Цоя, 2014, с.79–98].

Тихоницкий является автором учебных пособий по русскому языку, неоднократно издававшихся в Латвии (даже в годы Второй мировой войны). В каталоге Национальной библиотеки Латвии значатся публикации Е.М. Тихоницкого, а в Российской Государственной библиотеке хранятся

как публикации протоиерея Михаила Тихоницкого, так и его сыновей.

По законам Латвийской республики того времени, прожив в ней пять лет, Е.М. Тихоницкий был принят в латвийское гражданство, включился в политическую жизнь страны и в том же 1925 г. стал депутатом второго (03.11.1925–05.11.1928) Сейма Латвии по списку Православных. Как депутат проявил себя плодотворным участием в Просветительной комиссии Сейма. Е.М. Тихоницкий присоединился к «Блоку православных избирателей и русских общественных организаций», который возглавлял глава Латвийской православной церкви архиепископ Иоанн (Поммер). Е.М. Тихоницкого в список делегировала одна из самых влиятельных в то время русских организаций – «Русский национальный союз». В ходе выборов (3–4 октября 1925 г.) названный политический блок завоевал два из пяти русских мандатов. Депутатами от «Блока православных избирателей и общественных организаций» стали архиепископ Иоанн (Поммер) и Е.М. Тихоницкий. Примечательно, что по числу поданных голосов Е.М. Тихоницкий в Риге занял второе место вслед за архиепископом Иоанном, хотя в списке числился только пятым.

Несмотря на солидные должности, Е.М. Тихоницкий проживал с семьей в скромном деревянном домике на улице Дебесбраукшанас, 19, которая находилась рядом с Покровским и Вознесенским храмами. Более десяти лет он и его семья были активными прихожанами рижского Спасо-Преображенского храма.

Преображенская церковь, г. Рига, Латвия.
Фото С.Н. Ковальчук

Скромный православный Спасо-Преображенский храм и по сей день расположен в районе Саркандаугава (историческое название – Александровские высоты)*. Протоиерей Николай Александрович Македонский (1865–1954), настоятель рижского Спасо-Преображенского храма, законоучитель, стал для семьи Тихоницких близким человеком. Он венчал 30 октября 1929 г. Е.М. Тихоницкого и учительницу Герду-Марию Ланге (1898–1994), крестил их детей [Ковальчук, 2013, с.101–122].

Журналистика не была чужда Тихоницкому, поэтому он писал для газет «Слово», «Сегодня», журнала «Для Вас», сборников «Русские в Латвии», «Русский ежегодник», русских календарей. Как и многие-многие тысячи недавних подданных Российской империи, находясь в полупринудительной, полудобровольной разлуке с родиной, он осознал, что главные задачи эми-

грантов – защита России перед лицом Европы и, по возможности, подвижнический труд на поприще сохранения русской культуры, просветительства во имя духовного богатства будущей свободной России. Несомненно, пребывание на чужбине без борьбы за родину недопустимо, о чем напишет гораздо позже Фёдор Степун в работе «Родина, отечество и чужбина», напечатанной в Нью-Йорке в «Новом журнале» в 1955 г. Ведь если на чужбине невозможно жить родиной, то лучше возвращаться домой, хотя бы лишь затем, чтобы упокоиться на родной земле. Поэтому главными начинаниями Тихоницкого – поистине подвижника – на поприще общественной жизни Латвии стали как создание Русского просветительного общества и многолетнее председательство в нем, так и проведение по всей Латвии с 1925 по 1940 г. Дней русской культуры. Педагогическая деятельность Е.М. Тихоницкого была высоко оценена Латвийским государством. В 1929 г. он был награжден орденом Трех Звезд IV степени.

Известный в довоенной Риге журналист и педагог Генрих Гроссен тепло отзывался о Е.М. Тихоницком в воспоминаниях, подчеркивал, что он, с ног до головы идеалист русского земства, оставался гордостью и утешением русского учительства: «Бесконечно влюбленный в свою учительскую деятельность, глубоко любящий и понимающий детскую душу, знаток педагогики, <...> блестящий методист –

* Историческое название увековечило пребывание на этой территории князя Александра Меншикова и взятие Риги в июле 1710 г. войсками Петра Первого.

был верной путеводной звездой русского учительства. “Как скажет Елпидифор Михайлович, так и сделаю”, – слышался обыкновенно ответ учительниц, которые боготворили его. Он написал несколько учебников (хрестоматий). Был весьма скромн, несмотря на свой громадный авторитет в учительском и общественном мире. По убеждениям он был демократ, раньше был членом трудовой партии и работал также в Пскове, где я с ним встречался в той же партии. <...> Работал он невероятно много, главным образом на учительской и общественной ниве. Он организовал в Риге “Русское Просветительное общество”. <...> Его светлый образ запечатлелся у меня в памяти навсегда: светлый блондин, с лысиной, немного отвислыми усами и с книжкой в руках, он внимательно выслушивал каждого, смотря добрыми, проникающими глазами на собеседника. С ним я много беседовал и работал по составлению литературно-просветительной газеты “Русский день”, душой которой он был, привлекая к бесплатному участию в ней литераторов и журналистов. Он стоял во главе комитета по организации празднования “Дней русской культуры”. Это празднование было действительно большим праздником для русского населения Балтики. <...> В Сейме среди интриг и политической жизни Тихоницкий дольше легислатурного периода – 3-х лет – не удержался. Не политический борец, он весь отдался просветительской и общественной работе, за которую русское население должно быть благодарно ему навсегда» [Гроссен, 1994, с.163].

17 июня 1940 г. стало днем радикальной политической трансформации латвийской государственности, которая сопровождалась на протяжении последующих месяцев широкими репрессивными мерами в отношении интеллигенции, военных, общественных деятелей. Новая власть летом 1940 г. закрыла широко известную в Европе «белоземгрантскую» газету «Сегодня», что принесло жесткие репрессии редакторам и авторам: М.С. Мильруд (1883–1942) и Б.О. Харитон (1877–1941) были арестованы, вскоре подверглись репрессиям и Б.В. Евланов (1890–1943), А.К. Рудин (1898–1941). 14 октября 1940 г. Е.М. Тихоницкий был арестован органами НКВД и обвинен в контрреволюционной деятельности по ст. 58 пп. 4, 10 и 11 УК РСФСР. Скончался он в лагере в Северо-Казахстанской области 21 мая 1942 г.

Герда-Мария Тихоницкая летом 1944 г. выехала с детьми в Европу. Их потомки ныне проживают во Франции, продолжают священническую стезю. Родной брат Е. Тихоницкого – архиепископ Владимир (Тихоницкий) (1873–1959) – много лет состоял викарием церковью юга Франции, Италии, был настоятелем православного собора в Ницце. По смерти митрополита Евлогия в августе 1946 г. принял управление Экзархатом на основании завещательного распоряжения митрополита Евлогия от 1943 г., отказавшись исполнять указ Патриарха Московского и всея Руси Алексия I (Симанский) от 9 августа 1946 г. о присоединении к Московской Патриархии; остался с большинством приходов во Франции в юрисдикции Константинопольского патриархата, именовался Экзархом Вселенского Патриарха в Западной Европе [Фейгмане, 2015, с.110–161].

Память о Е.М. Тихоницком, его деятельности увековечена памятной доской на здании Рижской средней школы № 40 по адресу: Рига, ул. Акас 10.

Памятная доска на здании Рижской средней школы № 40 по адресу: Рига, ул. Акас 10.
Фото С.Н. Ковальчук

Литература

Архив

Национальный Архив Латвии Латвийский Государственный Исторический Архив (НАЛ ЛГИА).
Ф. 1632. Оп. 1. Д. 21695, 21696 – личные дела Е.М. Тихоницкого из фонда Министерства образования Латвии.

Белоцветов Н. В защиту памяти императора Павла I // Слово. 1927, №. 424. – С.2.

Генрих Гроссен. Жизнь в Риге // Даугава. 1994, № 1. – С.163.

Ковальчук С.Н. Настоящий изгнанник с собой все уносит: судьбы ученых-эмигрантов в Латвии 1920–1944 гг. Москва: Новый хронограф, 2017. – С.19–31, 42–50.

Ковальчук С.Н. Николай Алексеевич Белоцветов, Сергей Алексеевич Белоцветов // Покровское кладбище. Слава и забвение / Сост. С. Видякина, С. Ковальчук. Рига, 2004. – С. 157–159. [<https://www.russkije.lv/ru/pub/read/pokrovskoe-cemetery/lica-5.html>]

Ковальчук С.Н. Протоиереи Николай Македонский и иерей Владимир Володин – настоятели рижского Спасо-Преображенского храма // Православие в Балтии. Научно-аналитический журнал. Рига, издание ИФС, 2013. – С.101–122.

Лекция профессора Кизеветтера // Слово. 1927, №. 423. – С.5.

Новомученник Вятский о. Михаил Тихоницкий: документы судебно-следственного дела протоиерея Михаила Тихоницкого. Киров: издательство О-Краткое, 2008.

Остужев В. В.А. Мякотин о русском историческом архиве в Праге и о современном русском историческом романе. Беседа с режиссером-корреспондентом «Слова» // Слово. 1927, №. 444. – С.8.

Отчет о деятельности Русского просветительного общества за 1927 г. // Слово. 1927, №. 802. – С.6.

Савин А.Н. Университетские дела. Дневник 1908–1917 гг. М.; СПб., 2015.

Сегодня. 1925, № 262.

Фейгмане Т. Служение Елпидифора Михайловича Тихоницкого // Латвийский православный хронограф. Рига, 2015. Выпуск I. – С.110–161.

Цоя С. К истории русского образования в межвоенной Латвии (20–30-е годы XX в.) // Русский мир и Латвия. Альманах. Рига, 2014, № XXXVI. – С.79–98.

References

Archive

Nacional'nyj Arhiv Latvii Latvīskij Gosudarstvennyj Istoricheskij Arhiv (NAL LGIA). F. 1632. Op. 1. D. 21695, 21696 – lichnye dela E.M. Tihonickogo iz fonda Ministerstva obrazovaniya Latvii [National Archive of Latvia Latvian State Historical Archive (NAL LGIA). Fund 1632. Inventory 1. Files 21695, 21696 – personal affairs of E.M. Tikhonitsky from the fund of the Ministry of Education of Latvia]

Belotsvetov N. V zashchitu pamyati imperatora Pavla I [In defense of the memory of Emperor Paul I] // Slovo [Word]. 1927, No. 424. – p.2.

Genrih Grossen. Zhizn' v Rige [Heinrich Grossen. Life in Riga] // Daugava [Daugava]. 1994, No. 1. – p.163.

Kovalchuk S.N. Nastoyashchij izgnannik s soboj vsyo unosit: sud'by uchenyh-emigrantov v Latvii 1920–1944 gg. [A real exile takes everything with him: the fate of emigrant scientists in Latvia, 1920–1944]. Moscow: New chronograph, 2017. – pp.19–31, 42–50.

Kovalchuk S.N. Nikolaj Alekseevich Belocvetov, Sergej Alekseevich Belocvetov [Nikolai Alekseevich Belotsvetov, Sergey Alekseevich Belotsvetov] // Pokrovskoe kladbishche. Slava i zabvenie [Pokrovskoye cemetery. Glory and oblivion] / Comp. S. Vidyakina, S. Kovalchuk. Riga, 2004. – pp.157–159. [https://www.russkije.lv/ru/pub/read/pokrovskoe-cemetery/lica-5.html]

Kovalchuk S.N. Protoierej Nikolaj Makedonskij i ierej Vladimir Volodin – nastoyateli rizhskogo Spaso-Preobrazhenskogo hrama [Archpriest Nikolai the Great and Priest Vladimir Volodin – rectors of the Riga Transfiguration Church] // Pravoslavie v Baltii. Nauchno-analiticheskij zhurnal [Orthodoxy in the Baltic States. Scientific and analytical journal]. Riga, IFS edition, 2013. – pp.101–122.

Lekciya professora Kizevettera [Lecture by Professor Kiesewetter] // Slovo [Word]. 1927, No. 423. – p.5.

Novomuchennik Vyatskij o. Mihail Tihonickij: dokumenty sudebno-sledstvennogo dela protoiereya Mihaila Tihonickogo [Novomuchennik Vyatsky Fr. Mikhail Tikhonitsky: documents of the judicial investigation case of Archpriest Mikhail Tikhonitsky]. Kirov: publishing house O-Brief, 2008.

Ostuzhev V. V.A. Myakotin o russkom istoricheskom arhive v Prage i o sovremennom russkom istoricheskom romane. Beseda s rezhickim korrespondentom «Slova» [V.A. Myakotin about the Russian historical archive in Prague and the modern Russian historical novel. A conversation with the Rezhitsky correspondent of «Word»] // Slovo [Word]. 1927, No. 444. – p.8.

Otchet o deyatel'nosti Russkogo prosvetitel'nogo obshchestva za 1927 gg. [Report on the activities of the Russian Educational Society for 1927] // Slovo [Word]. 1927, No. 802. – p.6.

Savin A.N. Universitetskie dela. Dnevnik 1908–1917 gg. [University Affairs. Diary of 1908–1917] St. Petersburg, 2015.

Segodnya [Today]. 1925, No. 262.

Feigmane T. Sluzhenie Elpidifora Mihajlovicha Tihonickogo [The Ministry of Elpidifor Mikhailovich Tikhonitsky] // Latvīskij pravoslavnyj hronograf [The Latvian Orthodox chronograph]. Riga, 2015. Issue I. – pp.110–161.

Tsoya S. K istorii russkogo obrazovaniya v mezhoennoj Latvii (20–30-e gody XX v.) [On the history of Russian education in interwar Latvia (20–30s of the XX century)] // Russkij mir i Latviya. Al'manah [Russian world and Latvia. Almanac]. Riga. 2014, No. XXXVI. – pp.79–98.

УДК 929

В.И. Антонов

Улан-Удэ

ОТ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА ДО ЛОГИЧЕСКИХ УМОЗАКЛЮЧЕНИЙ: МЕМОР-ПОРТРЕТЫ С.С. ГОЛЬДЕНТРИХТА И В.А. БОЧАРОВА

Цитирование: Антонов В.И. От эстетического творчества до логических умозаключений: мемор-портреты С.С. Гольдентрихта и В.А. Бочарова // Наследие. 2025, № 1(26). – С.106–114.

DOI: <https://doi.org/10.31119/hrtg.2025.1.6>

Citation: Antonov V.I. *Ot esteticheskogo tvorchestva do logicheskikh umozaklyuchenij: memor-portrety S.S. Gol'dentrihta i V.A. Bocharova* [From aesthetic creativity to logical conclusions: memorable portraits of S.S. Goldentricht and V.A. Bocharov] // *Nasledie* [Heritage]. 2025, No. 1 (26). – Pp.106–114.

DOI: <https://doi.org/10.31119/hrtg.2025.1.6>

В статье представлены памятные образы двух университетских учителей в лице профессоров МГУ С.С. Гольдентрихта и В.А. Бочарова. Образ и деяния первого из них даны в контексте особой значимости анализа и понимания им природы эстетического творчества. Образ и научные изыскания второго университетского учителя аналитически развернуты через призму его логического творчества

Ключевые слова: С.С. Гольдентрихт, эстетика, эстетическое творчество, В.А. Бочаров, логика, силлогистика.

Antonov V.I. From aesthetic creativity to logical conclusions: memorable portraits of S.S. Goldentricht and V.A. Bocharov

The article presents memorable images of two university teachers in the person of Moscow State University professors S.S. Goldentricht and V.A. Bocharov. The image and actions of the first of them are given in the context of the special significance of his analysis and understanding of the nature of aesthetic creativity. The image and scientific research of the second university teacher are analytically developed through the prism of his logical creativity.

Key words: S.S. Goldentricht, aesthetics, aesthetic creativity, V.A. Bocharov, logic, syllogistics.

В незабываемые студенческие и аспирантские годы, прошедшие в великой Alma mater, в стенах МГУ, я не раз убеждался в том, что философия – это наука, способствующая формированию у человека широты мировоззрения, масштабности мышления, зарождению у него понимания глубины и бесконечности познания объ-

ективной реальности. Ее безусловная особенность и притягательность заключены и в том, что она до конца (как некая абсолютная истина) непостижима и безгранична в своих смысловых основаниях, анализах и выводах, в своих понятийных образах, определениях и интерпретациях, в своих категориях, суждениях, учениях и теориях. В этом, безусловно, состоит эвристическая сила и мощь данной науки.

Но было бы совершенно неправомечно утверждать (это значило бы грешить против исторической истины), что изучение нами философских наук в те годы проходило якобы вне идеологической «печати» своего времени. Напротив, последнее развивалось под неоспоримым знаком довлевшего тогда всеобщего духа советской социалистической эпохи. А в самой учебе это предопределялось идеологической парадигмой, основанной на непререкаемом характере и значении марксистско-ленинского учения. Однако «я, например, будучи студентом и аспирантом МГУ в 1970-е гг., не чувствовал, не испытывал на себе какой бы то ни было идеологической муштры. Да, форма обучения в немалой степени носила идеологизированный характер. Но в содержательном, неформальном плане атмосфера на факультете всегда способствовала утверждению культа спора, полемики, борьбы мнений и суждений, духа критики и самокритики» [Антонов, 2012, с.104]. Такая дискуссионная обстановка в студенческой и аспирантской среде МГУ в те годы невольно становилась важным импульсом к беспрестанному поисковому разбросу в постижении сложной и неоднозначной философской истины.

При этом философия в процессе ее изучения, перед нами представляла как целостная, системно разветвленная наука, характеризующаяся многопредметностью и в то же время выраженная в едином междисциплинарном поле. Говоря на языке современных наименований, она охватывала, объединяла в себе дисциплинарно вполне автономные области философских знаний, такие как история философии, теоретическая философия (бывший диалектический материализм), социальная философия (бывший исторический материализм), философия естествознания, этика, эстетика, логика и т.д. И все они становились понятийно, ментально доступными не только благодаря нашему усердию в их постижении. Несомненный интерес и стремление к их изучению с нашей стороны во многом обуславливались тем, как и кто именно преподавал, обучал нас, задавались тем, с какой глубиной закладывались в нас знания об этих предметах. И здесь значительна роль университетских учителей, о чем мною уже писалось множество раз.

В этой связи на основе соответствующего акцента на двух конкретных дисциплинах из вышеназванного ряда хочется специально остановиться на таких именах из славной плеяды университетских профессоров, как Семен Семенович Гольдентрихт (1909–1992) и Вячеслав Александрович Бочаров (1937–2012). Данный выбор, как мне видится, естествен, ибо продиктован тем, что каждый из них при жизни в своей научно-педагогической деятельности достойно представлял, более того, ярко олицетворял собой одну из двух неординарных философских наук – эстетику либо логику. Это мотивировано также в личностном плане, как знак благодарной памяти: ведь ими в мои студенческие и аспирантские годы тонко, умело и последовательно прививалось особое профессиональное отношение у меня к тому, что связано с эстетикой и логикой.

Семен Гольдентрихт:
классический университетский профессор по эстетике

Судьбой было уготовано мне осенью 1976 г., во время поступления в аспирантуру кафедры философии гуманитарных факультетов МГУ имени М.В. Ломоносова, познакомиться и пообщаться, так сказать, вживую с удивительным во всех отношениях человеком – профессором указанной кафедры Семеном Семеновичем Гольдентрихтом. До этого я его знал лишь заочно и прежде всего – по первому изданию его монографии «О природе эстетического творчества» (1966), которая в доработанном, расширенном варианте была переиздана в 1977 г. Некоторые ее параграфы применительно к экзаменационным вопросам по эстетике я старательно штудировал, будучи еще студентом третьего курса философского факультета МГУ, когда готовился к экзамену по данному предмету. Но мне была известна и другая его книга – «Специфика эстетического сознания», написанная им в соавторстве и выпущенная в свет в 1974 г.

Уже при первой встрече Семен Семенович, добродушно улыбнувшись мне, словно давнишнему приятелю, произнес фразу, в которой сразу улавливалась особая грань его душевности и интеллектуальной открытости: «Я внимательно ознакомился с вашим научным рефератом. Он оставил у меня благоприятное впечатление. Вы сумели отразить суть проблемы убористым и емким языком. Это похвально. Давайте будем сотрудничать по этой интересной теме». Сказанное (в том числе оценка моего реферата «О природе символа: философско-гносеологический и эстетический анализ») означало, что он согласен быть моим научным руководителем во время учебы в аспирантуре. С этого момента началось наше довольно-таки плодотворное и близкое общение с Семеном Семеновичем, длившееся более пятнадцати лет, вплоть до 1992 г., когда он скончался после тяжелой и продолжительной болезни.

Это, разумеется, не должно пониматься в том смысле, что он страдал коммуникабельностью «нараспашку». Контактность с людьми была у него достаточно строгой и разборчивой. Но, единожды открыв кому-либо двери в свой богатый и интересный интеллектуально-духовный мир, он навсегда оставался верным принципу такой «открытости».

Семен Семенович нередко относился к привычным, ставшим кондовыми в нашей советской действительности вещам и явлениям с легкой иронией, с легким скепсисом. То же самое демонстрировал при обсуждении определенных философско-эстетических проблем, поскольку справедливо считал, что подобная «профилактика» должна способствовать высвобождению некоторых теоретических положений, устоявшихся в философии и эстетике, от неминуемого догматического налета, от опасного их закостенения. Профессор С.С. Гольдентрихт с таким же легким и неподражаемым смехом, с необычной «авторской» жестикულიацией всегда реагировал на всякого рода глупости, несуразицы, которых хватало и в жизни, в общественной науке. При этом обязательно выговаривал: «Тихий ужас! Ни разума, ни рассудка».

И неудивительно поэтому то, что Семен Семенович, начиная еще с 60-х г. XX столетия, выступил одним из активных и последовательных сторонников творческой интерпретации классического марксизма. В этой связи главенствующей темой его научного исследования становится социально-историческая природа эстетического

творчества. Им была разработана концепция, раскрывавшая эстетическое творчество как всеобъемлющую форму духовно-практического, созидательно-деятельностного отношения человека к миру (в процессе труда, в общественной жизни и искусстве). Эта концепция получила всестороннее обоснование в его докторской диссертации «Эстетические отношения в действительности и искусстве» (1965). В дальнейшем он развил понимание творчества как основополагающего, генерализирующего вида деятельности: творчество как сущность социально-исторической практики и познания, творческая деятельность как субстанциональная основа общества. Такое понимание нашло отражение в его работах «Творчество как философская проблема» (1982), «Методологические проблемы общей теории творчества» (1987).

Профессор С.С. Гольдентрихт, в сущности, был «шестидесятником» (причем не только по духу, концептуально, но и по жизни). До конца своих дней он оставался убежденным и последовательным противником сталинизма, рассматривая его не только как идеологическое отклонение, но и как практическое извращение марксизма. Тому были не только веские идейно-теоретические основания, но и личный мотив, связанный с драматическим периодом его жизни. В 1948 г., будучи доцентом МГУ, он по ложному обвинению в «безродном космополитизме» был репрессирован. Только через шесть лет, в 1954 г., его освободили, а затем, спустя недолгое время, полностью реабилитировали и восстановили в прежней должности [Емельянов, 2004, с.35].

Однако столь суровые испытания несколько не изменили его в человеческом отношении. До конца своей жизни он сохранил доброту сердца, благородство души. То был человек с особым обаянием, с излучаемой изнутри природой истинного интеллигента. Он всегда отличался надежностью в творческом сотрудничестве и дружбе с теми, кто оказывался посланным к нему самой судьбой. Это его качество особенно сильно проявлялось в трудные, критические моменты. Что дело обстояло именно таким образом, мне приходилось убеждаться не один раз, причем на собственном опыте.

Как человек, чуждый всякой карьере, он совершенно был лишен какой бы то ни было формы амбициозности. Семен Семенович выше профессорского звания никогда ничего не ставил и не видел. Он всегда по-особому дорожил этим званием. Звание профессора МГУ составляло для него предмет личной гордости. В этом смысле он действительно был классическим университетским профессором.

Вполне естественно, что С.С. Гольдентрихтом как многоопытным и авторитетным ученым, профессором, доктором наук было подготовлено немало достойных учеников. Среди них есть и доктора наук, ставшие признанными специалистами в своей исследовательской области. Например, такие как О.В. Лармин, Ю.М. Щукин, Ю.Д. Воробей. К числу его питомцев хотелось бы, если позволительно, отнести и себя, поскольку вплоть до защиты докторской диссертации в 1992 г. я так или иначе всегда ощущал с его стороны благотворное интеллектуально-научное наставничество.

В бытность профессором МГУ Семен Семенович показывал редкостный пример и в таком плане: он никогда не считал ниже своего достоинства навещать своих аспирантов и студентов в общежитии, интересоваться их насущными проблемами. А если узнавал, что кто-то из них приболел, то непременно становился его практическим врачом-советчиком. Профессор С.С. Гольдентрихт всегда был прост

и естествен, непосредствен и доступен в общении со своими студентами и аспирантами. Этим он неминуемо покорял их.

Семен Семенович импонировал студентам и аспирантам не только личностными качествами, но и высоко профессиональным уровнем, глубоко содержательным характером своих лекций. На филологическом факультете МГУ, где он традиционно читал лекции по общему курсу и вел спецкурс «Эстетика в мировой истории», мне во время проведения там семинарских занятий (в 1976–1977 гг.) несколько раз приходилось слышать неожиданные и вместе с тем яркие суждения студентов о нем: «Семен Семенович – просто прелесть!», «настоящий эстет», «превосходный знаток философско-эстетических учений», «классический эстет».

Профессор С.С. Гольдентрихт был многогранной и колоритной натурой. Природа одарила его красивым и сильным голосом. С молодых лет он прекрасно исполнял русские народные и неаполитанские песни, некоторые арии из классических опер, в том числе итальянских. Поэтому Семен Семенович всегда был желанным гостем на праздничных застольях и встречах, в различных дружеских компаниях. Кстати, как он откровенно признавался не без доли самоиронии, в его «космополитическом изобличении» и в последующем репрессировании в послевоенное время некоторую злую шутку с ним как некий дополнительный «вещдок» сыграла и его чрезмерная страсть, увлечение итальянской песенной культурой. Ведь тогда война закончилась совсем еще недавно, а Италия, хоть и разгромленная, продолжала ассоциироваться в сознании многих простых людей того периода (тем более – представителей судебно-следственных органов) все-таки со страной, породившей фашизм.

Почти полувековая профессорско-преподавательская деятельность Семена Семеновича Гольдентрихта в стенах Московского университета оставила добрый след в сердцах не одного поколения студентов, аспирантов и преподавателей. Его образ, образ классического университетского профессора, навсегда останется в их благодарной памяти.

Вячеслав Бочаров: классический университетский профессор по логике

Университетский учитель... Каждый раз, когда произношу это словосочетание, оно отдается во мне каким-то желанным, ей-богу, камертонным отголоском. Видимо, неслучайно. Образы и деяния университетских учителей для меня всегда были и остаются предметом особого уважения и гордости. Они всплывают в моей памяти под знаком несомненной признательности и благодарности, сколько бы времени ни прошло с тех далеких студенческих и аспирантских лет.

В контексте сказанного невольно вспоминается имя Вячеслава Александровича Бочарова, доктора философских наук, профессора кафедры логики философского факультета МГУ. Его долгий и плодотворный научно-творческий путь начался ровно через год после окончания (1965) данного факультета со специализацией по логике, когда он впервые переступил порог кафедры логики в качестве молодого преподавателя. И с той поры В.А. Бочаров целых 46 лет, вплоть до последних дней жизни,

неустанно трудился только на этой кафедре, последовательно проходя все соответствующие ступени научно-педагогической деятельности: ассистент, старший преподаватель, доцент, профессор, кандидат и доктор наук. Пример, прямо надо сказать, достаточно редкий и говорящий прежде всего о большой преданности одной кафедре, ее коллективу, о его профессиональной верности непростой дисциплине и самой науке под названием «логика».

Первое, можно сказать, официальное знакомство с Вячеславом Александровичем у меня состоялось в октябре 1969 г., когда он пришел в нашу студенческую группу проводить семинарское занятие по логике. Состоялся, естественно, предварительный взаимный «пристрел». Он в течение занятия время от времени, как бы изучающим оком, разглядывал нас. Мы, в свою очередь, внимательно приглядывались к нему. Сразу же в нем почувствовалась строгость под стать самой логике. И этому мы тогда нисколько не удивлялись, считая, что все должно быть органично взаимосвязанным. А сама логика, одно ее упоминание тогда отзывались в нас трудно скрываемым трепетом. Честно говоря, мы немного побаивались этого предмета.

По прошествии некоторого времени чувство страха в нас как-то незаметно, естественным образом сменилось живым интересом и даже азартом к процессу изучения логики. Этим мы были обязаны в первую очередь самому Вячеславу Александровичу. Когда он растолковывал нам различные логические формулы и понятия, он заметно преображался. Вячеслав Александрович в этих случаях испытывал определенный эмоциональный артикуляционный подъем и весь сполна уходил в рассматриваемые формулы и знаки, словно стремился одухотворить, оживить их. В результате невольно складывалось ощущение, будто он общается с миром живых символов. Это нас по-настоящему завораживало, и в таком состоянии нам приходилось слушать его не один раз.

При рассмотрении такой логической формы, как понятие, помнится, неожиданно для всех нас он специально остановился на имени Валентина Фердинанда Асмуса, назвав его великим философом XX века, универсальным ученым, живым классиком [Антонов, 2010, с.108–116]. Подробно расспрашивал, что конкретно по античной философии сейчас, т.е. в то конкретное время, читает профессор Асмус. Получив соответствующий ответ, В.А. Бочаров добавил, что Валентин Фердинандович также крупный специалист по логике и математике. Потому он порекомендовал проштудировать написанную В.Ф. Асмусом главу из коллективного труда по логике, посвященную как раз понятию [Асмус, 1956, с.28–53]. Затем настоятельно посоветовал нам внимательно ознакомиться с еще двумя главами из этой книги – «Доказательство», «Ошибки в доказательствах», тоже написанными Валентином Фердинандовичем [Асмус, 1956, с.227–265]. Этот совет сопровождался словами: «Сила логики в безупречной доказательной базе».

В процессе дальнейшего изучения логики особенно интересным и значимым нам тогда представлялся раздел, где изучалась такая трудная форма логического мышления, как умозаключение. И мы все поняли при изучении этой формы одну неоспоримую вещь: Бочаров – один из сильнейших силлогистов на факультете. При этом нам никогда не забыть, как скрупулезно, с каким увлечением он разъяснял нашей группе аристотелевскую силлогистику. Позднее это нашло отражение в его работе «Аристотель и традиционная логика» (1984). А когда я получил из рук Вячеслава

Александровича с дарственной надписью очередное его сочинение «Силлогистика» (1986) и стал изучать эту весьма трудную для адекватного усвоения книгу, хотелось воскликнуть: «Логические умозаключения – это вершина интеллектуальной деятельности! Силлогизмы, силлогистика превыше всего!»

Как он подчеркивал, «уникальное место силлогистики в логике определяется особым влиянием, которое она оказала на разработку философской проблематики. Оставаясь в течение многих веков единственным известным аппаратом дедукции, она во многом предопределяла характер и направленность теоретико-познавательных исследований» [Бочаров, 2010а, с.530].

Разработке этой ключевой проблематики логики В.А. Бочаров был предан от начала и до конца своей научно-творческой деятельности. Например, тема его кандидатской диссертации – «Силлогистика без экзистенциальных предпосылок», а докторская посвящалась целостному анализу силлогистических теорий. Студенты философского и психологического факультетов с интересом слушали его спецкурс «Силлогистика». Также на этих факультетах наряду с общими курсами логики он успешно вел содержательно насыщенные и глубокие спецкурсы «Символическая логика», «Философские проблемы логики».

Кроме того, В.А. Бочаровым совместно с В.И. Маркиным издан пользующийся большим спросом в студенческой среде учебник «Основы логики» (1994). Им опубликован интересный курс лекций для адъюнктов и соискателей математических и технических специальностей «Философия науки» (2009). В соавторстве с Т.И. Юраскиной он написал неординарную работу «Божественные атрибуты» (2003).

Следует особо подчеркнуть, что установившиеся между нами и В.А. Бочаровым хорошие отношения не были прерваны по окончании курса логики, а перешли на несколько иной, более неформальный уровень. Вячеслав Александрович, обладая прекрасной и главное доброй памятью на людей, на своих студентов, в последующие годы никогда не забывал их, по возможности всегда опекал их и помогал им.

Сказанное я могу подтвердить фактами из собственного опыта. В 1984 г. силами двух кафедр – диалектического материализма и логики – под редакцией члена-корреспондента АН СССР С.Т. Мелюхина и доцентов МГУ В.А. Бочарова и В.М. Федорова был издан интересный сборник научных статей «Проблемы методологии познания природных и социальных явлений». Тогда я был приятно удивлен: Вячеслав Александрович во время формирования сборника предложил мне, далекому улан-удэнцу, представить свою статью.

Еще один пример. «Во время заседания УМО в Министерстве образования России в 1994 г. участвовавшая на нем проректор Бурятского университета по учебной работе Л.П. Ковалева с видом большого беспокойства сетовала на полнейшее отсутствие в республике специалистов по логике и невозможность чтения лекций по данной дисциплине на юридическом факультете университета. Но она испытала некоторый шок после того, как на это возразил член УМО МО РФ, профессор МГУ В.А. Бочаров словами: “Почему вы так утверждаете? У вас есть специалисты по логике в лице профессоров Мантатова и Антонова”» [Антонов, 2007, с.3].

Все это, конечно же, свидетельствовало о глубоко неформальном отношении Вячеслава Александровича к своим питомцам и коллегам, сколь бы давно они ни

окончили университет и где бы они ни работали. Это говорило о его высоких человеческих качествах, о его объективности и порядочности, о его отзывчивости и обязательности.

Профессор В.А. Бочаров, безусловно, являлся известным и талантливым ученым-логиком. В ходе многолетней творческой разработки различных логических проблем им были получены конкретные доказательства с интересными и весомыми результатами. Перечислим лишь некоторые из них: строго обоснован неэкзистенциальный характер аристотелевской силлогистики и построены разнообразные – позитивные, негативные и сингулярные – силлогистики, а также расширенная силлогистика; доказана метатеорема о дефинициальной эквивалентности теории булевой алгебры; разработана одна из концептуальных трактовок онтологии Лесневского как современного варианта силлогистики; построено исчисление предикатов первого порядка, обогащенного дескрипциями нового типа, и доказана непротиворечивость такого исчисления; разработан алгоритм построения вывода в одном из вариантов натурального исчисления предикатов; построена для логики высказываний компьютерная программа-реализация данного алгоритма и т.д.

И что еще примечательно, В.А. Бочаровым проведен логико-философский анализ теологии, дана реконструкция логико-философского представления и обоснования И. Кантом идеи Бога. В этой связи он писал: «В науке принято ставить, обсуждать и определенным образом решать вопрос о существовании так называемой необходимой сущности (субстанции, предмета). Необходимой сущностью считается та сущность, предикат существования для которой является необходимым ее атрибутом, т.е. такая сущность, которая не может существовать. Под такой сущностью обычно понимают Бога. Однако, как было показано И. Кантом, все доказательства онтологического существования Бога являются неудовлетворительными. Тем не менее можно показать, и это мною было сделано, что имеется целый ряд объектов, онтологическое существование которых является логически необходимым фактом» [Бочаров, 2010б, с.84].

Как видим, даже вкратце, фрагментарно приведенные итоги научных изысканий В.А. Бочарова говорят сами за себя, подтверждая лишь одну истину: это был крупный ученый-силлогист, яркий и достойный представитель логической школы МГУ. Его по праву можно назвать классическим университетским профессором по логике. Он являлся заслуженным профессором МГУ, был награжден нагрудным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования РФ», удостоен специального диплома за вклад в развитие логики.

Вячеслав Александрович по природе и духу являлся человеком преодоления. Ему всегда был присущ сильный и волевой характер. В качестве подтверждающего примера можно назвать следующий факт: профессор Бочаров в начале 2000-х гг. неожиданно столкнулся с тяжелым недугом, но он не сдался. Упорно боролся с ним и заставил болезнь отступить. К радости друзей и коллег вскоре снова встал в строй активно работавших профессоров МГУ. Иначе и не могло быть. Затем успешно трудился многие лета, до 2012 г., когда, увы, ушел из жизни.

Образ и деяния Вячеслава Александровича Бочарова надолго останутся в благодарной памяти тех, кто близко знал его по жизни, по совместной работе, кто когда-то учился у него постигать нелегкую науку под названием «логика».

Литература

- Антонов В.И. Философы XX века: Алексей Богомолов, Игорь Нарский, Лев Николаев // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2012, № 1. – С.100–119.
- Антонов В.И. Я слушал великого Асмуса... // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2010, № 2. – С.108–116.
- Антонов В.И. Славный представитель логической школы МГУ // Ежедневник «Московский университет». 2007, ноябрь, № 36 (4227). – С. 3.
- Асмус В.Ф. Глава II. Понятие. Главы XIV, XV. Доказательство. Ошибки в доказательствах // Логика. М.: Госполитиздат, 1956. – С.28–53, 227–265.
- Бочаров В.А. Силлогистика // Новая философская энциклопедия в 4-х т. М.: Изд-во «Мысль», 2010а, Т. 3. – С.529–532.
- Бочаров В.А. Пифагореизм, платонизм, математика и логика // Вестник Московского университета. Сер.7. Философия. 2010б, № 3. – С.84–94.
- Емельянов Б.В. (составитель). «Железный век» русской мысли. Памяти репрессированных. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. – 96 с.

References

- Antonov V.I. *Filosofy XX veka: Aleksej Bogomolov, Igor' Narskij, Lev Nikolaev* [Philosophers of the 20th century: Alexey Bogomolov, Igor Narsky, Lev Nikolaev] // *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of Moscow University]. Ser. 7. Philosophy. 2012, No. 1. – pp.100–119.
- Antonov V.I. *Ya slushal velikogo Asmusa...* [I listened to the great Asmus...] // *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of Moscow University]. Ser. 7. Philosophy. 2010, No. 2. – pp.108–116.
- Antonov V.I. *Slavnyj predstavitel' logicheskoy shkoly MGU* [A glorious representative of the logical school of Moscow State University] // *Ezhenedel'nik «Moskovskij universitet»* [Moscow University Weekly]. 2007, November, No. 36 (4227). – p.3.
- Asmus V.F. *Glava II. Ponyatie. Glavy XIV, XV. Dokazatel'stvo. Oshibki v dokazatel'stvah* [Chapter II. The concept. Chapters XIV, XV. Proof. Errors in proofs] // *Logika* [Logic]. M.: Gospolitizdat, 1956. – pp. 28–53, 227–265.
- Bocharov V.A. *Sillogistika* [Syllogistics] // *Novaya filosofskaya enciklopediya v 4-h tomah* [New philosophical encyclopedia in 4 volumes]. M.: Publishing house «Mysl». 2010a, Vol. 3. – pp. 529–532.
- Bocharov V.A. *Pifagoreizm, platonizm, matematika i logika* [Pythagoreanism, Platonism, mathematics and logic] // *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of Moscow University]. Ser.7. Philosophy. 2010b, No. 3. – pp.84–94.
- Emelyanov B.V. (compiler). *«Zheleznyj vek» russkoj mysli. Pamyati repressirovannyh* [The «Iron Age» of Russian thought. In memory of the repressed]. Ekaterinburg: Ural Publishing House. University, 2004. – 96 p.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

К ЮБИЛЕЮ ПРОФЕССОРА В.И. АНТОНОВА

Владимир Иосифович Антонов

Владимиру Иосифовичу Антонову, нашему постоянному автору, 18 июля 2025 г. исполнилось 75 лет. Дата высокая, требующая уважения, подведения некоторых итогов и размышлений.

За годы своей жизни он преуспел во многом. Окончил в 1974 г. Московский университет (философский факультет), некоторое время работал в государственных учреждениях, был Советником Президента Республики Бурятия. При этом Владимир Иосифович не оставлял науку, защитил кандидатскую (1980) и докторскую (1992) диссертации, стал известным специалистом в теории символов и их роли в познании и социально-практическом процессе. Особое внимание в его работах уделяется роли символов в межкультурной коммуникации и особенностям символизации и языка этого процесса в буддизме, в ее коммуникационных процессах. Им подготовлены и изданы работы в Москве, Улан-Удэ и издательствах многих регионов России. Среди них монографии «Символика в познавательном и идеологическом процессе» (Улан-Удэ, 1991), «Символ, наука, культура» (М., 1995), «Символизация как социокультурная и познавательно-практическая проблема» (М., 1992) и множество ста-

тей в различных журналах и сборниках. По этой чрезвычайно важной тематике им опубликовано свыше 200 работ. В них, по оценке экспертов, представлен фундаментальный анализ сущности и процесса символизации в науке, культуре и социальных процессах. Его труды широко известны не только в научной среде. Они важны для понимания сложностей современных коммуникационных процессов в межличностном, культурном и социальных аспектах.

Важным вкладом В.И. Антонова является реализация его идей в персонологических исследованиях, в которых представлены портреты зарубежных и российских ученых, политиков, деятелей культуры. В них показано, как символические ценности и представления влияют на их самосознание и определяют деятельность творческих людей. Этот подход существенно расширяет и углубляет понимание и оценку творчества значимых личностей. В этом плане весьма значимы его работы «Имена в мировой политике: мозаика портретов и образов» (часть I, II) (Улан-Удэ, 2009, 2010); «Политические лидеры Бурятии как знаково-именные фигуры. Вторая половина XX столетия» (Улан-Удэ, 2012 и т.д.). В этих и других его публикациях представлены полные портреты известных личностей мировой и региональной политики и других видов деятельности.

Кроме сказанного, Владимир Иосифович является известным историографом философского факультета МГУ, где он учился. Им созданы около 40 образов его учителей, написанных на основе реализации идей семиотической методик. Они обладают глубокой содержательностью, раскрытием жизненных ценностей тех, о ком говорится. Это редкий случай в нашей современной жизни и культуре. Он в этих публикациях фактически собрал «индивидуальную» историю философского факультета МГУ. Его методология реализуется и в жизненных биографиях ученых и других творческих деятелей его малой родины – Бурятии. В.И. Антонов сегодня один из активнейших охранителей прошлого, настоящего и будущего. Сейчас трудно назвать, кто бы мог стоять рядом с ним.

Все годы весьма плодотворна его преподавательская деятельность. С 1995 по 2002 г. он заведовал кафедрой истории и теории культуры в Бурятском госуниверситете, по настоящий момент состоит профессором в Восточно-Сибирском государственном университете технологий и управления (ВСГУТУ). Им подготовлено 12 кандидатов наук, он был консультантом докторантов и стажеров по теории и практике символизации в системе буддизма и буддистской культуры, специалистов из Европы и других регионов.

Творчество и созидательная деятельность В.И. Антонова в сфере подготовки кадров высоко оценена. Он имеет звание «Заслуженный деятель науки РФ» и Республики Бурятия, награжден медалью Ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени и другими республиканскими (Бурятия) правительственными и общественными знаками отличия, включая писательскую за сборник рассказов «Мечты, погребенные в атомном пепле» (Улан-Удэ, 2015).

Редакционная коллегия журнала сердечно поздравляет юбиляра и желает ему здоровья, любви и творчества.

ПЕРВЫЕ ШАГИ В НАУКЕ

УДК 930.85

Е.А. Журавлева
Санкт-Петербург

КОММЕМОРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ КАК ИНСТРУМЕНТ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ДЕЯТЕЛЯХ РОССИЙСКОЙ НАУКИ, ЗАХОРОНЕННЫХ НА НИКОЛЬСКОМ КЛАДБИЩЕ АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОЙ ЛАВРЫ

Цитирование: Журавлева Е.А. Коммеморативные практики как инструмент сохранения исторической памяти о деятелях российской науки, захороненных на Никольском кладбище Александро-Невской лавры // Наследие. 2025, № 1 (26). – С.117–127.

DOI: <https://doi.org/10.31119/hrtg.2025.1.7>

Citation: Zhuravleva E.A. *Kommemorativnye praktiki kak instrument sohraneniya istoricheskoy pamyati o deyatelyah rossijskoj nauki, zahoronennyh na Nikol'skom kladbishche Aleksandro-Nevskoj lavry* [Commemorative practices as a tool for preserving the historical memory of figures of Russian science buried at the Nikolskoe Cemetery of the Alexander Nevsky Lavra] // *Nasledie* [Heritage]. 2025, No. 1 (26). – Pp.117–127.

DOI: <https://doi.org/10.31119/hrtg.2025.1.7>

Статья посвящена исследованию коммеморативных практик как инструмента сохранения исторических захоронений деятелей российской науки на

Никольском кладбище Александро-Невской лавры. Опираясь на теоретические концепции социологии памяти, показана роль коммеморативных практик в формировании коллективной исторической памяти и поддержании культурного наследия. На примере могил Льва Гумилева и Максима Ковалевского анализируются проблемы и трансформации коммеморации. Делается вывод о необходимости комплексного подхода и координации усилий для сохранения исторических захоронений как важных элементов национальной культурной идентичности.

Ключевые слова: коммеморативные практики, некрополь, Александро-Невская лавра, политика памяти, Максим Ковалевский, Лев Гумилев.

Zhuravleva E.A. Commemorative practices as a tool for preserving the historical memory of figures of Russian science buried at the Nikolskoe Cemetery of the Alexander Nevsky Lavra

The article examines commemorative practices as a tool for preserving the historical graves of Russian scientists at the Nikolskoe Cemetery of the Alexander Nevsky Lavra. It demonstrates how these practices, based on theoretical concepts from the sociology of memory, contribute to the formation of collective historical memory and the maintenance of cultural heritage. Using the graves of Lev Gumilev and Maxim Kovalevsky as examples, the study analyzes the challenges and transformations of commemoration. The conclusion emphasizes the need for an integrated approach and coordinated efforts to preserve historical burials as key elements of cultural identity.

Keywords: commemorative practices, cemetery, Alexander Nevsky Lavra, memory politics, Maxim Kovalevsky, Lev Gumilev.

Никольское кладбище Александро-Невской лавры – исторический некрополь, который занимает важное место среди мест памяти не только в Санкт-Петербурге, но и в России. Это связано с тем, что здесь покоятся выдающиеся ученые, академики и деятели науки, чьи имена неразрывно связаны с развитием российской и мировой научной мысли. Их захоронения представляют собой не только материальные памятники, но и символические точки притяжения исторической памяти, формирующие культурный ландшафт города. Однако, несмотря на свою значимость, многие могилы остаются малоизученными, а память о погребенных здесь ученых постепенно стирается из общественного сознания. В условиях растущего интереса к вопросам исторического наследия и коммеморации возникает необходимость в разработке методов сохранения и актуализации таких памятных мест. Особую актуальность эта проблема приобретает в контексте современных дискуссий о роли науки в национальной идентичности и механизмах передачи культурной памяти.

Опираясь на теоретические концепции социологии памяти, коммеморации и культурного наследия, можно рассмотреть коммеморативные практики как ключевой инструмент сохранения и актуализации исторической памяти о деятелях российской науки, захороненных на Никольском кладбище Александро-Невской лавры.

Коммеморация, или коммеморативная практика, – это социальная практика, включающая в себя совокупность действий и ритуалов, направленных на фиксирование, сохранение и передачу памяти о значимых событиях и личностях. Она играет важную роль в формировании и поддержании коллективной памяти общества.

К функциям коммеморации можно отнести передачу знаний о прошлом от поколения к поколению, формирование ощущения принадлежности к определенной группе, укрепление солидарности и единства членов общества. Через участие в коммеморативных мероприятиях люди ощущают свою связь с прошлым и осознают себя частью определенной исторической традиции.

В контексте данной темы релевантно рассмотреть труд французского социолога и философа Мориса Хальбвакса «Социальные рамки памяти» [Хальбвакс, 2007], изданный в 1925 г. Одна из основных его идей заключается в том, что индивидуальная память не может функционировать отдельно от коллективной, это касается и социальных групп, и отдельно взятых индивидов. По мнению М. Хальбвакса, человек, никогда не принадлежавший ни к какой группе, не может иметь воспоминаний. Несмотря на то, что научная работа М. Хальбвакса была прервана Второй мировой войной (он умер 16 марта 1945 г. в Бухенвальде – нацистском концентрационном лагере), исследования этого социолога заложили основу развития уже в начале XXI в. научного осмысления коллективной памяти в рамках различных дисциплин: от истории до психологии.

Психология и медицина фокусируются на механизмах индивидуальной памяти, ее нарушениях и возможностях восстановления, в то время как социальные науки интересуются тем, как индивидуальные воспоминания формируются под влиянием общества, как они используются для конструирования идентичности, поддержания социальной сплоченности или, наоборот, разжигания конфликтов. Изучение памяти позволяет социальным наукам анализировать процессы формирования группового сознания, передачи опыта между поколениями и интерпретации прошлого в настоящем.

Морис Хальбвакс ввел понятие «рамок», что отражено в названии книги. Он трактует рамки в контексте памяти как совокупность ориентиров, некий набор базовых воспоминаний и событий в обществе, на который потом накладываются воспоминания индивидов. Компонентами рамок являются язык, символы, нормы и ценности, социальные практики, социальные институты, инфраструктура. Они призваны упорядочивать, поддерживать и создавать воспоминания отдельно взятых людей. Опираясь на выводы Хальбвакса, можно утверждать, что коммеморация является типичным примером «рамки», т. к. это не просто индивидуальное воспоминание или ритуал, а коллективный процесс, в ходе которого воспоминания «встраиваются» в социальные рамки памяти, формируя коллективную картину прошлого, историческую память, разделяемую определенной группой или обществом в целом. Хальбвакс справедливо полагает, что к числу элементов социальных рамок памяти относятся инфраструктура и пространство, т. е. места памяти. Зачастую места памяти одновременно являются объектами культурного наследия по причине их связи с формированием, сохранением и передачей исторической памяти и культурной идентичности.

Никольское кладбище Александро-Невской лавры, являясь местом захоронения выдающихся деятелей российской культуры и науки, может считаться примером исторического места памяти и объектом культурного наследия. Оно является не только историко-архитектурным и ландшафтным памятником прошлого и местом символической памяти о предыдущих поколениях, их вкладе в развитие науки

и общества, но и действующим кладбищем, местом скорби. Таким образом, оно выступает местом памяти, где прошлое и настоящее соединяются судьбами поколений.

Социология, опираясь на теоретические концепции коллективной памяти и коммеморации, расширяет этот анализ, исследуя, как захоронения становятся инструментами формирования групповой идентичности, символами профессиональной солидарности или объектами политики памяти. Например, могила М.М. Ковалевского не просто артефакт некрополистики, но и место, где через лекции и возложение цветов конструируется преемственность поколений социологов. Таким образом, синтез методов некрополистики (документирование материальных объектов) и социологии (анализ социальных практик и значений) позволяет глубже понять механизмы сохранения исторической памяти и ее роль в современных профессиональных и культурных процессах.

Впервые история Никольского кладбища Александро-Невской лавры была описана А.В. Кобаком и Ю.М. Пирютко в книге «Исторические кладбища Санкт-Петербурга» [Кобак, Пирютко, 2009]. *«К востоку от ограды каменного монастырского строения на правом берегу Монастырки находится Никольское кладбище. Основанное на полтора века позже Лазаревского кладбища и входящее составной частью в некрополь Александро-Невской лавры, оно не является музеем-заповедником. Территория между монастырским корпусом и берегом Невы со временем претерпела изменения. Сейчас это обширная эспланада с путепроводом у въезда на мост Александра Невского. Идущая вдоль проспекта Обуховской обороны колумбарная стенка, облицованная доломитом, обозначает границу Никольского кладбища, воспринимающегося со стороны Невы как небольшая роща, за деревьями которой высятся стены и башни Александро-Невской лавры»* [Кобак, Пирютко, 2009, с. 247]. Ансамбль Александро-Невской лавры начали строить в 1710 г. по указу Петра I на месте, где русские войска одержали победу над шведами во время Невской битвы. Первое упоминание о захоронении на кладбище, расположенном к востоку от монастыря Александро-Невской лавры, датируется сентябрем 1863 г. Первое время кладбище именовалось Засоборным, что указывало его местоположение относительно монастыря. В 1877 г. кладбище получило название Никольского в честь церкви св. Николая Мирликийского, построенной в 1868–1871 гг. на территории некрополя по проекту Г.И. Карпова*. Никольское кладбище входит в тройку некрополей Александро-Невской Лавры.

В 1904–1910 гг. к ограде Никольского кладбища пристроили здание, в котором разместились библиотека и древлехранилище, ставшие основой музея, действовавшего вплоть до периода Русской революции 1917 г. В послереволюционные годы Никольское кладбище, как и другие исторические кладбища Ленинграда, сильно пострадало. В 1927 г. было принято решение о его закрытии, потому что оно, по мнению экспертов, не представляло особой ценности и культурного значения, как, например, Лазаревское кладбище Александро-Невской лавры. В 1930-е гг. с него

* Карпов Григорий Иванович (1824–1900) – российский архитектор, епархиальный архитектор Санкт-Петербурга, по проектам которого были построены и реконструированы храмы, доходные дома, множество зданий производственного назначения. Похоронен в Федоровской церкви Александро-Невской лавры, но его могила не сохранилась.

начали перенос исторически значимых захоронений в соседние некрополи. Были перенесены могилы Д.Н. Мамина-Сибиряка, И.А. Гончарова, В.Ф. Комиссаржевской, А.Г. Рубинштейна и некоторых других.

Поскольку контроль государства и церкви за Никольским кладбищем значительно ослаб, в 1920–1930 гг. оно подвергалось грабежам мародеров и преступников, гробокопательству, в семейных склепах беспризорники устраивали ночлежки. С конца 1920-х гг. началось уничтожение памятников с целью получения ценного полированного камня. Никольскую церковь закрыли, попытавшись превратить ее в крематорий, но эксперимент не удался, и церковь стали использовать в качестве помещения для складов и мастерских.

Лишь в 1970-е гг. власть обратила внимание на состояние Никольского кладбища и был разработан проект реконструкции некрополя. В 1979–1980 гг. со стороны проспекта Обуховской обороны установили стену с колумбарием, тем самым закрепив границу кладбища. В мае 1985 г. был проведен капитальный ремонт церкви св. Николая Мирликийского, ее повторно освятили. В 1989 г. Ленинградское отделение Советского фонда культуры начало комплексную реставрацию памятников. На данный момент Никольское кладбище находится в действующем состоянии. У него нет статуса музея, как у некоторых других старинных погостов. В наши дни на Никольском кладбище была организована площадка для захоронений кавалеров ордена Александра Невского. На 2004 г. на нем было погребено 1 470 человек [Соколова, 2005].

В свое время Никольское кладбище было одним из наиболее дорогих и престижных некрополей Санкт-Петербурга. Надгробия часто украшались бюстами известных мастеров, таких как Р. Бах*, Н. Лаврецкий**, И. Подозёров***. Время формирования Никольского кладбища характеризуется расцветом историзма и популярности мотивов древнерусского зодчества в архитектуре. По всему некрополю расположены семейные места захоронений, часовни-склепы, кресты, памятники и скульптуры. Кладбище разделяет пруд, вырытый на месте канала р. Монастырки. Сейчас очень много могил находится в неухоженном состоянии, однако среди массы разрушенных захоронений выделяются памятники значимых российских деятелей, за которыми до сих пор ухаживают и следят.

К числу исторических захоронений на Никольском кладбище относятся могилы таких деятелей, как: Бутаков Г.И. (морской офицер, адмирал), Бычков А.Ф. (археолог), Гумилёв Л.Н. (историк, антрополог), Григорович И.К. (морской офицер, адмирал), Ковалевский М.М. (социолог), Кокшаров Н.И. (первый русский минеролог), Коржинский С.И. (ботаник), Кони Ф.А. (драматург), Малофеев М.Ю. (военный), Собчак А.А. (политик, первый мэр Санкт-Петербурга), Старовойтова Г.В. (политик), Уточкин С.И. (авиатор и летчик-испытатель), Чиколев В.Н. (электротехник), Шиллинг А.Д. (архитектор), Шубинский С.Н. (историк), Эмская М.А. (оперная актриса), Этин Н.С. (гидролог).

* Бах Роберт Романович (1859–1933) – русский скульптор, представитель петербургского академизма последних дореволюционных десятилетий, мастер станковой пластики.

** Лаврецкий Николай Акимович (1837–1907) – русский скульптор, представитель петербургского академизма пореформенной эпохи.

*** Подозёров Иван Иванович (1835–1899) – русский скульптор, представитель петербургского академизма пореформенной эпохи.

В качестве показательного примера того, как коммеморативные практики влияют на сохранение исторических захоронений, рассмотрим могилы нескольких общественно важных деятелей.

Лев Николаевич Гумилёв (1912–1992) – известный советский и российский историк-этнолог, востоковед, географ, мыслитель, разработавшим теорию этногенеза, объясняющую возникновение, развитие и угасание этнических групп. Он скончался 15 июня 1992 г. и был похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры. В сентябре 2004 г. рядом с его могилой была погребена урна с прахом его жены Натальи Викторовны Гумилёвой. Над ее могилой была размещена простая бетонная табличка, а вместо гранитных плит был рассыпан гравий.

С момента похорон Л.Н. Гумилёва в 1992 г. могила претерпела несколько изменений.

Первоначальный памятник выбирала Наталья Гумилёва, она хотела, чтобы это был скромный, тяжелый и торжественный крест из серого карельского пудожского гранита, что отсылало к древним псковским крестам. Для воплощения своей задумки она обратилась к ленинградскому скульптору Александру Игнатьеву, который до этого занимался барельефом Анны Ахматовой, матери Льва Гумилёва.

В 2008 г. представители Татарстана выступили спонсорами реставрации надгробия: могильную плиту Натальи Гумилёвой заменили на крест, место захоронения обнесли большим ограждением.

Могила Льва Николаевича Гумилёва в 1992 г.
[Фотографии...]

Могила Льва и Натальи Гумилёвых в 2004 г. [Лев...]

Отреставрированная могила Льва и Натальи Гумилёвых
в 2008 г. [Фотографии...]

В 2011 г. оказалось, что надгробие находится в плохом состоянии, крест покосился и покрылся трещинами, в связи с чем представители Татарстана начали реставрацию надгробия. Заменяли кресты, плиты, укрепили фундамент, однако первоначальный замысел был потерян, в связи с чем начались общественные споры [Реставраторы...]. Новое надгробие было сделано из гранита, изменился размер креста, могила вписалась в общую картину ставшего «элитным» Никольского кладбища. Завершил скульптурный ансамбль металлический навес над надгробиями. С 2011 г. внешний вид могилы не менялся, и к настоящему времени место захоронения Гумилёвых находится в хорошем состоянии.

Могила Льва и Натальи Гумилёвых в 2011 г.
[Фотографии...]

За могилой Гумилёва следят, здесь осуществляют коммеморативные практики, например возложение цветов или проведение панихиды; представители власти и общественные активисты посещают могилу Льва Гумилёва в памятные даты [Память...; Я, русский человек...]. Особенно масштабно отмечалось столетие со дня рождения великого русского ученого XX в. В октябре 2022 г. в Санкт-Петербурге прошел целый цикл памятных мероприятий, посвященных Л.Н. Гумилёву. 1 октября состоялась Международная научная конференция «Наследие Л.Н. Гумилёва в современном научном дискурсе» в Российском государственном педагогическом университете им. А.И. Герцена. По этому случаю 3 октября на Никольском кладбище Александро-Невской лавры была отслужена торжественная панихида с участием представителей Русской православной церкви, ученых и студентов.

Максим Максимович Ковалевский – русский ученый, историк, юрист, социолог эволюционистского направления, член I Государственной думы и Государственного совета. Он умер в Петрограде 23 марта (5 апреля) 1916 г. и был похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры; в похоронах принимало участие до 100 тыс. человек. Могила М.М. Ковалевского была украшена растениями, оплетающими камень, бюстом Ковалевского, надгробие было выполнено в виде стелы рваного камня из розового гранита, с цветником и поребриком.

За сто лет надгробный камень претерпел изменения: сменилось оформление таблички с годами жизни Ковалевского, бюст был подвержен акту вандализма и исчез, исчез крест, цветы, украшавшие могилу, остались только на земле. Спустя годы, уже в XXI в., после возрождения социологического об-

Могила М.М. Ковалевского. 1916 г.
[Могила Максима Ковалевского]

Могила М.М. Ковалевского в 2013 г.
[Могила академика...]

живляет физическое состояние захоронения, но и символизирует преемственность поколений в научном сообществе. Могила была признана объектом культурного наследия федерального значения, что подчеркивает ее историческую и научную ценность. В 2004 г. на надгробии восстановили крест и обновили табличку с годами жизни ученого, что стало важным шагом в сохранении памяти о нем.

Еще одной значимой коммеморативной практикой является проведение открытых лекций для студентов-первокурсников факультета социологии у могилы Ковалевского. Эти лекции, которые традиционно читают профессор А.О. Бороноев и доцент М.В. Ломоносова, знакомят молодых социологов с наследием ученого и подчеркивают его роль в становлении российской академической социологии. Такие мероприятия не только углубляют профессиональные знания студентов, но и формируют у них чувство принадлежности к научному сообществу, для которого память о классиках является важной частью идентичности. Кроме того, могила Ковалевского является местом проведения памятных мероприятий, приуроченных к значимым датам, таким как День социолога (14 ноября) или годовщины со дня рождения и смер-

разования в России и благодаря личной инициативе почетного профессора Санкт-Петербургского государственного университета Асалхана Ользоновича Бороноева, поддержке российского социологического сообщества заброшенная могила М.М. Ковалевского была восстановлена, а в 2006 г. была установлена мемориальная доска на доме (Санкт-Петербург, ул. Моховая, д. 22), где жил социолог ушедшей эпохи [Ломоносова, Васильева, Козловский, Агеева, 2019]. Могилу Ковалевского внесли в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации [Постановление Правительства..., 2001].

Особое значение в сохранении памяти о М.М. Ковалевском имеет систематический уход за его могилой, который осуществляется факультетом социологии СПбГУ. Эта коммеморативная практика не только поддер-

Посещение могилы М.М. Ковалевского
студентами СПбГУ 2023 г.
Фотография из личного архива автора

ти ученого. Эти события объединяют студентов, преподавателей и исследователей, создавая живую связь между прошлым и настоящим отечественной социологии.

Таким образом, могила М.М. Ковалевского служит не только местом упокоения выдающегося ученого, но и важным символом для профессионального сообщества, а коммеморативные практики, связанные с ней, играют ключевую роль в процессе профессиональной социализации будущих социологов.

Существуют примеры разрушенных или плохо ухоженных захоронений. На Никольском кладбище есть могилы, которые тяжело идентифицировать, а есть просто запущенные. Захоронение Ивана Ильича Вавилова (1863–1928) на Никольском кладбище находится в следующем состоянии: памятник скрыт зарослями травы, надгробие стирается, отсутствует системный уход. Примечательно, что Вавилов был не только успешным предпринимателем и гласным Московской думы, но и отцом выдающихся ученых Николая (генетика) и Сергея (физика) Вавиловых. Это типичный пример выборочной коммеморации, когда память сохраняется лишь при активном участии потомков или институций. Для исправления ситуации необходимо провести расчистку территории, восстановить памятный знак и включить могилу в экскурсионные маршруты, подчеркивая ее связь с историей русской науки. Забвение таких захоронений ведет к утрате важных элементов культурного ландшафта некрополя.

Исследование коммеморативных практик как инструмента сохранения исторической памяти о деятелях российской науки на Никольском кладбище Александро-Невской лавры позволило выявить ключевые формы и механизмы поддержания мемориальной преемственности. На основе анализа конкретных захоронений (Л.Н. Гумилёва, М.М. Ковалевского) были выделены следующие значимые практики:

1. Институциональные инициативы – систематический уход за могилами со стороны научных и образовательных учреждений (например, факультета социологии СПбГУ за могилой Ковалевского), включение захоронений в реестры объектов культурного наследия. Эти меры обеспечивают не только физическую сохранность памятников, но и их символическое признание.

2. Ритуально-церемониальные практики – проведение панихид, возложение цветов, памятные лекции у могил (как у Ковалевского), юбилейные мероприятия (как 100-летие Гумилёва). Такие действия актуализируют память об ученых, связывая прошлое с настоящим через эмоциональное и интеллектуальное участие сообщества.

3. Реставрация и благоустройство – обновление надгробий (даже с риском утраты аутентичности, как в случае Гумилёва), установка мемориальных досок, расчистка территорий. Эти практики демонстрируют, что материальные изменения могут как сохранять, так и трансформировать исторический нарратив.

4. Общественно-частные инициативы – спонсорская поддержка (например, реставрация могилы Гумилёва представителями Татарстана), деятельность родственников или энтузиастов. Подобные примеры подчеркивают роль негосударственных акторов в коммеморации.

5. Образовательно-просветительские проекты – экскурсии, публикации, создание онлайн-контента, интеграция могил в маршруты культурного туризма. Эти практики расширяют аудиторию, вовлекая новые поколения в процесс сохранения памяти.

Проблемы, такие как неравномерное распределение ресурсов, риск вандализма или утраты аутентичности, указывают на необходимость системного подхода. Однако именно разнообразие коммеморативных практик – от государственных программ до локальных инициатив – позволяет гибко поддерживать память о научном наследии. Эффективное сохранение исторических захоронений требует сочетания материальных (реставрация, уход), символических (ритуалы, образование) и координационных механизмов (взаимодействие между институтами, семьей и обществом).

Таким образом, коммеморативные практики выступают не просто инструментом сохранения прошлого, но и динамичным процессом, формирующим живую связь между историей науки и современной культурной идентичностью.

Литература

- Кобак А.В., Пирютко Ю.М. Исторические кладбища Санкт-Петербурга. М.: Центрполиграф, 2009. – 797 с.
- Лев Николаевич Гумилёв [https://vk.com/wall-84337_5006]
- Ломоносова М.В., Васильева Д.И., Козловский Н.В., Агеева А.И. Похороны Максима Максимовича Ковалевского. Некрологи и посмертные сообщения в периодической печати как источник информации в историко-социологических исследованиях // *Наследие*. 2019, № 2(15). – С.146–163.
- Могила академика Максима Максимовича Ковалевского на Никольском кладбище Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге [https://xn--h1ajim.xn--p1ai/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:Maksim_Kovalevsky_grave.JPG].
- Могила Максима Ковалевского // Архивы Санкт-Петербурга [<https://spbarchives.ru/infres/-/archive/egakffd/A-1-photo/1G-19/14640>].
- Память великого русского ученого Льва Гумилева молитвенно почтили в Санкт-Петербурге в столетие со дня его рождения [<https://mitropolia.spb.ru/news/av/?id=24553>].
- Постановление Правительства Российской Федерации «О перечне объектов исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения, находящихся в г. Санкт-Петербурге» № 527 от 10.07.2001.
- Реставраторы испортили надгробие Льва Гумилева [<https://gorod-812.ru/restavratyori-i-isportili-nadgrobie-lva-gumileva/?ysclid=m8vzj3bskn722531606>].
- Соколова Л. Когда горит свеча. Никольское кладбище Александро-Невской Лавры. Вып. 2. СПб., 2005. – 224 с.
- Фотографии памятных мест, связанных с Л.Н. Гумилёвым [<http://www.kulichki.net/~gumilev/fund/fund11.htm>].
- Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.
- «Я, русский человек, всю жизнь защищаю татар от клеветы...». В Санкт-Петербурге почтили память Льва Гумилева [<https://piter.tatar/2021/10/02/ya-russkij-chelovek-vsyu-zhizn-zashhishhayu-tatar-ot-klevety-v-sankt-peterburge-pochtili-pamyat-lva-gumileva/>]

References

- Kobak A.V., Piryutko Yu.M. *Istoricheskie kladbishcha Sankt-Peterburga* [Historical Cemeteries of St. Petersburg]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2009. – 797 p.
- Lev Nikolaevich Gumilyov [Lev Nikolaevich Gumilev] [https://vk.com/wall-84337_5006]
- Lomonosova M.V., Vasilyeva D.I., Kozlovskiy N.V., Ageeva A.I. *Pohorony Maksima Maksimovicha Kovalevskogo. Nekrologi i posmertnye soobshcheniya v periodicheskoy pechati kak istochnik informacii v istoriko-sociologicheskikh issledovaniyah* [The funeral of Maksim Maksimovich Kovalevsky. Obituaries and posthumous publications in the periodical press as a source of information in historical and sociological research] *Nasledie* [Heritage] 2019, No. 2 (15). – pp. 146–163.

- Mogila akademika Maksima Maksimovicha Kovalevskogo na Nikol'skom kladbishche Aleksandro-Nevskoi lavry v Sankt-Peterburge* [The grave of Academician Maksim Maksimovich Kovalevsky at Nikolskoe Cemetery of the Alexander Nevsky Lavra in St. Petersburg] [https://xn--h1ajim.xn--p1ai/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:Maksim_Kovalevsky_grave.JPG].
- Mogila Maksima Kovalevskogo* [The grave of Maksim Kovalevsky]. Arkhivy Sankt-Peterburga [St. Petersburg Archives] [<https://spbarchives.ru/infres/-/archive/cgakffd/A-1-photo/1G-19/14640>].
- Pamyat' velikogo russkogo uchenogo L'va Gumileva molitvenno pochtily v Sankt-Peterburge v stoletie so dnya ego rozhdeniya* [The memory of the great Russian scientist Lev Gumilev was prayerfully honored in St. Petersburg on the centenary of his birth] [<https://mitropolia.spb.ru/news/av/?id=24553>].
- Postanovlenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii «Operechne ob»ektov istoricheskogo i kul'turnogo naslediya federal'nogo (obshcherossiiskogo) znacheniya, nakhodyashchikhsya v g. Sankt-Peterburge» № 527 ot 10.07.2001* [Decree of the Government of the Russian Federation No. 527 dated 10.07.2001 «On the List of Objects of Historical and Cultural Heritage of Federal (All-Russian) Significance Located in St. Petersburg»].
- Restavratory isportili nadgrobie L'va Gumileva* [Restorers ruined Lev Gumilev's Tombstone] [<https://gorod-812.ru/restavratoryi-isportili-nadgrobie-lva-gumileva/?ysclid=m8vj3bskn722531606>].
- Sokolova L. *Kogda gorit svecha. Nikol'skoe kladbishche Aleksandro-Nevskoi Lavry* [When the Candle Burns: Nikolskoe Cemetery of the Alexander Nevsky Lavra]. St. Petersburg, 2005. 224 p.
- Fotografii pamyatnykh mest, svyazannykh s L.N. Gumilevym* [Photos of Memorial Sites Associated with L.N. Gumilev] [<http://www.kulichki.net/~gumilev/fund/fund11.htm>].
- Halbwachs M. *Sotsial'nye ramki pamyati* [The Social Frameworks of Memory]. Translated from French with an introduction by S.N. Zenkin. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2007. – 348 p.
- «Ya, russkij chelovek, vsyu zhizn' zashchishchayu tatar ot klevety...». *V Sankt-Peterburge pochtily pamyat' L'va Gumileva* [«I, a Russian man, have spent my life defending Tatars from slander all my life...» Lev Gumilev's memory was honored in St. Petersburg] [<https://piter.tatar/2021/10/02/ya-russkij-chelovek-vsyu-zhizn-zashhishhayu-tatar-ot-klevety-v-sankt-peterburge-pochtili-pamyat-lva-gumileva/>].
-

ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ

Читателям предлагается фрагмент полемики известного американского ученого Крейна Бринтона и Питирима Сорокина, касающейся содержания и методологии труда П. Сорокина «Социальная и культурная динамика». К 1938 г., когда вышла статья Бринтона, было опубликовано три из четырех томов «Социальной и культурной динамики». Книги были неоднозначно встречены американским научным сообществом. Целый ряд ученых были восхищены громадностью проделанной Сорокиным работы и широтой сделанных им выводов. Другая часть, наоборот, не оценила труд ученого. Одна из статей-рецензий, посвященных сорокинскому фундаментальному труду, – работа Крейна Бринтона.

Крейн Бринтон – известный американский историк, профессор Гарвардского университета. Он один из тех ученых, которые подвергли критике «Социальную и культурную динамику» П.А. Сорокина. Осенью 1938 г. Бринтон в «Южном обозрении» опубликовал свою статью-рецензию на три изданных тома Сорокина, красноречиво назвав свою работу «Социо-астрология». В ответ на бринтоновскую критику в этом же «Южном обозрении» (в зимнем номере 1938 г.). Сорокин опубликовал свою статью, назвав ее «Историоника».

Читателю, несомненно, будет интересно окунуться в атмосферу спора ученых, оценить язвительный стиль и часто некорректные высказывания Бринтона, а также сдержанный ответ Сорокина. Аргументы, приводимые сторонами, помогают лучше понять суть разногласий и проникнуться глубиной научных изысканий П.А. Сорокина.

Крейн Бринтон

СОЦИО-АСТРОЛОГИЯ*

«Наследие»
№ 1 (26) (2025)

Цитирование: Бринтон К. Социо-астрология // Наследие. 2025, № 1(26). – С.129–147.

DOI: <https://doi.org/10.31119/hrtg.2025.1.8>

Citation: Brinton C. *Socio-astrologiya* [Socio-astrology] // *Nasledie* [Heritage]. 2025, No. 1 (26). – Pp.129–147.

DOI: <https://doi.org/10.31119/hrtg.2025.1.8>

Человеку так часто давали определения, что нет ничего плохого в том, чтобы добавить еще одно и назвать его животным, которое изобрело будущее. Белки, бурундуки и другие животные, которые создают запасы, похоже, движимы каким-то смутным осознанием будущего, но более благородные четвероногие просто живут настоящим. Человек, однако, никогда не воспринимал совет поэта всерьез, и *carpe diem*^{1*} остается одним из самых невостребованных афоризмов. Действительно, есть разные способы беспокоиться о будущем. Фермер, биржевой маклер и игрок в кости – все они хотят знать, что их ждет впереди. Но есть и такие люди, которые обеспокоены будущим настолько далеким, что они никогда не смогут надеяться, во всяком случае как смертные, узнать, насколько правильно они предсказали конечный результат. Их жажду абсолютного предвидения невозможно утолить никакими ничтожными догадками о завтрашнем дне. Они будут правы относительно столетия или тысячелетия. И есть те, для кого будущее должно определяться периодами астрономического масштаба, кто с тревогой подсчитывает миллиарды лет до того времени, когда земля замерзнет и станет непригодной для жизни.

Эта озабоченность, безусловно, часто носит по-настоящему безличный, философский, теологический характер. В любом случае, вероятно, разумно принять это как данность, присущую человеческим существам. Здесь, как это часто бывает, утилитарное объяснение для истинно верующего человека является всего лишь словесным ответом. Несомненно, пророк далекого будущего чувствует, что он в своей правоте слился с космическим процессом, нашел ключ к прошлому, настоящему и будущему; по крайней мере, устроил себя комфортно во Вселенной. Его вера приносит ему некоторую пользу, даже если он никогда не сможет проверить ее экспериментально; но таковы же и все метафизические и теологические верования, суть которых в том, что они ставят себя выше эксперимента. Господин Г.Дж. Уэллс так же прав, как и Исайя.

Однако господин Уэллс много говорил о «науке» – слово, которое составители Библии короля Якова в Книге пророка Исайи не нашли. Конечно, верно, что люди, которых мы обычно называем учеными, сделали много предсказаний. Астрономы,

* Перевод выполнен по изданию: Brinton C. Socio-astrology // The Southern Review 3.2 (Fall 1937). – pp. 243–266. Перевод Н.С. Сергеевой и Р.В. Смита.

в частности, сделали ряд точных и долгосрочных прогнозов, и до сих пор кометы и затмения вели себя у них превосходно. Некоторый элемент предсказания подразумевается во всех научных попытках установить законы или единообразие. Однако от астрономов через физиков и химиков к биологам и физическим антропологам прослеживается нисходящая шкала не только по точности их предсказаний, но и по их временному диапазону. Ни один авторитетный физический антрополог не осмелился бы предсказать средний рост или процент блондинов среди американцев через пятьсот или даже сто лет. Возможно, в моменты своей журналистской деятельности он рискнет высказать предположение, но не будет питать никаких иллюзий относительно его научной точности. Должно быть ясно, что в социальных науках – политике, экономике, социологии – возможности точного долгосрочного прогнозирования действительно весьма незначительны.

Однако именно в этих областях человеческие существа больше всего стремятся заглянуть в будущее, и мы были бы крайне суровы, если бы обвинили социолога в попытке удовлетворить столь всеобщее – по крайней мере, в наши дни – любопытство. Однако мы имеем полное право отнести их усилия к магии, метафизике, теологии и другим необходимым, но ненаучным занятиям. Поскольку сам господин Сорокин* придумал великолепное выражение «физико-психо-социологические вопросы», мы можем позволить себе использовать один дефис и сослаться на его и других исследования в области «социо-астрологии».

Ни одно другое слово не могло бы по достоинству оценить «Социальную и культурную динамику». Сам господин Сорокин с некоторой неохотой признает, что критики, возможно, справедливо называют его работу философией истории, а его издатели вспоминали имена Вико, Бакла, Шпенглера и Парето. За его тремя томами последует четвертый, в котором будут связаны все концы с концами и будет сказано последнее слово о методах общей социологии. Между тем эти три тома представляют собой законченную философию истории, попытку очертить все прошлое, настоящее и будущее человечества. Читать их нелегко. У господина Сорокина много огня и энтузиазма, но ему не хватает лучшего дара писателя – умения прекратить писать. Однако изящество стиля, чувство формы, готовность к компрессии не часто можно встретить у философов истории и социологов. Определенно, Парето, при всех его прочих дарованиях, этих качеств недоставало. За тремя томами «Постижения истории» мистера А. Дж. Тойнби последуют еще десять. У господина Сорокина много друзей, и в наши дни больших книг у него, несомненно, будет много читателей.

Крючок, на который он умудряется повесить свои 2 100 страниц, прост. По мнению господина Сорокина, люди в обществе всегда колебались и, по-видимому, всегда будут колебаться между тем, что он называет *идеациональной* и *сенсатной* культурными ментальностями. Одна из наименее привлекательных характерных особенностей этой книги – воинствующая упертость относительно собственной абсолютной оригинальности, и он будет настаивать на том, что никто никогда не представлял обобщений именно в таком виде. Он утверждает, что его система не имеет ничего общего с системами, которые делят историю человечества на стадии, как у Конта; или которые рассматривают циклический рост, как *весна–лето–осень–зима*

* Social and Cultural Dynamics, by Pitirim A. Sorokin. New York: The American Book Company, 1937. 3 volumes, \$15.00.

культуры у Шпенглера; или которые различают кривые, пульсации, ритмы, колебания, как у полсотни других. Тем не менее скептически настроенному критику его формула представляется вариантом чередования полюсов, которое является одной из самых распространенных форм жанра и классическим примером которого является *Scienza nuova*^{2*} Вико. Господин Сорокин действительно предлагает очень замысловатый вариант – со сложными внутренними ритмами и промежуточными стадиями и без каких-либо причудливо точных периодических повторений. Он признает, что его идеациональное и сенсатное могут существовать и существуют во всевозможных смешанных и неоднородных формах, но он настаивает на их существовании и возвращается к ним после каждого своего погружения в сложности письменной истории.

В самом начале он заявляет, что, вопреки научному методу Бэкона, начнет с дедуктивного определения своих общих понятий и лишь затем прибегнет к индукции. Как это часто бывает, на протяжении всей книги его иконоборчество кажется не таким уж сокрушительным, поскольку можно предположить, что Пуанкаре, Мах и другие уважаемые теоретики научного метода оставили бэконовскую индукцию довольно далеко позади. Но мы можем оставить это в стороне и заняться идеациональным и сенсатным, рассматриваемыми как характерные черты человеческого менталитета.

Идеациональный разум в его чистейшей форме аскетического идеационального полностью отвергает то, что философы называли внешним миром, а простые люди называли реальностью, или природой, или фактами. Аскетический идеационалист не поверит своим ощущениям. Все, что он видит, слышит, обоняет, к чему прикасается, подвержено изменениям, безнадежно и радикально эфемерно. Но Истину он знает как вечную, неизменную, абсолютную, потому что он чувствует в себе стремление к вечному, неизменному, абсолютному. Поэтому он будет как можно меньше уступать требованиям своего тела и этого мира, его преходящего окружения. Будучи христианским отшельником, он готов покончить жизнь самоубийством, умерев от голода, чтобы приблизиться к своему Богу; будучи буддийским мистиком, он будет искать в Нирване экстатическое угасание желаний, в котором все желания исполняются.

Господин Сорокин признает, что такие умы всегда редки и их полное и повсеместное распространение, очевидно, положило бы конец истории, а также социальной и культурной динамике. В человеческих обществах идеациональный менталитет чаще всего принимает менее чистую форму – активно идеационального. Активный идеационалист почти так же сильно, как и аскетический идеационалист, верит в существование вечных форм и столь же глубоко презирает лживые свидетельства своих чувств. Но он стремится привести своих более слабых собратьев к хорошей жизни в соответствии со своими идеалами и знает, что для этого он должен пойти на компромисс с их миром в той мере, в какой это необходимо для соблюдения вечных законов. Таким образом, он становится великим религиозным организатором, консервативным государственным деятелем, защитником слова Божьего на земле. Святой Павел, святой Григорий и святой Бенедикт, даже сам святой Августин принадлежали к этому типу людей.

Сенсатный разум во всех отношениях является логической противоположностью идеациональному. Сенсатист (неологизм, от которого даже господину Сорокину становится настолько не по себе, что он объясняет, что предпочитает использовать

«Наследие» № 1 (26) (2025)

слово «эпикурец» в кавычках как синоним) полностью погружен в меняющийся мир, который он познает из «телеграфных сообщений», посылаемых ему органами чувств. Он не будет иметь ничего общего с вечностью, совершенством, абсолютом. Он настолько погружен в Становление, что никогда не осознает Бытия. Он всецело за развитие, науку, прогресс, перемены. Активный сенсатист проявляется в изобретателях, воинах, первопроходцах, революционерах, реформаторах. Очевидно, что последние несколько столетий были прекрасными временами для сенсатного менталитета.

Господин Сорокин перечисляет еще несколько других комбинаций. На самом деле мы мало что знаем о менталитете широких масс, но господин Сорокин считает удобным классифицировать их в большинстве периодов истории как пассивных идеационалистов – людей, которые слишком ограничены бедностью, невежеством и страданиями, чтобы сделать что-то большее, чем принять формы идеациональной культуры как своего рода компенсацию. Их чувства, по-видимому, недостаточно удовлетворены и обострены, чтобы сделать их сенсатистами. Пассивно-сенсатный менталитет – это менталитет «есть, пить и веселиться», «вина, женщин и песен», того, что стало известно как эпикурейский взгляд на жизнь (сам Эпикур не был эпикурейцем). Пассивный сенсатист с таким же презрением относится к абсолютной истине, идеалам, вечности, как и активный сенсатист, но ему не хватает энергии, позитивной веры в науку, прогресс, всего большего и лучшего, что присуще его активному собрату. Наконец, есть циничный сенсатист, действительно тип очень неприятный. На самом деле в глубине души он пассивный сенсатист, но в определенные периоды и в определенных условиях он мог получать вино, женщин и песни более или менее тайно, притворяясь, что верит в какую-то современную идеациональную систему. Он настоящий лицемер, человек, который может надевать и снимать свои идеалы, как одежду. Талейран, должно быть, был пассивным сенсатистом, а Макиавелли и Мандевиль даже смогли превратить это постыдное отношение в философию. Существует также фидеизм – довольно патетический менталитет, проиллюстрированный в последнем периоде творчества Уильяма Джеймса. Фидеист хочет верить, хочет подняться до высот аскетического идеационализма, но ему почему-то не хватает подлинной глубины и способностей, необходимых для этого. У него есть «воля к вере», а не сила.

Все эти менталитеты существуют в более или менее чистом или смешанном виде в любом обществе. По-видимому, господин Сорокин даже допускает смешение всего этого. Можно предположить, что эта конкретная рецензия на его работу, по его собственной терминологии, является результатом нечистой смеси активного и циничного сенсатного менталитета. Однако он обнаруживает, что одна смесь достигает реальной чистоты, становится подлинным синтезом, а не мешаниной и, возможно, является высочайшим и самым удачным состоянием, которого может достичь человечество. Это идеализм, в котором только лучшее из идеационального и сенсатного сходятся вместе, так что идеалист имеет лучшее из обоих миров. Это позиция самого господина Сорокина.

Эти особенности менталитета – не просто индивидуальные черты, которые интересуют психолога. Они также являются групповыми характерными особенностями, культурными характерными особенностями и таким образом становятся предметом

внимания социолога. Благодаря данным по истории, искусству, образованию, религии, политике, экономике мы можем точно определить положение той или иной группы. В своем первом томе «Флуктуации форм искусства» господин Сорокин решает, что такое идеациональное искусство, а что – сенсатное, и прослеживает их взлеты и падения прежде всего в западном мире, от греков до наших дней. Во втором томе «Флуктуации истины, этики и права» он применяет тот же метод к достижениям западной цивилизации в теологии, философии и юриспруденции. В третьем томе «Флуктуации социальных институтов, войны и революции» он напрямую исследует реальный механизм социальных изменений.

Хотя он с презрением относится к тому, что его коллеги-социологи считают «научными методами», он пытается тщательно – и, возможно, несколько обманчиво – с помощью количественных методов проследить ход этих колебаний. Пожалуй, будет достаточно, если мы ограничимся лишь кратким обзором его первого тома, поскольку это дает вполне адекватный образец его творчества. Он должен сначала решить, какие зафиксированные факты следует считать указаниями на существование идеационального, идеалистического и сенсатного в искусстве. (Искусство, конечно, он понимает в самом широком смысле, включая архитектуру, скульптуру, живопись, музыку и литературу.) Идеациональное искусство в своей чистейшей форме сверхчувственно и нематериально. Его конструкции носят чисто символический характер и не пытаются быть «реалистичными» или «естественными». Якорь, голубь и оливковая ветвь раннего христианского искусства типично идеациональны. Они не имеют никакого отношения к изображаемым ими объектам, а обозначают «идеациональные явления», совершенно отличные от этих объектов. Аллегорическое искусство – менее чистая форма идеационального искусства. Находящееся на противоположном полюсе сенсатное искусство визуально, оно пытается уловить мимолетные впечатления, производимые органами чувств, пытается увидеть то, что видит глаз камеры. Французский импрессионизм XIX в. является прекрасным примером. Идеалистическое искусство одновременно и идеациональное, и визуальное. Оно стремится опираться на видимую реальность, но при этом «идеализирует, модифицирует, типизирует и трансформирует визуальную реальность в соответствии со своими идеалами и представлениями». Греческое искусство V в. и средневековое искусство XIII в. успешно идеалистичны.

Возможно, это немного расплывчато для статистических целей, но с помощью более конкретных показателей господин Сорокин создает целую серию статистических таблиц. Примером более конкретного индикатора является изображение наготы в живописи и скульптуре. Обнаженная натура, безусловно, сенсатна, но никогда не идеациональна. Если мы подсчитаем долю обнаженной натуры на сохранившихся картинах и статуях, то получим наглядное представление о мере сенсатности в культуре. То же самое относится и к изображению «женственных» женщин. Идеациональное искусство презирует женщин как слабых и, по-видимому, неспособных к полноценному слиянию с Бесконечным. Идеалистическое искусство покажет женщин, но всегда мужественных женщин; оно идеализирует их, отнимает у них женские слабости. Сенсатное искусство, однако, прославляет их изгибы, подчеркивает их пол или их «привлекательность». И здесь снова есть поддающийся измерению показатель.

В музыке господину Сорокину сложнее найти что-то столь же осязаемое, как обнаженная натура. Однако он решает, что идеациональная музыка имеет тенденцию быть «внутренней», в то время как сенсатная – «театральной и внешней». Идеациональная музыка проста, в ней нет места огромным хорам или большим и сложным оркестрам. Она «чиста» и, что характерно, анонимна, поскольку ее создатель не заботится о рекламе и является коллективистом, а не индивидуалистом. Григорианское пение – это идеациональная музыка. Сенсатная музыка предназначена для больших оркестров, для потрясающих эффектов, для пения птиц и программ и всегда является работой отдельного человека, который гордится ею как формой саморекламы. Музыка Вагнера явно сенсатна.

В литературе идеациональное имеет дело с невидимым миром вечных ценностей, не пытается угодить низменным вкусам, является возвышенным, чистым, идеалистичным. Сенсатная литература пытается развлекать, отражать преходящий мир. Он приводит к сатире, плутовству, критике, искусству ради искусства. Идеализм и здесь вбирает в себя лучшее из обоих миров. Данте – идеационалист. Синклер Льюис – сенсатист. Мильтон – идеалист, возможно, а Софокл – безусловно.

Из всего этого и многого другого, заключает господин Сорокин, в конечном счете вытекает достаточно доказательств того, что факты подтверждают его дедуктивные рассуждения о социальных и культурных флуктуациях. Ранняя греческая цивилизация была преимущественно идеациональной, с некоторыми сенсатными течениями, которые можно было различить в работах таких ученых, как Фалес. К V в. до н. э. восходящее сенсатное начало и приходящее в упадок идеациональное слились воедино, образовав в Афинах эпохи Перикла, с 600 г. до н. э., один из двух великих идеалистических периодов в истории западного мира. С IV в. до н. э. доминирует сенсатное начало, и то, что мы называем эллинистическим, или александрийским, периодом, является типичным сенсатным периодом, в последние годы – декадентским. Рим прошел через аналогичный цикл, став полностью сенсатным при Катутле и Горации. Однако с появлением христианства возникла новая идеациональная культура, отчетливо проявившаяся также на определенных этапах языческого стоицизма. Примерно с 300 г. н.э. по 1200 г. средневековый мир находился в своей идеациональной фазе. В XIII в., в великую эпоху соборов и томистской философии, возникла вторая идеалистическая культура, краткая и совершенная точка встречи идеационального и сенсатного. С наступлением эпохи Возрождения этот мир восторжествовал, и западная культура вступила в сенсатную фазу, кульминацией которой, по-видимому, стал XIX в. Сейчас мы живем в эпоху упадка сенсатного периода, отмеченного волнениями, поиском новых идеалов, социальной, художественной и экономической нестабильностью, характерными для такого периода.

Из этого анализа прошлого неизбежно следует, что новая идеациональная культура находится на подъеме. Мы до этого не доживем. Наша судьба – несчастная судьба людей, которым предстоит пройти через муки, в результате которых рождается новая культура. Мы пережили самую кровопролитную из войн и одну из самых жестоких революций. Нам предстоит пережить куда более худшие – или погибнуть. Но восход солнца ждет наших детей: «Каким бы глубоким ни был со-

временный кризис – а он бесконечно глубже, чем осознает большинство людей, – после тяжелого переходного периода впереди вырисовывается не бездна смерти, а горная вершина жизни с новыми горизонтами созидания и новым взглядом на бесконечные небеса».

Третий том господина Сорокина «Флуктуации социальных отношений, войны и революций», хотя и является попыткой показать, как насилие связано с изменениями культурных форм, интегрирован в общую схему его работы и представляет немалый интерес совершенно независимо от его общей идеи. Путем детального анализа войн и гражданских беспорядков в западном мире с 600 г. до н. э. по настоящее время он стремится показать, что определенная доля насилия присуща всем обществам. Опираясь на общепринятые исторические источники для разных периодов, он пытается количественно оценить серьезность каждой войны и беспорядков, измеряя их продолжительность, степень проникновения в жизнь различных классов, интенсивность, насилие и т. д. Вот типичные примеры гражданских беспорядков в истории Англии: волнения из-за Великой хартии вольностей в 1215–1217 гг. оцениваются в 42,21 балла; попытки самозванца Перкина Уорбека в 1495 г. – 7,65; Великая революция 1641–1649 гг. – 77,27; заговор на Катон-стрит в 1820 г. – 3,91; чартистские волнения 1839 г. – 9,66. В войнах господин Сорокин оценивает численность вооруженных сил и потери для каждой отдельной фазы и приходит к таким результатам для Англии: война с Испанией, 1585–1600 гг. (Великая Армада), вооруженные силы – 16 лет со средней численностью 20 000 человек в год – 320 000, потери – 16 000; война за испанское наследство, 1701–1713 гг., вооруженные силы – 1 170 000, потери – 210 000; Наполеоновские войны, 1803–1814 гг., вооруженные силы – 420 000, потери – 50 400; мировая война, 1914–1918 гг., вооруженные силы – 7 500 000, потери – 3 070 000. Если представить это в виде графика, то кривая XX в. показывает стремительный рост из-за мировой войны.

Из всего этого господин Сорокин делает вывод не только о том, что мы переживаем очень серьезный кризис всех видов насилия, знаменующий окончание сенсатного периода, но и о том, что нет ни малейшего основания для наивной веры наших «либералов» в то, что мирные методы урегулирования внутренних и внешних проблем за последние три тысячи лет постепенно вытесняют насильственные методы урегулирования. Одно из самых сильных эмоциональных предубеждений в этой книге – а в ней их полно – это кипящая ярость при мысли о том, что на земле все еще есть введенные в заблуждение люди, которые верят в прогресс, в линейную эволюцию, в неизбежное достижение мира, процветания, демократической свободы, экономики изобилия. Господин Сорокин злорадно нагромождает статистику на статистику, чтобы доказать, что примерно с 1900 г. войны и революции становились все более кровавыми и масштабными, искусство – все более бесстыдным, более вычурным и более никчемным, философия – все более безысходной, мораль – все более упадочнической, наука – все более бесплодной. Но он настаивает на том, что в долгосрочной перспективе он не пессимист. Только «поборникам сытной, послеобеденной утопии» его теории могут показаться пессимистичными. Несмотря на нынешнее зло, он предсказывает славное будущее, «расцвет новой великолепной идеациональной культуры, общества и человека».

II

Подробная критика этого грандиозного произведения была бы здесь неуместна и, более того, потребовала бы всезнания, равного всезнанию его автора, всезнания, которое критик вполне может предоставить созданиям более творческим. В книге отсутствует стилистическое разнообразие. Господин Сорокин многословен и без конца повторяется, а по количеству и объему неологизмов он превосходит даже своих коллег-социологов. В использовании кавычек для него, похоже, образцом послужило виртуозное использование этой удобной формы пунктуации господином Робертом Бенчли. Его ирония неуклюжа и более чем карикатурна. Однако он слишком эмоционален, чтобы погрузиться в монотонную работу, присущую большинству социологических трудов. Он до крайности страдает от узколобого презрения, которое современный сенсатист питает к людям с другим складом ума, и временами его слог просто взрывается. Герберт Спенсер и Парето бесят его так же, как Поуп и Вольтер бесили Вордсворта. Действительно, господин Сорокин – поэт в том дурном смысле, который, несомненно, присущ этому слову. Он в полной мере испытывает то презрение к своим предшественникам из предыдущего поколения, которое, по-видимому, является характерной чертой истории искусства и литературы. Возможно, история науки не совсем свободна от такого рода презрения, и, конечно, многие ученые открыто признавали, что другие ученые были круглыми дураками. Однако в целом наука, по-видимому, опирается на свое прошлое более последовательно и, безусловно, менее саркастично, чем искусство и литература. Господин Сорокин, однако, гордо ставит себя выше ограничений, принятых в науке, и, несомненно, счел бы такую критику не столь едкой.

В целом господин Сорокин, по-видимому, был весьма добросовестным в отношении своих фактов. Он обращался к экспертам, в основном к историкам, и тщательно перечислял свои источники. Это правда, что историография – редкая область, которая может похвастаться лишь одним экспертом, и здесь, как и в других областях, эксперты часто расходятся во мнениях. Эксперт, не одобряемый господином Сорокиным, несомненно, мог бы полностью разрушить какую-то небольшую часть его грандиозного сооружения. Существует также общая трудность, с которой сталкиваются все социологи, пытающиеся построить свою работу на длительном историческом периоде. Неполнота данных по древней и средневековой истории, к сожалению, возрастает по мере приближения к сегодняшнему дню. Например, практически невозможно достоверно узнать что-либо о греческой музыке. Великие произведения античности исчезли. Только в наше время люди приобрели навыки статистики. Мы предполагаем, что данные Геродота о численности персидской армии под командованием Ксеркса – около миллиона человек – сильно преувеличены, но мы не знаем их реального количества. Все графики и таблицы господина Сорокина, скудноватые в начале, к концу становятся очень объемными. Некоторые из них, например, те, которые основаны на открытиях и изобретениях, подскакивают вверх с поразительной скоростью около 1800 г. и после спокойного и почти горизонтального движения внезапно устремляются в бесконечность и совсем исчезают из поля зрения.

Однако это общие испытания для всех социологов, и господин Сорокин встречает их мужественно и осознанно. Проблема фактической разрушительности войн

и революций в течение последних нескольких тысячелетий заслуживает того, чтобы попытаться найти на нее ответ. Господин Сорокин совершенно прав, когда говорит, что его не останавливает осознание того, что безусловно правильный ответ невозможен. В конце концов, как он отмечает, интерполяции и догадки не являются чем-то неизвестным в более влиятельных естественных науках. Однако более обоснованная критика может быть высказана относительно фактических результатов его количественного исследования войн и революций. В своем желании доказать свою точку зрения – повсеместный характер этих беспорядков и особенно их высокую концентрацию в период 1900–1933 гг. – он впадает в преувеличение. Среди перечисляемых революций он придает чрезмерно важное значение многим беспорядкам, больше подходящим для описания в студенческой газетенке. Комическая опера Луи Наполеона «Путч в Страсбурге» имеет рейтинг 2,46 по шкале, по которой Февральская революция 1848 г. оценивается в 20,32. Эти два события просто несопоставимы. В утверждении, что Февральская революция была в десять раз серьезнее попытки государственного переворота Луи Наполеона, не больше смысла, чем в утверждении, что Пулитцеровские премии в десять раз важнее Мировой серии. Заговор на Катон-стрит получает 3,91 балла, что составляет примерно $\frac{1}{18}$ от стоимости всей гражданской войны с 1641 по 1649 г. Сейчас «Заговор на Катон-стрит» находится на уровне последнего дела Чарли Чана и не имеет ничего общего с гражданской войной. Аналогичным образом в своем анализе войн господин Сорокин приводит цифры, которые показывают, что Мировая война более чем ужасна. Разрушительность войн зависит от всевозможных факторов. Войны Алой и Белой Розы, возможно, и были всего лишь профессиональными турнирами, но они уничтожили старую английскую знать. Есть веские основания полагать, что Тридцатилетняя война истощила Германию так, как ни одна держава не была истощена последней войной.

На протяжении всей работы господин Сорокин ведет ожесточенную борьбу с доктриной линейной эволюции, представленной такими людьми, как Т.Г. Гексли и Герберт Спенсер. Оба эти джентльмена мертвы, и их доктрины совершенно мертвы. Господин Сорокин тратит излишнюю даже для социолога энергию на то, чтобы ломиться в открытые двери. Мало кто из мыслителей сейчас считает, что существует универсальный процесс перехода от однородного к неоднородному, от воинствующего общества к индустриальному обществу, от власти к свободе, и нашему поколению вряд ли нужно напоминать, что британская конституция – это не конечный этап политического развития. Мировая война и русская революция постоянно занимают наши мысли, и вряд ли мы нуждались в господине Сорокине, чтобы он открыл их для нас.

Действительно, вся тщательно продуманная атака на «сенсатные» концепции научного метода, атака, которая занимает страницы первого тома «Социальной и культурной динамики», основана на представлении о научном методе, которого никогда не придерживались его лучшие специалисты-практики. Возможно, верно, что для Спенсера (как и для Маркса) Наука с большой буквы иногда означала своего рода материалистическую теологию, а научные законы были жесткими заповедями Природы-Бога. Конечно, верно, что в XVIII и XIX вв. было много простых людей, которые, подобно господину Оме у Флобера, превратили то, что они называли наукой, в набор узких и довольно уродливых догм, не оставлявших места ни красоте, ни со-

мнению. Такие люди все еще с нами, но они больше не задают тон нашей культуре, если когда-либо это делали. Лучшие ученые никогда не считали, что наука является ключом ко всему человеческому опыту. Даже Парето, к которому господин Сорокин совершенно несправедлив и которого он, по-видимому, совершенно не способен понять, был вполне готов признать, что искусство, теология, философия и многое другое находятся совершенно вне сферы науки. Парето просто настаивал на том, что у науки есть свой собственный метод и что в пределах своих ограничений этот метод может быть проверен ее положительными достижениями.

Презрение господина Сорокина к Парето тем более неоправданно, что в наиболее важных вопросах они по существу едины. У Парето, как и у господина Сорокина, были определенные представления о будущем нашего общества, хотя он выражал их гораздо менее лирично и гораздо более предположительно. Он тоже считал, что XX в., хотя и едва начавшийся, оставил линейных эволюционистов в беде. Он тоже с презрением относился к «религии прогресса». Он считал, что общество XIX в. развило изобретательность, экспансию, индивидуальную свободу, эксперименты, приключения, новизну до уровня, за которым общество уже не могло держаться вместе, и что поэтому реакция на стабильность, порядок, власть, коллективизм была неизбежной частью социального процесса. Если использовать терминологию самого Парето (непосвященных она почти столь же сбивает с толку, как и терминология господина Сорокина), то западное общество в XIX в. продемонстрировало преобладание «остатков инстинкта комбинирования» над «остатками устойчивых совокупностей», преобладание столь сильное, что общество было ввергнуто в индивидуалистические крайности, которые невозможно было поддерживать. Парето использовал термин «равновесие», чтобы выразить наблюдаемую тенденцию любого общества противодействовать изменениям в одном направлении посредством реакции на старое и устоявшееся. Господин Сорокин убедительно выступает против механистического подтекста этого термина и отвергает его. Но так же, как он соглашается с Парето в том, что XIX в. действительно закончился, он соглашается с ним и в основных положениях концепции социального равновесия. На самой последней странице своего третьего тома господин Сорокин указывает, что переход от сенсатного к идеациональному обществу, от которого мы сейчас страдаем, и все подобные изменения в прошлом были результатом спонтанных усилий того, что он называет «социокультурной системой», по поддержанию общества в состоянии нужного приспособления. Система, добавляет он, мудрее современных деятелей, которые пытаются ей противостоять. Все это, хотя и выраженное словами, которые Парето не понравились бы, сводится к утверждению, что в обществе существует своего рода *vis medicatrix naturae*^{3*}, действие которой социолог может изучать, *но не может на него влиять*. Если господин Сорокин возражал против «равновесия» главным образом потому, что оно, как ему казалось, лишало индивида какой-либо направляющей власти над общественным процессом, то в своих последних абзацах он, безусловно, окончательно выбил почву у себя из-под ног. Разумные люди, будь то ученые или нет, не ссорятся из-за слов. В этом критически важном пункте распря господина Сорокина с Парето в значительной мере связана со словами.

Существует, однако, реальное и существенное различие между Парето и господином Сорокиным, указанием на которое мы здесь ограничимся, не пытаясь сде-

лать выбор между ними. Для Парето многое из того, что господин Сорокин считает неотъемлемой частью социологического процесса – искусство, теология, философия, «культура» общества – само по себе не является важным фактором социальных изменений, не входит в число «переменных», определяющих состояние данного общества. По мнению Парето, эти «производные» могут сосуществовать с весьма разнообразными «остатками», и именно «остатки» социолог должен принимать во внимание в первую очередь. Таким образом, люди могут верить во всевозможных богов – даже в Бога Прогресса, или Бога Нации, или Бога Диалектического Материализма – *и все равно вести себя во многом так же, как социальные и политические животные*. Мужчина может танцевать фокстрот и при этом оставаться таким же хорошим гражданином, мужем и отцом, как если бы он танцевал менуэт. Он может верить в права человека и быть таким же трезвым и консервативным гражданином, как если бы он верил в Божественное право королей. Однако для господина Сорокина танцующий менуэт был бы идеационалистом или, возможно, идеалистом, а танцующий фокстрот – сенсатистом, и их социальные установки и поведение соответственно бы различались. Вера в права человека неизбежно сделала бы ее обладателя революционером и сенсатистом.

Очевидно, что здесь есть очень существенное различие. Не нужно быть ярым последователем Парето, чтобы почувствовать, что господин Сорокин обошел стороной вполне реальную проблему. Грань между искусством – даже великим искусством – и модой провести очень трудно. И хотя мода может иметь глубокое социологическое значение, подобное тому, которое господин Сорокин обобщил в своей формуле идеационально-сенсатного, она в равной степени может быть результатом случайности, человеческого вкуса к разнообразию, прихоти дизайнера и многого другого. В такой большой книге можно пропустить некоторые фрагменты, но, по-видимому, господин Сорокин не обсуждал проблему идеациональной и сенсатной одежды. Возможно, длинные брюки являются сенсатными, а тога и туника – идеациональными? Возможно, можно было бы на графике соотнести также вес и длину женской одежды со степенью сенсатности и идеациональности их обладательниц, ведь чем больше одежды, тем больше идеационального? Тогда женщины XX в. оказались бы в крайней степени сенсатными.

Даже в сфере высших искусств колебания вкуса вполне могут быть обусловлены скорее недостойной модой, чем космическим ритмом идеационального и сенсатного. В любом случае мудрый социолог будет очень и очень осторожен в использовании свидетельств из области искусства и тщательно проверит каждую свою блестящую идею. Например, много всяких глупых выводов было сделано из того факта, что в Англии и Америке в последние годы наблюдается поразительная мода на исторический роман. Вполне возможно, что эта мода – признак нашего недовольства несчастливым настоящим, форма массового бегства от действительности, признак распада всего нашего общества, начало конца для всех нас. Более вероятно, что во время недавней депрессии широкая публика считала длинные повествования о приключениях дешевой формой развлечения. И все же более вероятно, что мы читаем «Энтони Эдверса», «Унесенных ветром» и «Северо-Западный проход», а не «Синистер-стрит», «Нового Макиавелли», «Возвышение Сайласа Лэфема», «Дейзи Миллер» потому, что в наших романах мы перенасытились психологией и социоло-

гией, потому что мы устали от умных молодых людей, стремящихся изменить мир, или понять женщин, или напряженно думать. Нам хочется ярких красок и действия просто потому, что мы так долго обходились без них. Нет необходимости предполагать, что то, что мы читаем, имеет более необходимую и логичную связь с тем, что мы делаем, чем то, во что мы верим или на что надеемся.

Давайте, однако, пропустим эту проблему и разберемся с господином Сорокиным на его собственной территории. Давайте признаем, что для социолога общество – это единая сеть и что социология должна в равной степени учитывать всю многообразную деятельность человека, должна сочетать музыку и философию в синтезе с браком и политикой. Тогда следует признать, что он не вполне справляется с трудностями такого синтеза даже в плане простого статического описания, не говоря уже о динамике. Он прилагает героические усилия, используя свои таблицы, графики и сложные списки отличительных черт, но не убеждает нас в том, что понятия «идеациональное», «идеалистическое», «сенсатное» соответствуют нашему реальному опыту взаимодействия с культурами. Здесь он явно уступает другому своему сопернику – Шпенглеру.

Чтобы хоть как-то понять искусство и литературу, даже социологу необходимо то, что Паскаль называл *esprit de finesse*^{4*}. Это ни в коем случае не просто добрая воля и не сила чувств. У господина Сорокина в избытке и того, и другого. Но у него нет таланта художника. Он не может образно описать, как это мог лучше всех делать Шпенглер, придуманные людьми объяснения своего опыта. В работах господина Сорокина нет ничего лучше знаменитого образа пещеры, созданного Шпенглером для его «магической» культуры. Эмоции на службе у графиков и таблиц не могут придать им жизни или красоты. Господин Сорокин выражает несогласие с обычными учеными, потому что они не в состоянии увидеть целое, не в состоянии сложить воедино то, что они разобрали на части. Он будет использовать «логико-смысловой» метод, чтобы восстановить единство, разрушенное другими социологами. И все же его ярлыки совершенно не связывают воедино различные части – живопись, скульптуру, архитектуру, музыку, литературу – культур, которые он так кропотливо анализирует.

Возьмем, к примеру, ярлык «идеалистический», который он применяет к двум счастливым моментам: IV в. до н. э. в Афинах и XIII в. в Западной Европе. Хотя в столь тонких и сложных вопросах нам нет необходимости настаивать на том, что вещи, равные одному и тому же, равны друг другу, тем не менее господина Сорокина следует понимать так, что в очень важных, существенных чертах две культуры схожи. Для простого критика эти две культуры кажутся настолько разными, насколько это вообще возможно. Может ли кто-нибудь представить себе Людовика Святого, произносящего речь на похоронах Перикла? Или святого Фому Аквинского, использующего образ овода среди парижан, как Сократ это делал в Афинах? Несомненно, Парфенон настолько не похож на готический собор XIII в., насколько это вообще возможно для двух шедевров архитектуры.

Именно в музыке, которую господин Сорокин, несомненно, глубоко ценит, легче всего заметить тенденцию его идеациональной – идеалистической – сенсатной последовательности превращаться – в духе неуклюжих обобщений – в прокрустово ложе. Его идеациональный пик приходится на григорианские песнопения, и, конечно, джаз и Стравинский выходят сугубо сенсатными. Даже модернистский возврат

к примитивной музыке уместен, поскольку одним из признаков упадка сенсатной культуры является тоскливое возвращение к далекому прошлому. Но Баха нужно сделать менее религиозным, более сенсатным, чем Палестрину, и Моцарт тоже должен быть проклят за посторонние примеси. Дело в том, что из всех искусств музыка меньше всего подходит для любого вида социологического синтеза. Большинство критиков считают, что наивысших достижений искусство достигло в XVIII в., в веке, когда большинство видов искусства были чрезмерно формализованными, или вычурными, или непристойными, или сатирическими. Как можно ставить Баха в один ряд с Вольтером и Ватто?

Это подводит нас к совершенно очевидному факту, что искусства ни в коем случае не развиваются и не замедляют свое развитие одновременно, что пики их достижений приходятся на разное время в рамках одной и той же культуры. В начале XIX в. в Англии драма практически умерла, в то время как лирическая поэзия была очень даже жива. Господин Сорокин вполне осознает эту трудность и посвящает целые страницы разгрому трудов Гегеля, Лигети, Петри, Комбарье и всех других теоретиков, которые усматривали закономерные последовательности в расцвете искусств. Но он возвращается к своей собственной формуле с обновленной и счастливой уверенностью, которую читатель не может полностью разделить.

Таким образом, создается впечатление, что, несмотря на свои оговорки, исключения и частые отступления, господин Сорокин выстраивает свои материалы в ложно простую схему. Элементы его анализа человеческих склонностей не являются необоснованными. Возможно, ему не хотелось бы, чтобы его хвалили как психолога, но в некоторых отношениях он является лучшим в этой области. Как и большинство психологов, он не столь оригинален, как его терминология. Однако представляется бесспорным, что некоторые люди думают и чувствуют так же, как его «аскетические идеационалисты», а другие думают и чувствуют так же, как его «активные сенсатисты». Некоторые мужчины последовательно «мягкосердечны», а некоторые последовательно «твердолобы» (господин Сорокин, конечно, считает эти термины Уильяма Джеймса безнадежно неадекватными). Большинство мужчин, вероятно, весьма непоследовательны в том и другом. Но шаг от индивидуальных темпераментов к «культурам» действительно труден. Несомненно, большинство людей XIII в., оставивших о себе записи, по-видимому, имели безоговорочную веру в организованное христианство, которую вы не найдете у большинства людей XIX в. И все же в этих самых готических храмах истинной веры любому туристу можно показать забавную и непочтительную резьбу на нижней стороне сидений на хорах, резьбу, которая вряд ли была сделана хорошими «идеационалистами». Непристойные *фаблио* средневековой литературы также не совсем вписываются в картину эпохи, идеалистически посвященной созданию лучшего и более достойного мира. Фридрих II и Пьер Моноклерк были, возможно, такими же достойными детьми XIII в., как святой Людовик и святой Фома Аквинский.

Это сложные вопросы, и справедливости ради следует признать, что господин Сорокин не утверждает, что в XIII в. не было сенсатистов, а в XIX – идеационалистов. Более того, он считает, что широкие массы людей вряд ли обладают подлинной культурой. Под ярлыком «пассивные идеационалисты» он классифицирует их как нейтральных и относительно неизменных. Только оттенок культуры, разделяемой

образованными людьми, подчиняется последовательности идеациональное – идеалистическое – сенсатное. Но даже это кажется слишком простым. Мы возвращаемся к главному различию между господином Сорокиным и Парето. По крайней мере, возможно, что Парето прав и что в определении реалий человеческой жизни на земле есть нечто более фундаментальное, чем формы, принимаемые религиозными и философскими убеждениями людей, их эстетическими вкусами и привычками, а также их моральными кодексами. Если сразу же показать нашу собственную сенсатную ограниченность, то, по-видимому, столь же фундаментальной вещью является качество и сила их отношения к институтам, и особенно к экономическим, социальным и политическим институтам. В конце концов, это наблюдаемый факт, что люди могут бояться молнии так же, когда считают ее «естественным» разрядом электричества, как и когда считали ее оружием в руках разгневанного Зевса. Важен сам страх, а не его объяснение. Господин Сорокин концентрируется на объяснении, вплоть до того, что не считает страх заслуживающим объяснения. Мы утверждаем, что страх всегда присутствует. Несомненно, объяснение оказывает некоторое незначительное влияние на степень страха, и истинная задача социолога, по-видимому, состоит в том, чтобы попытаться установить сложную взаимосвязь между ними или, говоря более обобщенно, взаимосвязь между тем, что люди говорят (их религиями, философиями, моральными кодексами, политическими идеями, искусством и литературой), и тем, что люди делают. Такой социолог, если бы он был верен своим наблюдениям, пришел бы к выводу, что то, что они говорят, меняется гораздо больше, чем то, что они делают. Он бы увидел глубокую истину в афоризме Талейрана: *plus ça change, plus c'est la même chose*^{5*}.

III

Это не является проявлением цинизма, как часто утверждается. Действительно, его значение для изучения человека в обществе обнадеживает в некотором смысле больше, чем предвидение господином Сорокиным славного идеационального расцвета после нашей темной сенсатной ночи. Ибо в этом афоризме в несколько провокационной форме утверждается доктрина исторической преемственности, доктрина, которую господин Сорокин и его коллеги-пророки, наши современные философы истории, в противовес простодушным профессиональным историкам отрицают. Мы можем воспользоваться книгой господина Сорокина, чтобы кратко рассмотреть современную моду на философию истории.

Такая мода, безусловно, существует. Верно, что со времен святого Августина и Орозия, а также с самых ранних космогоний люди пытались объяснить ход событий на этой планете в терминах, которые сделали бы будущее ясным. Однако последние два поколения особенно увлеклись этим занятием. Все марксисты по сути своей являются пророками и философами истории. Возможно, именно «Закат Европы» Шпенглера положил начало нынешней моде. Кроме книги господина Сорокина, есть еще «Исследование истории» господина А.Дж. Тойнби, «Разум и общество» Парето, некоторые части которой, безусловно, попадают в эту категорию, хотя работа в целом представляет собой отчасти успешную попытку применить к изучению

человека в обществе действительно объективные методы, нечасто используемые среди философов истории. Недавняя работа господина Кеннета Берка «Отношение к истории». Есть работа господина Эгона Фриделла о нашей западной цивилизации. А с господином Стэнли Кассоном в эту гонку включились даже профессиональные археологи; более того, мрачностью своих прогнозов господин Кассон превзошел и Кассандру, и всех прочих.

Эти авторы во многих отношениях далеко не едины, и их работы имеют далеко не одинаковую эстетическую и научную ценность. Но все они в той или иной степени являются пророками немедленной гибели, и некоторые из них предсказывают катастрофический крах нашей цивилизации завтра, ну, послезавтра. Их опасения распространились на страницы передовиц, что, по-видимому, является показателем чего-то другого. Мы не должны брать на себя смелость противопоставлять всему этому массиву авторитетов наивное утверждение XIX в. о вере в бессмертие нашей западной цивилизации. Но мы хотели бы присоединиться к мягкому протесту по поводу того, что история, как объективное изучение прошлого, сама по себе не допускает ничего подобного столь радикальному пророчеству. Конечно, если эти джентльмены чувствуют себя бесконечно мрачными и желчными, не может быть ни малейших возражений против того, чтобы они выражали свои эмоции в книгах. Их эмоции, если они разделяются многими из их собратьев, безусловно, являются данными, которые внимательный социолог должен принимать во внимание при изучении современного мира. Однако ему пришлось бы попытаться выяснить, в какой степени их эмоции разделяются, а это очень трудная задача. Вероятно, они в чем-то схожи, и в разгар недавнего экономического кризиса Джон Джонс, мифический обыватель, разделял их даже в большей степени, чем в 1937 г. Но Джон Джонс, гораздо менее изменчивый человек, чем господин Сорокин и большинство его коллег, философов истории, не так легко отказывается от своего социального наследия. И это социальное наследие по-прежнему включает в себя склонность продолжать работать, покупать «Форды» и готовиться к просмотру телевизора.

Господин Сорокин крайне недоволен им за то, что он не понимает, насколько глупо покупать «Форды», когда мир рушится, но господин Сорокин – интеллектуал, а Джон Джонс на протяжении столетий оказывался мудрее и упорнее в жизни, чем интеллектуалы.

В любом случае мир хоть и сильно зависит от нас, но он всегда при нас.

История и археология, безусловно, свидетельствуют о полном крахе разных обществ. Руины, подобные руинам Ангкор-Вата в Индокитае и руинам Майя в Центральной Америке, свидетельствуют о полном прекращении существования человека в данной части земли. Судя по всему, минойскую цивилизацию постигло какое-то таинственное уничтожение. Другие цивилизации, в частности китайская, сохранили неоспоримую преемственность, несмотря на всевозможные бедствия: наводнения, нашествия, революции и появление пророков. Наша собственная цивилизация обычно прослеживается от цивилизации древнего Ближнего Востока и демонстрирует заметную преемственность. В истории нашей цивилизации разрыв, наиболее близкий к полному, произошел во время распада Римской империи и в последующие столетия, которые принято называть Темными веками. Современная наука все более склонна преуменьшать масштабы этого разрыва. Теперь уже совершенно ясно, что

греко-римский мир скорее выжил, чем погиб. Византия, о которой историки старшего поколения, похоже, почти забыли, была живой связью с миром Колумба. Язык, религия, политические и экономические институты – все это унаследовано от Римской империи. Тьма Темных веков стала не чем иным, как сумерками.

Правда, господин Сорокин не предсказывает нашу полную гибель, а просто более короткий Темный век, после которого наши дети или внуки будут наслаждаться рассветом. Но нужно ли даже здесь соглашаться с ним? Тема обширная, но можно высказать два соображения. Во-первых, какой бы прогневшей ни была Римская империя, она «пала» – насколько она вообще пала – под натиском германских варваров, которые сформировались совершенно вне рамок ее цивилизации. Где сегодня варвары? Такие писатели, как господин Лотроп Стоддарт и господин У.К. Эббот отвечают, что они находятся среди нас, «новые варвары» из мастерских, магазинов и с полей, которые на самом деле никогда не выполняли ограничительных правил нашей высокоразвитой цивилизации. Пролетариат по сути своей варвары, поскольку они пользуются благами, которыми их осыпают вышестоящие – изобретатели, художники, государственные деятели, промышленники, не заслужив их. Не испытывая благодарности, они завидуют привилегиям, которыми пользуются вышестоящие, и готовы в своей слепой страсти свергнуть их. Как только их численность возобладает в революции, как только они окажутся в седле, их некомпетентность разрушит цивилизацию. Они новые вандалы. Представление господина А.Дж. Тойнби о роли «внутреннего пролетариата» – это более тонкая и менее старомодная форма того же страха. Он, по крайней мере, признает, что пролетариат способен научиться управлять машиной. Недавние события в России, безусловно, подтверждают его правоту. Как бы мало мы ни симпатизировали российскому эксперименту, следует признать, что сегодня Россия – это действующее предприятие. Торжествующий пролетарий, похоже, ведет себя как на редкость добропорядочный буржуа. Если есть страна, в которой культурбольшевизм более непопулярен, чем в гитлеровской Германии, так это большевистская Россия. Там «новые варвары», похоже, относились к тому, что, по их мнению, они уничтожали, даже более благоговейно, чем германские захватчики Римской империи, – и они учились гораздо быстрее.

Возможно, варваров, которые должны нас уничтожить, можно найти на Дальнем Востоке? Сейчас о «желтой опасности» слышно гораздо меньше, чем раньше. Однако, вполне возможно, что Япония, укрепившаяся за счет поглощения Китая, сможет добиться мировой гегемонии и создать *rex japonica*, сопоставимый с *rex romana*^{6*}. Однако, поскольку Япония добилась успеха именно в той мере, в какой она вестернизировала себя, кажется довольно надуманным утверждать, что ее триумф – весьма проблематичный – будет означать уничтожение всего западного. Новая Япония стала бы в значительной степени старой Европой, и Форд не исчез бы с лица земли. Однако если судить по прошлому (это плохая привычка историков), то Китай с большей вероятностью поглотит Японию, чем Япония Китай, а затейливые замечания Киплинга о Востоке и Западе останутся в значительной степени верными в будущем, весьма отдаленном для всех, кроме записных пророков.

Есть и второе соображение, которое, возможно, позволит снизить вероятность немедленного и полного краха нашей западной цивилизации. За короткий период своего существования промышленная революция, как показывают таблицы и графи-

ки господина Сорокина, произвела ряд впечатляющих *количественных* изменений во многих областях, изучаемых социологами. Мы можем с готовностью согласиться с тем, что это существенно изменило способность человека убивать своих собратьев в ходе военных действий. Однако даже здесь необходимо сделать некоторые *оговорки*. Промышленная революция также сделала возможным значительное увеличение численности населения, и если данные господина Сорокина о массовых убийствах во время Мировой войны соотнести с его цифрами о численности армий, а также общей численности населения, то первая четверть нашего нынешнего столетия не кажется такой уж кровавой. Не только медицина и хирургия достигли таких же успехов, как и искусство убивать, но и вековой баланс между нападением и защитой, похоже, устанавливается сам собой спустя короткое время, как это всегда и было. Нынешняя война в Испании – интересный комментарий к некоторым романтическим предсказаниям о полном уничтожении гражданского населения с помощью отравляющих газов, самолетов, биологических бомб и т. д., предсказаниям, ставшим очень популярными в последнее десятилетие у романистов, авторов криминального чтива и пророков. Никто не хотел бы преуменьшать реальные ужасы нынешней ситуации в Испании, но, похоже, большому количеству мирных жителей каким-то образом удалось там выжить. Жизнь в Мадриде пока еще не совсем похожа на уэллсовские фантазии. Действительно, может показаться, что люди переживают осаду Мадрида так же, как когда-то переживали осаду Трои.

Еще меньше мы знаем о *качественных* последствиях промышленной революции. Распространенное среди любителей прекрасного мнение о том, что машины обесценили эстетические чувства человека, никоим образом не может быть доказано. Машины сделали возможным появление «макулатурной» литературы. Но так ли уж несомненно, что качество эмоций, стоящих за этим чтивом, действительно новое? Опять же, в некоторых кругах стало модным восхищаться тем, что называется народной литературой, и самым неблагоприятным образом противопоставлять ей шокирующие произведения, которыми наш Джон Джонс теперь питает свои литературные аппетиты. Однако значительная часть сохранившейся народной литературы представляется некоторым из нас действительно очень примитивной, и мы должны предположить, что значительная ее часть бесследно исчезла, как и «макулатурная» литература. Плоды древа всего лишь смертны, и через несколько десятилетий от газет Херста и «макулатурного» журнала «Луд Сторис» [«Непристойные истории». – Прим. переводчиков] не останется ничего. Разве неразумно предполагать, что нечто вроде Херста XIII в. исчезло, оставив нам лишь обманчивое совершенство Фомы Аквинского и соборов?

Мы даже не уверены в том, что высокое напряжение современной жизни, ускорение, шум городской жизни действительно подорвали способность человечества поддерживать жизнь общества. Наши больницы для душевнобольных переполнены, как никогда прежде, но, вероятно, скорее потому, что мы отправляем тетю Хэтти в больницу, а не запираем ее на чердаке, чем потому, что все больше людей сходят с ума. Недавние эксперименты господина Норта Уайтхеда убедительно показали, что монотонная и повторяющаяся работа, которую принесла с собой промышленная революция, сама по себе не является источником недовольства среди работников. Похоже, гораздо большее недовольство у них вызывает любое нарушение

привычного уклада жизни и социальных норм. Вероятно, экспериментально можно показать, что слишком быстрые и перманентные изменения – это нечто большее, чем могут вынести человеческие существа. Однако нет никаких убедительных доказательств того, что за последнее столетие произошли изменения подобного рода. В любом случае, вполне возможно замедление, а не полное прекращение. Еще один излюбленный аргумент пророков конца света заключается в том, что, подобно декадентам римлянам, мы собираемся, чтобы посмотреть наш современный эквивалент гладиаторских боев. Поло Граундс – это наш Колизей. Но люди всегда собирались там, где могли, ради зрелищ. Идеалистическое средневековье действительно очень любило зрелища. Существует множество статистических данных, свидетельствующих о том, что современные мужчины и женщины по всему западному миру на самом деле занимаются спортом гораздо чаще, чем их бабушки и дедушки.

Однако нет необходимости систематизировать и пытаться соперничать в полноте данных с самим господином Сорокиным. Существенный момент, который мы пытались донести, заключается в том, что социальные науки в настоящее время никоим образом не в состоянии дать точный социальный прогноз на ближайшее, не говоря уже об отдаленном будущем. Желание пророчествовать слишком распространено среди людей, чтобы не соответствовать какой-либо реальной потребности, и мы не должны пытаться чрезмерно препятствовать этому. Однако искренняя и отважная попытка господина Сорокина использовать свое образование и навыки социолога на службе древнего искусства предсказаний является лишь еще одним свидетельством огромной пропасти между пророчеством и наукой. Возможно, он прав относительно будущего гонок, но вы или я можем быть правы относительно следующего чемпиона в тяжелом весе или того, сколько машин Джeneral Моторс будет продано в следующем году. И все мы можем сильно ошибаться.

Конечно, это не значит, что будущее, и особенно ближайшее будущее, является абсолютной тайной, о которой один человек может догадываться так же хорошо, как и другой. В минуты усталости возникает соблазн согласиться с тем, что единственный урок, который можно извлечь из истории, заключается в том, что история никогда ничему не учит. Но это почти такое же чисто эмоциональное отношение, как и у господина Сорокина. Некоторые типы людей могут многому научиться из истории, как и из любого другого опыта, и уже многому научились. Но это люди, которых иногда презрительно называют практиками: политик, солдат, священник, администратор, исполнительный директор. Редко – социолог. Они узнали, что, сталкиваясь с похожими ситуациями, люди склонны вести себя так же, как они вели себя раньше. Но они также знают, что люди могут столкнуться с огромным разнообразием ситуаций, и они научились не доверять устоявшимся формулам и точным шаблонам. Они будут планировать заранее, но не слишком далеко вперед, и не удивятся, если их планы пойдут наперекосяк. Их не волнует космическое будущее, и если космос вообще входит в их сознание, то это разнообразный и постоянно удивляющий набор условий, из которых они должны изыскивать средства для достижения своих непосредственных целей.

Это не героические устремления, и они оставляют у многих людей навязчивое чувство неудовлетворенности. Возвышенные натуры вряд ли могут удовлетворить это чувство старомодными утопиями, которые казались столь привлекательными

нашим отцам. Однако у них есть достаточно возможностей восполнить эту неудовлетворенность. Среди таких возможностей в наши дни, когда официальная религия, похоже, приходит в упадок, есть искусство, которое мы без всякого злого умысла называем социо-астрологией. Пусть это еще долго будет приносить им утешение от того, что они разделяют уверенность, которой лишены все остальные. На какое-то время нам придется смириться с авантюристической неопределенностью истории и оставить ее в тихой гавани философии истории.

Комментарии (от редакции)

^{1*} *Carpe diem* – устойчивое латинское выражение, означающее «живи настоящим», «лови мгновение».

^{2*} *Scienza nuova* – «Основания новой науки об общей природе наций», основной труд итальянского философа XVIII в. Джамбаттиста Вико.

^{3*} *Vis medicatrix naturae* – крылатое латинское выражение, означающее «целебная сила природы».

^{4*} *Esprit de finesse* – в переводе с французского «дух (ум) тонкий». У Б. Паскаля – интуитивное проникновение в суть вещей, отличающееся от научного познания.

^{5*} *Plus ça change plus c'est la même chose* – французское выражение, означающее «чем больше вещи меняются, тем больше они остаются прежними».

^{6*} *Pax Romana* – термин, описывающий длительный период мира и относительной стабильности в пределах Римской империи эпохи Принципата.

П.А. СОРОКИН

ИСТОРИОНИКА*

Цитирование: *Сорокин П.А. Историоника // Наследие. 2025, № 1(26). – С.148–156.*

DOI: <https://doi.org/10.31119/hrtg.2025.1.9>

Citation: *Sorokin P.A. Istorionika [Historionics] // Nasledie [Heritage]. 2025, No. 1 (26). – Pp.148–156.*

DOI: <https://doi.org/10.31119/hrtg.2025.1.9>

Критические замечания Крейна Бринтона** о моей «Социальной и культурной динамике» делятся на три категории: замечания, не имеющие отношения к обоснованности теорий; нападки на «соломенные чучела»***, выдвинутые критиком; и критические замечания относительно некоторых реальных проблем.

I. Совершенно неуместные замечания состоят из настойчивого и повторяющегося перечисления таких предполагаемых недостатков, как мое «многословие и повторяемость» (мой критик повторяет это шесть раз), отсутствие «изящества стиля» (повторяется критиком пять раз), отсутствие «чувства формы» (повторяется три раза), эмоциональность изложения (повторено девять раз), неправильное использование кавычек, моя ирония по поводу «неуклюжести» (повторено дважды) и т. п. Такого рода критика занимает значительную часть статьи господина Бринтона. Если на данный момент мы признаем, что он прав во всех этих обвинениях, что из этого? Какое отношение имеют эти недостатки к обоснованности моих теорий? Никакого! Моя работа не претендует на премию по сочинению произведений на английском языке. Она не содержит притязаний на достоинства изящной словесности. Вообще-то говоря, большинство научных трудов, включая классические трактаты, не стремятся к изяществу стиля и прочим украшениям, упомянутым господином Бринтоном. Только тот, кто путает художественную литературу с научным изложением, применяет поэтические критерии к научным трактатам, а их стандарты, в свою очередь, к поэзии. Возмущение, подобное возмущению господина Бринтона, разумеется, легко приводит к несостоятельности критики в обоих направлениях.

Обоснованность этих критических замечаний становится еще более неясной, если учесть, что сам критик, несомненно, демонстрирует в своей статье именно эти недостатки. Как показывают приведенные выше приблизительные статистические данные, он многословен и чрезмерно повторяется, его текст насыщен эмоциями, плохо организован и бессвязен. Его стиль притворяется игриво-забавным, но за

* Перевод выполнен по изданию: *Sorokin Pitirim A. Historionics // The Southern Review 3.3 (Winter 1938). – pp 554–564.* Перевод Н.С. Сергеевой и Р.В. Смита.

** «Socio-Astrology» *The Southern Review* (Vol. 3, No. 2), pp. 243–266.

*** *Прим. переводчиков:* В оригинале *straw-men* (соломенные чучела) – английская идиома, обозначающая в данном контексте аргумент или положение, сознательно выставяемое как легкий объект для критики, насмешек или опровержения.

игривостью скрывается какая-то тяжеловесная невежественность. Часто цитируемое *medice cura te ipsum*^{1*} действительно может быть адресовано моему критику.

Что еще более забавно в этих неуместных высказываниях, касающихся моей работы, так это тот факт, что другие не менее компетентные критики, сделали следующие противоположные утверждения. Профессор Артур Ливингстон заметил (*New York Times Book Review*, 20 июня, 1937 г.): «Книга профессора Сорокина написана просто, ясно и красиво». Другой критик (профессор Ганс Кон в *Survey Graphic*, август 1937 г.) сказал: «Профессор Сорокин пишет в легко читаемом и изящном стиле».

Аналогично в отношении предполагаемого многословия некоторые судьи, похоже, придерживаются иного мнения. Одно из них гласит:

«Большой объем работы обусловлен огромным объемом количественного и фактического материала, собранного автором, что позволяет ему говорить с большим основанием чем это было бы возможно в противном случае». (Профессор К.С. Джослин в «*Book of the Month*», июль 1937 г.)

Для расширения списка можно привести и другие подобные свидетельства, опубликованные различными учеными и образованными людьми. Это может означать, что обоснованность возражений господина Бринтона более чем сомнительна. Когда рецензент заполняет страницы такими неуместными деталями, вместо того чтобы заняться реальными проблемами, и когда эти неуместные детали вызывают сомнения, он расписывается в своем собственном *testimonium pauperitatis*^{2*}. Такая критика означает, во-первых, что у критика есть сильное вненаучное желание критиковать работу во что бы то ни стало и любой ценой, а во-вторых, что, не имея возможности проникнуть в ее суть, он должен критиковать хотя бы ее тень. Если такая деятельность доставляет удовольствие господину Бринтону, я не возражаю. Вот и все, что касается этого вида критики.

II. Вторая категория порицаний господина Бринтона также типична для мелочной критики. Приписывая «Динамике» качества и положения, которых нет в книгах, господин Бринтон легко создает и разрушает свои собственные домыслы. Само собой разумеется, что эта борьба с «соломенными чучелами» самого критика не касается моей работы и не влияет на нее.

Вот типичные иллюстрации «метода» такой критики:

«Г. Спенсер и Парето приводят его в бешенство – он в полной мере испытывает презрение к своим предшественникам, кипящую ярость к либералам, пренебрежение к коллегам-ученым, горячую борьбу с эволюцией, предельную эмоциональность до предела, презрение к У. Джеймсу и многим другим». [И так далее.]

Такое презрительное оскорбление действительно губительно для научного духа! После многократного столкновения с клеветой такого рода тот, кто не читал мои книги, мог бы ожидать, что они будут наполнены в основном яростными, ругательными, осуждающими, презрительными, кипящими, бешеными и неистовыми эмоциональными взрывами. Должен сказать, что эта работа не оправдывает таких ожиданий. В книгах мало такого «романтизма». Это фантом, приписываемый «Динамике» живым историческим воображением. Кстати, я питаю и всегда питал глубочайшее

уважение к Г. Спенсеру, Парето, У. Джеймсу, а также к либералам и ученым в целом – все это не мешает расходиться с ними во мнениях по ряду вопросов.

Еще один образец: в моей работе «предпринята попытка сконструировать все прошлое, настоящее и будущее человечества», я «воинственно настаиваю на собственной оригинальности». Излишне говорить, что нигде в работе вы не найдете подобных утверждений. Мой критик, приписав их мне, затем продолжает доказывать, что моя теория не обладает такой оригинальностью и что теория Вико похожа на мою. Bravo! Я ясно показал во многих местах (например, т. I, стр. X; т. II, стр. 10, 33, 217, 375, 471; т. III, стр. 154) именно сходство теории Вико и моей, и не только теории Вико, но и теории Сен-Симона и дюжин других более ранних мыслителей. Таким образом, мистер Бринтон присваивает себе то, что я говорю, приписывает мне то, что я отвергаю или о чем не говорю, а затем с помощью моих собственных данных и аргументов выходит победителем над своим собственным «соломенным чучелом».

Далее господин Бринтон приписывает мне притязания на апокалиптические и астрологические пророчества, делает эту черту основополагающей в моей работе и даже подчеркивает ее в названии своей статьи – «Социо-астрология». У читателя создается впечатление, что моя работа связана в основном с пророчествами и астрологией и что я, по-видимому, один из самых безрассудно верующих в возможность точного прогнозирования социокультурных процессов. Правда, во-первых, заключается в том, что абсурдные элементы астрологических и связанных с ними теорий подвергаются столь же яростной критике в «Динамике», как и в некоторых других моих работах; во-вторых, в нашу эпоху предсказателей и планирователей я был одним из немногих, кто утверждал, что научное прогнозирование социокультурных явлений вряд ли возможно (см. особенно мою статью «Возможно ли точное социальное планирование?» в *American Sociological Review*, февраль 1936 г.); в-третьих, «Динамика» мало занимается каким-либо прогнозированием или пророчеством. На более чем 2 000 страницах едва ли найдется десять страниц, посвященных тому, что я осторожно определил как догадки или спекуляции, не говоря уже о попытках выдать их за пророчество или прогнозирование. Обнаружив несомненные симптомы резкого изменения во всех сферах нашей западной культуры в XX в., я спрашиваю: означает ли это резкое изменение или кризис один из кратковременных спазмов или начало долгосрочного упадка нынешней сенсатной культуры? На этот вопрос дается следующий ответ: «Это еще предстоит выяснить» (т. I, с. 504); «любое предсказание будущего в таком вопросе должно быть *предположением*» (т. II, стр. 117); и я много раз повторяю это предостережение (например, Том I, стр. 668; Том II, стр. 180, 207 и т.д.). В качестве предположения я склоняюсь ко второму варианту. *Догадка*, когда она выражена как *догадка*, а не как научное прогнозирование, не является нарушением закона и никого не вводит в заблуждение. Я предаюсь этому мимоходом и посвящаю этому несколько страниц во всех своих работах. Такова реальная ситуация. Между тем в описании моих усилий господином Бринтоном это предстает как своего рода новый «социо-астрологический Апокалипсис». Это еще раз демонстрирует особую точность и *esprit de finesse* моего критика. Можно быть уверенным, что свои исторические труды он не пишет с такой же точностью и *finesse*.

Следующее, что он мне приписывает, гласит, что согласно моей теории все сферы культуры изменяются одновременно. На примере музыки господин Бринтон радостно указывает на ошибочность такой теории. И опять восхитительная процедура! После всестороннего исследования я демонстрирую, что теория одновременного изменения всех сфер культуры неверна, и среди многих других свидетельств этого показываю, в частности, изменения музыки по сравнению с другими видами искусства. Теперь господин Бринтон приписывает мне утверждение, которое я отвергаю, берет мои аргументы и данные и с их помощью побеждает «соломенное чучело».

Не мудрствуя лукаво, я предоставляю читателю самому охарактеризовать суть такой процедуры. Только человек, который вообще не читал мою работу, или тот, кто пренебрегает добросовестностью в критике, может прибегнуть к тактике такого рода. Нет необходимости приводить примеры из бессвязных рассуждений мистера Бринтона, чтобы показать его неумолимую повторяемость в использовании «метода соломенного чучела». Поскольку своеобразное правдоподобие этого утверждения вряд ли заслуживает дальнейшего рассмотрения, давайте обратимся к реальным вопросам.

III. Некоторые из реальных критических замечаний касаются второстепенных вопросов, но их необходимо упомянуть. Мой критик обвиняет меня в несправедливости к Парето и «полной неспособности» понять его. Он должен простить меня за то, что в этом и подобных обвинениях он напоминает мне маленького мальчика, который хочет продемонстрировать свои недавно приобретенные знания перед старшими. Я писал о Парето примерно за пятнадцать лет до того, как господин Бринтон узнал о его существовании. И хотя некоторые из этих работ были переведены на шесть или более языков, до сих пор никто, включая новых приверженцев Парето, не смог указать на какую-либо ошибку в моей характеристике теорий Парето. Если бы действительно существовала «полная недееспособность», то ученые, которые читают, используют и цитируют мои работы, наверняка указали бы на такую ошибку. На самом деле большинство трудов поздних приверженцев школы Парето подвергались критике за их плохую интерпретацию или неправильное понимание Парето, и взгляды господина Бринтона можно оправдать ошибочным рвением новообращенного в давно известную веру.

Еще более наивны его рассуждения о «равновесии». Если бы господин Бринтон только прочитал мою статью «Le concept d'équilibre est-il nécessaire aux sciences sociales» (*Revue intern. de sociologie*, Sept.-Oct., 1936), он бы осознал некие скрытые смыслы, которые обычно не рассматриваются в связи с этим понятием. (Кстати, в статье излагалась точка зрения, которая была принята Международным социологическим конгрессом, главной темой которого было социальное равновесие.) Нелзя игнорировать тот факт, что понятие равновесия имеет множество разнообразных значений, что оно систематически использовалось более чем за столетие до Парето и что Парето не добавил никаких новых признаков. Любое из значений, придаваемых этому термину, представляет собой скорее помеху, чем преимущество в социальных науках, поскольку в различных областях существуют свои собственные термины и понятия, которые гораздо лучше подходят для целей анализа и описания социальных явлений. В «Динамике» я ссылаюсь на статью и предостерегаю от использования понятия «равновесие». Термин «социокультурная система», ис-

пользуемый мной и использовавшийся задолго до этого многими социологами, не эквивалентен «паретианской» или другим версиям понятия равновесия, поэтому его использование не может рассматриваться как свидетельство «паретианской» победы или моего обращения в веру «эквилибристов». На самом деле, тщательное исследование обоснованности этого понятия наверняка уравнивает или умерит существующее клише в отношении его использования.

Я оставляю без ответа туманные заявления моего критика о науке, научных методах, эволюции и других вещах. Здесь он, похоже, почувствовал себя несколько растерянным и поэтому вряд ли был способен разумно сформулировать, что он хотел сказать и что могли означать его высказывания. Таким образом, мы подходим к двум – и единственно важным – вопросам во всей статье господина Бринтона. Первый из них заключается в том, что фазы изучаемых культур, которые я называю идентичными, на самом деле таковыми не являются. Европейская культура XIII в. не похожа на культуру Греции V и IV вв. до н. э., хотя я называю обе эти культуры идеалистическими.

Он заявляет:

«Для простого критика эти две культуры кажутся настолько разными, насколько это вообще возможно. Кто-нибудь может представить себе Людовика Святого, произносящего речь на похоронах Перикла? Несомненно, Парфенон настолько не похож на готический собор XIII в., насколько это вообще возможно для двух шедевров архитектуры».

Это возражение реально. Является ли оно серьезным и решающим? Если судить о греческой и западной культурах по их перцептивно-эмпирическим проявлениям, то возражение покажется сокрушительным. Но с точки зрения восприятия один и тот же химический элемент, скажем, углерод, отличается настолько, насколько это возможно, когда он представлен в виде алмаза, графита и как составной элемент всех органических соединений. Конечно, «для простого критика» нет никакого сходства между всеми этими углеродами. И все же химия учит нас, что, несмотря на все эти различия, это один и тот же химический элемент – углерод. Простой критик господина Бринтона здесь неправ в своей простоте. Точно так же это не только предположение, я показываю фактологически, что доминирующая система истины в XIII в., динамика открытий в ней, определенные формы искусства, тип революций и войн и ряд других черт в изучаемых областях культуры XIII в. по существу схожи с соответствующими чертами в тех же областях культуры Греции V и IV вв. до н. э. и часто идентичны им. И это утверждение не является просто предположением, оно в достаточной степени подкреплено и показано посредством фактологического анализа этих составляющих обеих культур. В других отношениях и с точки зрения наивного восприятия столетия могут быть такими же разными, как графит, алмаз и углерод в органическом соединении. Что еще более важно, сходства, присущие обоим культурам, не выдуманы мной. На них обращают внимание историки соответствующих областей: скульптуры и живописи рассматриваемых веков, музыки, этики и системы взглядов на истину в эти века.

Если бы господин Бринтон взял какой-либо из изученных разделов и показал, что эти черты сходства отсутствуют, что, например, система истины Альберта Ве-

ликого и святого Фомы Аквинского фундаментально отличается от системы Платона, Аристотеля и других ведущих мыслителей IV и V вв., если бы он сделал то же самое в отношении других областей культуры, проанализированных мной, – тогда его аргумент был бы наиболее эффективным. Вместо этого он берет несколько впечатляющих отдельных явлений, таких как речь Перикла или роль овода Сократа, и с их помощью надеется подорвать мою позицию. Аргумент выходит за рамки, но не достигает цели.

По сути, это возвращается бумерангом к самому господину Бринтону. Следуя его аргументации, можно сказать, что историки не имеют права говорить о греческой культуре V в., потому что на протяжении всего этого столетия был только один Сократ, одни Афины и один Перикл. Кроме того, каждый из них в течение столетия изменился. Историки не могут говорить о «феодальных городах-государствах», «индустриальных» или любых других *типах* обществ. Логическое продолжение этой линии рассуждений загоняет в тупик и приводит ко всем нелепостям унитарной концепции исторических процессов (с которой я разобрался в т. I, гл. IV «Динамики»). Поскольку такая унитарная концепция невозможна ни фактически, ни логически и поскольку методы типологизации, концептуализации и обобщения всегда использовались, используются и должны использоваться в социальных науках, унитарные, основанные на наивном восприятии и сингулярно-номиналистические аргументы моего критика – пока он не разрушит установленные сходства в моей работе и во многих других исторических трактатах – не принимаются во внимание. Он должен многое опровергнуть в своей собственной исторической науке, прежде чем его утверждение обретет какую-либо силу: он должен разрушить ценность любого номографического или полуномографического метода познания и должен показать, что установленные сходства неверны. Поскольку этого не сделано и даже не предпринято никаких попыток, аргумент можно отклонить, несмотря на его реальный характер.

Теперь перейдем ко второй реальной проблеме. Она представлена в нескольких аспектах. Во-первых, будем ли мы изучать повторяющиеся элементы человеческих действий, такие как физиологические функции и побуждения, рефлексы и инстинкты, а также остатки Парето, или мы будем изучать формы и динамику культурных явлений, таких как искусство, наука, философия и другие области, рассматриваемые в моей работе? Я не вижу никакого противоречия между этими двумя мнениями. Те, кто хочет изучать влечения, рефлексы, осадки и тому подобное, могут изучать их. Те, кто, как и я, хочет изучать формы и трансформации культурных явлений, также вольны это делать. Обе области настолько обширны и важны, что я не вижу причин препятствовать тому или иному виду исследований. Со своей стороны, как я ясно указываю в своей работе (т. I, с. 29), я выбираю вторую область. Господин Бринтон вряд ли может отрицать, что эта область имеет большое значение для социолога. Его собственные исторические работы, как и почти вся историческая наука, посвящены главным образом различным аспектам и фрагментам культурных явлений.

Второй аспект его аргументации предполагает, что «искусство, философия и культура общества сами по себе не являются важным фактором социальных изменений и не имеют большого значения среди переменных, определяющих условия данного общества». Реальные силы – это «остатки» по Парето, в то время как все

эти формы культуры – всего лишь производные: *plus ça change, plus c'est la même chose*.

Третий аспект непосредственно касается меня и заключается, по мнению господина Бринтона, в моей неспособности не видеть проблемы взаимосвязи между остатками и формами культуры.

Что касается второго аспекта, то вся постановка проблемы господином Бринтоном представляется мне весьма неопределенной и нуждается в тщательном предварительном анализе, прежде чем на нее можно будет дать разумный ответ. Например, что он подразумевает под «фактором», «переменной» и силой изменения или «определяющей состояние данного общества»? Я не могу здесь вдаваться в четкий анализ этой фундаментальной проблемы. Могу только сказать, что вся постановка проблемы в этом направлении представляется ошибочной.

Господин Бринтон, как и представители устаревшей школы социальных наук, похоже, считает, что для любого изменения культурной формы необходима некая «сила» или «внешний агент». Я исходил из принципа имманентного изменения любой системы, которая функционирует и является «действующим предприятием». Просто потому, что движущийся автомобиль, живой организм и социокультурная система являются «действующими предприятиями», они не могут не изменяться имманентно, даже если все внешние условия остаются неизменными. Работающий двигатель рано или поздно изменяется просто в процессе своей работы, живой организм имманентно переходит от незрелости к зрелости, поскольку он является действующим предприятием. То же самое справедливо для любой социокультурной системы. В такой имманентной обстановке любой вопрос о каком-либо внешнем факторе, который запускает, подталкивает или оттягивает изменения, становится излишним. Аналогично вопрос о «силе» или «переменной», которая порождает изменение, также становится излишним.

Конечно, инстинкты, влечения, остатки или желания не помогают объяснить эти изменения. Если они постоянны, если *c'est la même chose*, то откуда же это бесконечное разнообразие социальных и культурных трансформаций? Почему остаток устойчивости совокупностей не проявляется все время в одних и тех же производных или одних и тех же культурных формах? Если остатки или какие-либо подобные «побуждения» изменяются, они перестают быть постоянными, попадают в категорию изменчивых явлений и, следовательно, требуют объяснения их изменения. Вряд ли нужно говорить, что паретианцы, не говоря уже об инстинктивистах, рефлексологах, физиологах или сторонниках «четырех постоянных желаний» или «шести постоянных интересов», не смогли объяснить с помощью своих переменных даже малую часть основных социальных и культурных преобразований.

Далее, что подразумевается под «условиями жизни общества»? Должны ли мы исключить из этого понятия политические, экономические и социальные формы? Должны ли мы исключить из «условий жизни общества» искусство, науку, религию, юриспруденцию, суды, тюрьмы, полицейских, войны и революции, конфликты и солидарность, соглашение и принуждение? Если мы должны исключить все это, что останется из «условий жизни общества»? Если мы этого не сделаем, то все эти явления преимущественно будут относиться к культурным формам. В этом случае они становятся компонентами «условий жизни общества». Тогда утверждение о том,

что эти различные формы сами по себе не являются важным фактором социальных изменений или не определяют «состояние данного общества», становится бессмысленным. Такое рассуждение противопоставило бы одну часть общества другой или обществу в целом. Оно делает часть целого (в которую эта часть включена) фактором или чем-то, что не принадлежит этому целому и самой этой части. На самом деле это нарушает закон тождества, а также закон противоречия.

Кроме того, формы культуры, изучаемые в моей работе, никоим образом не совпадают с производными Парето. Ни живопись, ни здания, ни экономическая организация, ни правовые феномены, ни большая часть других изучаемых мной форм культуры не похожи на производные Парето и как таковые не могут быть сопоставлены с остатками. Если господин Бринтон делает это серьезно, он неправильно использует остатки и производные Парето, а также совершенно неверно истолковывает мои формы социальных и культурных явлений. Граница между производными и остатками находится на совершенно ином уровне, чем социальные и культурные формы, которые рассматривал я. По этим причинам второй аспект аргументации мистера Бринтона сформулирован неуклюже, и он использует теорию Парето так же неправильно, как и мою.

Что касается третьего аспекта, то здесь доводы господина Бринтона совершенно беспочвенны. Я не упускал из виду проблему взаимосвязи между культурным менталитетом и открытыми действиями членов (а не остатками и формами культуры, неправильной постановкой проблемы, как я показал выше) такой культурной и социальной системы. Противопоставляя свою концепцию культурного менталитета с открытым действием, вместо остатков я получаю все преимущества ясности и объективности открытых действий перед несколько неопределенной и интроспективной сущностью остатков. Последняя часть моего третьего тома посвящена именно этой проблеме. После тщательного ее изучения я четко формулирую выводы: связь между основными типами культурного менталитета и характером открытых действий представителей такой культуры слабая, но ощутимая. В культуре, где преобладает идеационализм, чаще встречаются идеациональный тип людей, а также идеациональные действия и формы поведения, и их идеациональная насыщенность проявляется более заметно, чем в культуре, где доминирует сенсатность. И для сенсатной культуры справедливо обратное.

Совершенно непонятно, как господин Бринтон пропустил целую часть моей работы, посвященную именно той проблеме, которую, по его утверждению, я упустил из виду и не изучил. Объяснить это можно только предположением, что мой критик лишь бегло просмотрел произведение и не прочитал его даже с минимальным вниманием.

Последняя полуреальная проблема поднимается на заключительных страницах, где он, критикуя пророков гибели, задумчиво размышляет о том, как может наступить такой конец света. Я могу дополнить его размышления одним замечанием. Похоже, он также «не приметил» еще одного «слона»* в моих книгах – ранее упомянутый принцип имманентного изменения. Если бы он этого не упустил, то не было бы необходимости ни во «внутренних варварах, ни в желтой опасности, ни в пятнах на

* Прим. переводчиков: Слона-то я и не приметил – русский фразеологизм со значением «не увидеть самого важного, самого заметного». Из басни И.А. Крылова «Любопытный».

«Наследие» № 1 (26) (2025) солнце», ни в каких-либо внешних факторах, чтобы понять возможность, более того, неизбежность упадка современной формы культуры. По той же причине, по которой господин Бринтон или любой из нас не может не стареть с течением времени, независимо от внешних условий, любая форма культуры не может не меняться и рано или поздно уступать место другой разновидности. Эти заключительные страницы моего критика особенно наглядно иллюстрируют его небрежное прочтение моей работы и непонимание изложенных в ней основных принципов. *Sapienti sat*^{3*}.

Комментарии (от редакции)

^{1*} *Medice cura te ipsum* – латинское крылатое выражение, буквально «врач, исцели самого себя», означает призыв обратить внимание на самого себя и собственные недостатки.

^{2*} *Testimonium pauperitatis, testimonium paupertatis* – латинское выражение, буквально «свидетельство о бедности», означает признание слабости, несостоятельности в чем-либо.

^{3*} *Sapienti sat* – латинское крылатое выражение, означающее в переводе «умному достаточно».

В.В. Сапов
Москва

«Наследие»
№ 1 (26) (2025)

ПОСЛЕДНЯЯ СТАТЬЯ ПИТИРИМА СОРОКИНА

Цитирование: Сапов В.В. Последняя статья Питирима Сорокина // Наследие. 2025, № 1(26). – С.157–159.

DOI: <https://doi.org/10.31119/hrtg.2025.1.10>

Citation: Sapov V.V. *Poslednyaya stat'ya Pitirima Sorokina* [The last article by Pitirim Sorokin] // *Nasledie* [Heritage]. 2025, No. 1 (26). – Pp.157–159.

DOI: <https://doi.org/10.31119/hrtg.2025.1.10>

Это – последняя статья Питирима Сорокина. Неизвестно даже не только то, успел ли он подержать в руках номер журнала, в котором она была опубликована, но и узнал ли о самом его выходе в свет. Первый номер голландского журнала «Человек и общество» [*Mensch en Maatshappij*] за 1968 г. вышел в январе, а 11 февраля автор статьи умер. Наверное, не успел... Неслучайно она не учтена ни в одной библиографии П. Сорокина. Так что перед нами – последнее, предсмертное слово великого социолога или, точнее сказать, мыслителя, поскольку в рамки одной только социологии (в узком смысле слова) ему было тесно. По сути дела, для внимательного читателя Сорокина, свободно ориентирующегося в мире его идей, эта статья не содержит почти ничего нового по сравнению с тем, что написано им в «Динамике» и «Кризисе нашего времени», – недаром он чаще всего ссылается в ней именно на эти две книги. Но кое-что новое в ней все-таки есть. Во-первых, сам подход к не новым уже для Сорокина темам. Они показаны сквозь призму восприятия современным человеком самого себя. Ф. Шиллер в одном из своих стихотворений писал:

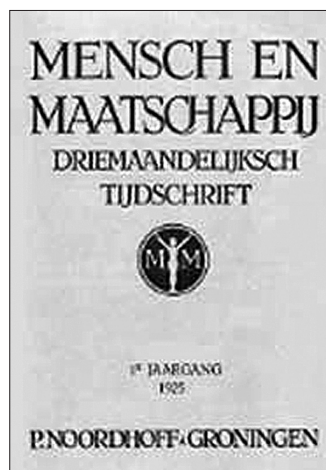
Но не прошлым красен день цветущий;
Красен цвет, который днесь цветет.
Мы живем! И трижды прав живущий,
Если настоящим он живет.

Сорокин же, вопреки мнению великого поэта, доказывает, что «живущий», т.е. человек XX в. по крайней мере «трижды неправ» в своей самооценке: что он якобы самый лучший, самый свободный и самый умный из всех живущих до него людей. Опасность этих трех «иллюзий и самообольщений» современного человека заключается, по Сорокину, в том, что они мешают ему (т.е. этому самому «современному человеку») увидеть и осознать, в какой трагической ситуации он находится. А находится он, в сущности, на краю гибели, и гибель эта тоже имеет троякое обличие. Во-первых, несомненный научный и технический прогресс (это единственный прогресс, который не вызывает у Сорокина сомнений) позволил создать такие разрушительные силы, что они способны уничтожить не только все человечество, но и все живое на планете, да и саму планету в придачу. И, во-вторых, находятся эти силы

в руках у «психов-шизофреников», которые за одно только неполное столетие в двух мировых войнах пролили столько крови и принесли столько страданий, сколько их не пролили и не принесли войны за все предыдущие 25 веков письменно зафиксированной истории европейского человечества. И свободен ли современный «самый свободный» человек, если у него нет времени на чтение стихов, на «прогулки одинокого мечтателя», на то, чтобы встретиться с друзьями, сходить на кладбище к умершим родителям, чтобы поиграть с детьми... Уж на что забитым был Макар Иванович Девушкин, но и тот регулярно писал письма своей «любезной Варваре Алексеевне», а современный человек, если он, помимо работы и отправок самых насущных естественных потребностей, не имеет времени буквально ни на что, то спрашивается: он свободный человек или раб? Ответ очевиден. Впрочем, не все так безнадежно. Выручает сформулированный самим же Сорокиным «закон поляризации», согласно которому «современное человечество» не есть нечто монолитное, а состоит из «большинства», которое и характеризует Сорокин в столь мрачных тонах, и «меньшинства», которое, так сказать, «дружно гребет против течения». Вообще окончательный вывод Сорокина (не в этой статье, а во всем его творчестве) звучит на первый взгляд несколько парадоксально: в истории человечества борьба Добра и Зла в конце концов увенчивается все-таки победой Добра, но с самым минимальным перевесом. Оттого так тяжела и трагична эта борьба. Поэтому и пишет он в «Динамике», что исход этой борьбы зависит от каждого из нас. Именно так: не «от всех нас», а «от каждого из нас», потому что каждый из нас может – неведомо даже для самого себя – оказаться той последней, пусть даже и мельчайшей каплей, которая на весах Добра и Зла даст перевес чаше Добра.

Хотелось бы обратить внимание читателя и на последний абзац статьи, где Сорокин, говоря о «противоречивом дуализме души» современного человека, трактует этот дуализм с помощью символических понятий Ахура-Мазды и Аримана (правильнее было бы писать: Ормузд и Ариман или Ахура-Мазда и Ангра-Майнью). В русской литературе эти понятия широко использовал великий поэт и теоретик символизма Вяч. Иванов (особенно в статье «Лик и личины России», 1916). Неизвестно, был ли знаком с его творчеством П. Сорокин, но можно предположить, что хотя бы косвенным образом, через Бердяева, например, кое-что о нем знал. Конечно, тема эта настолько обширна и не изучена, что в краткой заметке коснуться ее можно лишь вскользь и, увы, между прочим. Возможно, это всего лишь совпадение. Но как бы там ни было, само использование этих символических имен-понятий великим поэтом-символистом и великим социологом добавляет еще один аргумент в пользу того, что П. Сорокин – продукт (или лучше сказать – позднее дитя) русского Серебряного века и вне его контекста не может быть понят.

В заключение – несколько слов об источнике публикации. Журнал «Человек и общество» издается в Нидерландах с 1925 г., сначала это был орган национального

Обложка журнала
Mensch en Maatschappij

бюро Нидерландов по антропологии, имевший подзаголовок «журнал социальных наук», с 2001 г. по настоящее время его выпускает «Издательство Амстердамского университета». В 1933 г. П.А. Сорокин опубликовал в нем статью «Life-Span, Age-Composition, and Mortality of Social Organizations» (Mensch en Maatschappij. 1933, vol. 9, № 1/2, p. 69–85).

П.А. СОРОКИН

ИЛЛЮЗИИ И САМООБОЛЬЩЕНИЯ
СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА*

Цитирование: *Сорокин П.А. Иллюзии и самообольщения современного человека // Наследие. 2025, № 1(26). – С.160–172.*

DOI: <https://doi.org/10.31119/hrtg.2025.1.11>

Citation: *Sorokin P.A. Illuzii i samoobol'shcheniya sovremennogo cheloveka [Illusions and Self Deceptions of Modern Man] // Nasledie [Heritage]. 2025, No. 1(26). – Pp.160–172.*

DOI: <https://doi.org/10.31119/hrtg.2025.1.11>

Современный человек, т.е. западный человек, родившийся в XX в., имеет сотни различных лиц, сотни типажей и столько же видов самосознания. Этот краткий очерк имеет целью вкратце рассмотреть лишь одну или две из особенностей современного человека, характерных для многих (но не для всех) нынешних мужчин и женщин, а именно их иллюзии и самообольщения. Изучение этих черт поможет правильному пониманию доминирующего типа мышления современного человека, его поведения и того социокультурного мира, в котором он живет и действует, который он строит и разрушает.

1. Мы можем начать с того, что *современный человек ошибочно понимает себя как сторонника мира, ненавистника войны, приверженца «этического утверждения жизни»* (по терминологии А. Швейцера) и апостола мирного разрешения всех межличностных и межгрупповых конфликтов. От современных правительств, лидеров и простых людей мы постоянно слышим без конца повторяемые ими «миролюбивые» заявления, которые стали чем-то вроде привычных и каждодневных высказываний современного человека типа «здравствуй» и «прощай». Эти миролюбивые заявления торжественно провозглашены всеми современными биллями о правах, вошли в современные конституции и договоры практически всех государств, включая уставы Лиги Наций и Организации Объединенных Наций. «Война за прекращение всех войн» было широко распространенным убеждением в отношении Первой мировой войны.

Если же мы зададимся вопросом, насколько эта вера современного человека соответствует истине, то ответ будет такой: это в значительной степени его иллюзия или самообман. «Безобразные факты» (по выражению Т. Гексли) неопровержимо свидетельствуют о том, что доминирующий (т.е. самый мощный) тип современного человека – это человек войны, а не мира. Современный человек превратил этот век в самое воинственное, самое смертоносное и самое разрушительное столетие по сравнению с любым другим из предыдущих двадцати пяти веков греко-римской

* Перевод выполнен по изданию: *Sorokin P. Illusions and Self Deceptions of Modern Man // Mensch en Maatshappij. 1968, vol. 43, № 1. – Pp. 3–13.* Перевод В.В. Сапова.

и западной истории. Взять ли в качестве меры международной войны ее потери (количество убитых и раненых), численность вооруженных сил или масштабы причиненных ею разрушений, международные войны первой половины XX в. превосходят все международные войны за последние десять веков, вместе взятые, не только по абсолютному числу жертв, но и по количеству потерь на миллион населения*.

Не менее воинственным, жестоким и смертоносным был этот преобладающий тип современного человека и во внутренних революциях и в кровавых межгрупповых конфликтах. Он сделал этот век самым бурным, разрушительным и смертоносным из всех двадцати пяти предшествующих столетий греко-римской и западной истории. Общее число жертв внутригрупповых конфликтов XX в. и в этом случае превышает число жертв всех революций и внутренних беспорядков предшествующих восьми столетий западной истории, вместе взятых**.

Если добавить к сухим статистическим данным такие значительные факты, как «тотальные войны» – изобретенные современным человеком – войны, в ходе которых все без разбору население «врага» подвергалось уничтожению, в том числе дети, женщины, старики и не участвовавшие в боях мирные жители; как беззащитное применение в современных войнах ядерного, химического, бактериологического оружия и других «научных» способов убийства человека (средств, ранее запрещенных международным правом и этическими нормами); как лихорадочные приготовления современного человека доминирующего типа и его лидеров к испепелению этой планеты и уничтожению всего человечества и вообще всего живого в будущих мировых войнах; как уничтожение около одной пятой обитаемых регионов этой планеты в двух мировых войнах, то эти и подобные им «перегибы» господствующего типа современного человека явно выставляют его как чудовищного убийцу, без разбору истребляющего своих собратьев, как «худшего из зверей» (по Платону и Аристотелю), наслаждающегося садистскими расправами, не сдерживаемого в этой гнусной деятельности ни божественными, ни человеческими законами и лишенного элементарного человеческого сострадания, сочувствия и жалости к другим людям.

Помимо войн и кровопролитных внутренних конфликтов эта склонность современного человека к жестокости проявляется и в росте убийств и тяжких преступлений, который наблюдается в последнее время почти во всех западных странах; в гоббсовской *bellum omnium contra omnes*, свирепо раздирающей все человечество в виде кровавых столкновений между расовыми, этническими, политическими, религиозными, экономическими группами и социальными классами.

Эти факты, несомненно, опровергают убаюкивающий самообман современного человека о том, что он якобы представляет собой миролюбивого, гуманного, социализированного индивида, решительно выступающего против убийства своих со-

* Подробную статистику военных потерь во всех греко-римских и западных войнах с 600 г. до н. э. по 1925 г. н. э. см. в: *Sorokin P. Social and Cultural Dynamics*. New York, 1962, vol. III, ch. 9–11; *Wright Q. A study of War*. Chicago University Press, 1942, vol. 1–2; *Урланис Б.* Война и народонаселение Европы. М., 1960.

** Подробные статистические и исторические данные обо всех зарегистрированных внутренних волнениях в греко-римской и западной истории см. в: *Sorokin P. Social and Cultural Dynamics*, vol. III, ch. 12–14; *Sorokin P. Crisis of Our Age*. New York, 1942 (нем. перевод: *Die Krise unserer Zeit*. Frankfurt am Main, 1950, Kap. 3).

братьев и безоговорочно подчиняющегося величайшему нравственному императиву «не убий», который провозглашают все великие религии и моральные кодексы. Явные дела и фактическая политика господствующего типа современного человека, особенно его властных элит, выставляют и этого человека, и эти элиты как хладнокровных и безжалостных убийц десятков миллионов людей, включая детей и женщин. Еще более симптоматично то, что эти современные убийцы оправдывают свою деятельность, направленную на то, чтобы «найти и уничтожить», «патриотическим порывом», «воинской доблестью и славой», «революционным пылом» и убеждением в том, что они делают все это «ради блага человечества», «для защиты свободы», «религии», во имя «Бога и отчизны», ради «всеобщего процветания и диктатуры пролетариата», «во имя коммунизма» или «капитализма», во имя «братства всех людей» или «прогресса человечества» и других высокопарных ценностей. Такого рода идеализация, приукрашивание и оправдание современным человеком своих злодеяний разоблачают его как лицемера или своеобразного шизофреника, поступки которого явно противоречат его благородным проповедям.

Среди современного человечества, несомненно, найдется много настоящих сторонников мира и даже тех, чьи благородные нравственные установки последовательно реализуются ими на практике. Но этот миролюбивый тип современного человека, по-видимому, менее силен, чем доминирующий кровожадный тип и в сравнении с «типом убийц» составляет меньшинство. В противном случае у нас не было бы «ужасающей оргии» международных и гражданских войн этого столетия, а также межгрупповых и межличностных смертоносных конфликтов. Вот все, что хотелось сказать об этой иллюзии и самообмане современного человека.

2. Другим убеждением, распространенным среди значительной части современных мужчин и женщин, является их уверенность в их собственном – умственном, моральном, социальном и творческом – превосходстве над предыдущими поколениями. Великое множество наших собратьев искренне считают себя «высшим продуктом биологической эволюции и социокультурного прогресса», высочайшими представителями *homo sapiens*, научно мыслящими «сверхчеловеками» по сравнению со своими невежественными, суеверными и иррациональными предшественниками.

На поверку это убеждение в значительной степени оказывается очередным самообманом современного человека.

А. У поколений этого столетия, родившихся и выросших в переходный период от распавшегося светского, или чувственного, порядка, доминировавшего в течение последних четырех веков, к новому порядку, который еще не построен, у этих поколений, живущих среди обломков разрушенной ментальной, моральной и социокультурной системы чувственных ценностей*, думающих и действующих в катастрофических условиях мировых и малых войн и революций, было мало шансов для того, чтобы освоить ценности и социокультурные реалии разрушенного порядка, но у них не было и времени для того, чтобы построить новый порядок и систему ценностей в человеческом мире. В результате ценности, идеологии, убеждения и моральные нормы современного человека представляют собой пестрый набор раз-

* Об этом крахе чувственного порядка и переходном периоде нашего времени см. в моих книгах «Динамика» (все тома) и «Кризис нашего времени».

личных осколков, в котором совершенно несвязанные и часто противоречивые ценности, верования и идеи соседствуют друг с другом, а вся ментальность и мировоззрение современных поколений часто представляют собой груды больших и малых скоплений, не интегрированных в какую-либо более или менее последовательную и рациональную систему. Такую непоследовательную ментальность вряд ли можно считать превосходящей все остальные; если уж на то пошло, то она больше напоминает состояние умственного расстройства у пациентов психиатрических больниц. Высказанное предположение подтверждается заметным увеличением психических заболеваний в последние десятилетия и психическими аномалиями и психическими неврозами, распространенными среди значительной части современных поколений. Рост числа самоубийств и повышенный спрос на различные психические транквилизаторы и лекарства, помогающие успокоить тревоги и психические расстройства современного человека, являются еще одним подтверждением этой психической аномии и разорванного сознания современного человека. Такая ментальность не имеет права претендовать на превосходство по сравнению с интегрированным и целостным сознанием у значительной части предыдущих поколений.

В. Что касается *превосходства современного человека в области творчества, то оно действительно проявляется в области естественных наук и технологических изобретений*. Если измерять творчество современного человека количеством и значимостью научных открытий (в области физических наук) и технологических изобретений, то оно достигло в наше время непревзойденного и уникально высокого уровня. В этих областях современный человек вправе считать себя выше всех предшествующих поколений*.

Единственный недостаток этих открытий и изобретений заключается в том, что большая их часть оказалась скорее деструктивной, чем конструктивной, что их употребление и злоупотребление ими направлены в основном для «научно эффективного истребления» человеческих существ, для превращения обитаемых и цивилизованных регионов планеты в «мерзость запустения», на раздробление всех великих ценностей в «размолоченную пыль», не говоря уже о причинении этими смертоносными открытиями и изобретениями невероятных мук и страданий миллионам жертв, доведенных до отчаяния.

С. В других сферах культуры, таких как религия, философия, этика, право, социальные, психологические и гуманитарные дисциплины, изобразительное искусство и литература, творчество современного человека приобрело массовый, но заурядный и в основном вульгарный характер. По сравнению с величайшими творческими достижениями предшествующих поколений в этих областях достижения современного человека уступают им, но никак не превосходят. В области религии наш современный человек не создал ни новой великой религии, ни усовершенствованных и обновленных форм уже существующих великих религий, таких как христианство, иудаизм, индуизм, джайнизм, буддизм, даосизм, конфуцианство, мусульманство, ни даже новых разновидностей атеистических, агностических, антирелигиозных и нерелигиозных идеологий и мировоззрений. Современный человек также не предотвратил упадка христианства и других великих религий как систем верований,

* Статистику научных открытий и технологических изобретений с самых древних времен до XX в. см. в «Динамике» (т. II, гл. 3) и «Кризисе нашего времени» (гл. 3).

моральных заповедей и социальных институтов, направляющих и контролирующих этические, правовые и социально-культурные отношения своих адептов*.

Практически все многочисленные секты и вероисповедания (в том числе и атеистические), возникшие в этом столетии, недолговечны и представляют собой либо упрощенные, извращенные и искаженные вариации христианства и других исторических религий; либо экзотические, зачастую жестко идеологические и ритуальные «небылицы», составленные из обрывков, заимствованных из науки, магии, астрологии, архаических верований и обрядов, вперемешку с современными фрейдистскими, марксистскими, «гуманистическим» и прочими разрозненными понятиями и показушными эффектами.

Не создал современный человек и нового великого богословия. Самые крупные нынешние богословы – это всего лишь карлики по сравнению с основателями великих мировых религий или даже со знаменитыми христианскими богословами прошлых веков, такими как апостол Павел, Августин Блаженный, Псевдо-Дионисий, Иоанн Скот Эриугена, Альберт Великий, Фома Аквинский, Николай Кузанский, Дунс Скот и другие.

Весьма похожая ситуация и в области современной философии этого столетия. Ведущие представители современного феноменологизма, экзистенциализма, неотомизма, интуитивизма, позитивизма, неопозитивизма, материализма, идеализма, прагматизма, интегрализма, критицизма, агностицизма, скептицизма, реализма, натурализма и других течений философской мысли в творческом отношении занимают более низкий статус по сравнению с предыдущими гигантами философии, такими как Платон, Аристотель, Плотин, Фома Аквинский, Декарт, Кант, Юм, Локк, Дж.Ст. Милль, Гегель, Шеллинг, Фихте, Ницше, Г. Спенсер, О. Конт и другие великие философы прошлых веков.

Мало чем отличается положение дел и в области музыки, литературы, живописи, скульптуры, архитектуры и драматургии. В современной музыке нет ни одного композитора уровня Моцарта, Бетховена или даже Берлиоза, Вагнера, Брамса, Мусоргского; в литературе нет ни одного писателя, равного Данте, Шекспиру, Гёте, Толстому или Достоевскому; в скульптуре и живописи некого поставить рядом с Фидием, Микеланджело, Дюрером, Рафаэлем, Тицианом, если ограничиться именами лишь немногих великих творцов в области этих изобразительных искусств. Если воспользоваться русской поговоркой «на безрыбье и рак – рыба», то можно сказать так: в нынешнем столетии у нас есть несколько «раков», но вряд ли есть хоть одна настоящая, большая и прекрасная «рыба».

У нас есть хорошие подражатели великим мастерам, есть даже несколько оригинальных создателей в сфере вульгарного псевдоискусства, каковыми в музыке являются джаз, крунинг [гнусавое эстрадное пение], рок-н-ролл, в живописи и скульптуре – бессмысленное и неуклюжее «абстрактное искусство», а в литературе – сонмище «бестселлеров», которые приходят и уходят в небытие через полгода, но вряд ли у нас есть поистине бессмертные шедевры, равные великим произведениям гениальных творцов предыдущих поколений.

* Об этом спаде и о сегодняшней религиозной и моральной ситуации на Западе см. в: Sorokin P. The Western Religion and Morality of Today // Internationales Jahrbuch für Religionssoziologie. Opladen, 1966, Bd. II, S. 9–49.

Чуть лучше обстоят дела с достижениями современного человека в архитектуре. Но и в этом главным достоинством этих достижений является практическая или функциональная полезность современных архитектурных сооружений, а не их красота. С точки зрения эстетики многие площади, занятые современными автозаправочными станциями, заводами, многоквартирными домами, торговыми центрами, отдельными жилыми домами и другими обычными зданиями, часто выглядят бесформенными и серыми из-за своей однообразной, стандартизированной унылости. Их «функциональное удобство» совсем не компенсирует их уродство. Другие их преимущества тоже вряд ли компенсируют то чудовищное уродование великолепной красоты природы и окружающей среды, наносимое им современной коммерциализированной промышленностью и технологиями. Они не только загрязняют наш воздух, воды и землю, но и лишают нас их изначального великолепия и красоты. Средневековые пейзажи природной среды сел и городов, безусловно, были красивее, чем у модернизированных, урбанизированных и индустриальных городов и сел нашего времени.

Д. Особенно бесплодным было творчество современного человека *в области нравственных ценностей и этических идеологий, поведения и человеческих отношений*. Современный человек нынешнего века не создал никакой новой системы этики, не сформулировал никаких извечных и универсальных принципов, подобных древнему «золотому правилу» морали или основным нравственным императивам великих религий и этических систем прошлого.

Не создал он и оригинальной версии своей излюбленной – релятивистской, утилитарной, гедонистической или нигилистической – этики. Даже в этих чувственных вариантах нравственности современный человек не изобрел ничего, кроме опошленных и упрощенных перепевов предыдущих классических систем утилитаризма, гедонизма, эвдемонизма, цинизма и нигилизма.

Главные достижения современности в области морали носят скорее негативный, а не позитивный характер. Они заключаются в крайней идеологизации, релятивизации и атомизации нравственных ценностей, что сопровождается гигантским всплеском деморализации поведения и социальных отношений современных индивидов и групп.

Современный человек доминирующего типа неустанно объявляет все этические ценности всего лишь «рационализациями», «приукрашиваниями», «идеализированными оправданиями» и «деривациями», за которыми скрываются эгоистические интересы, жажда обогащения, животные потребности и вождения отдельных лиц и групп. Правовые нормы также провозглашаются современными идеологиями инструментами, с помощью которых хитрые властные группы эксплуатируют простодушные и слабые массы, т.е. формой обмана, используемой господствующим классом для порабощения и ограбления подвластных им классов. Разница между «добром» и «злом» и всеми моральными императивами объявлена вполне относительной, изменяющейся в зависимости от обстоятельств и не обязывающей ни одного человека, если он не хочет их принимать. Само нравственное сознание, понятия моральная «вина» и «раскаяние» диагностированы как своего рода психическое расстройство.

В результате этого разложения и атомизации нравственных ценностей они утратили свою святость, связующую силу и во многом перестали контролировать поведение современного человека. Социальными последствиями этого разложения и релятивизации стали общий моральный разброд, этическая аномия и анархия и торжество принципа «сила – это право», который исповедуют как руководители, так и прочие «водители» современного человечества.

«Освобожденный» от «вины» и управления со стороны внутренних религиозных, моральных, правовых и эстетических норм, современный человек, сопровождаемый напыщенной ложью, стал жертвой своих дезорганизованных* биологических инстинктов и грубой силы, сопровождаемой напыщенной ложью.

Неуправляемые биологические инстинкты и грубая сила не могли заменить упорядоченный контроль предыдущих социокультурных норм религии и морали (в том числе норм, которые предписывали обычаи, нравы, народные традиции) и не могли предотвратить заметный регресс современного человеческого поведения в сторону дисфункционального, беспорядочного, насильственного поведения «худших из зверей», скрывающегося в человеке. Этот регресс неизбежно привел к гигантским взрывам «чрезмерно смертоубийственных и тотальных войн», кровопролитным революциям и групповым конфликтам, к апокалиптическим разрушениям и ужасающим зверствам, совершаемым в больших масштабах современным человеком над своими собратьями, такими же современными людьми, в нынешних войнах и в ходе внутренней борьбы. Несмотря на то, что в высокопарных речах и сочинениях современных ораторов и авторов громогласно провозглашались святость человеческой жизни и достоинство человека, и жизнь, и достоинство человека были растоптаны в наше время так же безжалостно, как растаптывались они в отдельные периоды человеческой истории. Реальная поведенческая мораль современных людей опустилась до одного из самых низких уровней исторического существования человечества.

Эта полнейшая деморализация проявляется не только в межгосударственных, коллективных войнах и групповых конфликтах, но и в частных отношениях современного «цивилизованного» человека. В этом столетии число преступлений, особенно наиболее тяжких, резко возросло. Наши мегаполисы стали опаснее для жизни своих граждан, чем джунгли. Безопасность жизни и неприкосновенность неотъемлемых прав человека в значительной степени исчезли. Индивидуальная и коллективная жизнь во многом приняла свирепый облик гоббсовской *bellum omnium contra omnes* [войны всех против всех]. Ежедневные новости сводятся к длинному перечню ряда бесконечных, каждый день совершаемых преступлений, нарушаемых обязательств и невыполненных обязанностей, людей, которых убили, искалечили и жестоко унизили.

Эту мрачную картину доминирующего типа современного человека еще больше усугубляет лихорадочная гонка современных великих держав по созданию ядерного, химического, бактериологического оружия, предназначенного для ведения войны на взаимное уничтожение рода человеческого в будущих мировых войнах. Сам

* «Дезорганизованных» – потому что в то время как поведение других видов хорошо контролируется их рефлекторно-инстинктивным механизмом, этот механизм был в значительной степени нарушен и стал нефункциональным у *homo sapiens* на более ранних стадиях эволюции человеческого вида.

факт того, что правительства и граждане этих держав откровенно хвастаются своими достижениями в деле подготовки к полному уничтожению этой планеты, является дополнительным и наиболее красноречивым свидетельством полнейшей, совершенно безумной деморализации современного человека.

Подведем итог. В области идеологической творчество современного человека было весьма незначительным и главным образом негативным; индивидуальное и коллективное нравственное поведение человека достигло одного из самых низких уровней, известных во все времена и во всех странах*. Но и в этом отношении есть значительная часть современного человечества, представители которой продемонстрировали подлинно героическую нравственность и в своих идеологических проповедях, и в своем поведении и в отношениях с ближними. Но пока эта часть современного человечества менее сильна в плане реализации своих нравственных идеалов и ценностей, чем доминирующая, «деморализованная» его часть. Возможно, со временем эта «позитивно поляризованная» часть сможет стать доминирующей и переломить тенденцию в направлении к чудовищной деморализации этого столетия; но пока она остается все еще менее влиятельной частью по сравнению с «доминирующей, негативно поляризованной» частью населения западных стран**.

3. В значительной степени самообманом является то, что современный человек горделиво выставляет напоказ: что он – *свободная личность, борец за свободу, освободитель всех социальных групп и всех отдельных лиц от всевозможных форм несправедливых ограничений, подавления их свободы и неотъемлемых прав*. Наш нынешний человек представляет себя современным Прометеем, который разорвал цепи Зевса, освободив себя и всех остальных людей, какими бы силами и средствами они ни были поработаны. Помимо всего прочего, современный человек считает, что он сверг все автократические правительства в пользу демократических режимов, при которых «власть народа осуществляется самим народом и во имя народа», и навсегда установил свободы слова, печати, вероисповедания, собраний, союзов, ассоциаций и даже свободу полной самореализации каждого человека, свободу от страха, голода и нужды.

Фактически вместо этой иллюзии, которой так восхваляет самого себя современный человек, он заменил большинство республиканских и ограниченно-монархических либеральных режимов режимами диктаторскими и тоталитарными – коммунистическими, фашистскими, нацистскими, милитаристскими, олигархическими и цезаристскими (по терминологии О. Шпенглера), т.е. «бесформенным царством произвола». Эти цезаристские, диктаторские режимы формируют и контролируют

* Развитие и эмпирическое подтверждение кратко сформулированных положений раздела 2, А, В, С, D см. в «Динамике» (т. III, гл. 7–8; т. II, гл. 15; т. IV, гл. 5–7) и в «Кризисе нашего времени» (гл. VI–VII).

** Термины «позитивная и негативная поляризация» относятся к «закону творческой, моральной и религиозной поляризации», действующему во времена бедствий, кризисов и разочарований. Согласно этому «закону», в периоды катастроф и кризисов «нормальное большинство населения», которое в нормальных условиях не является ни слишком греховным, ни слишком святым, ни слишком творческим или нетворческим, имеет тенденцию к поляризации: некоторые становятся более религиозными, нравственными и творческими, в то время как другие более атеистическими, деморализованными, преступными и нетворческими. Подробнее об этом законе см. в моих сочинениях: *Man and Society in Calamity*. New York, 1942, ch. 10–12; *The Meaning of Our Crisis*. Boston, 1951, ch. 4; *The Ways and Power of Love*. Chicago, 1967; *The Western Religion and Morality of Today*, p. 24–43.

сознание, поведение и социальные отношения своих подданных более жестко, принудительно и полно, чем упраздненные либеральные, конституционно-демократические правительства. Все без исключения современные правительства западных стран, в том числе и формально демократические, в обязательном порядке подчиняют и контролируют гораздо большую часть жизни, идеологий, действий и социальных отношений своих подданных, чем правительства XIX в. И, соответственно, свободно выбираемая и решаемая отдельными лицами и частными группами часть социальных отношений, мыслей и действий в настоящее время намного меньше и гораздо сильнее ограничена, чем в предыдущем столетии. В странах с откровенно диктаторскими – коммунистическими, фашистскими, милитаристскими, олигархическими и прочими тоталитарными – режимами эта «свободная часть» сведена почти к нулю. В так называемых демократических государствах, подобных Соединенным Штатам, она также чрезвычайно урезана и сокращается год от года. Все еще существующие «парламенты, конгрессы и выборы – это заранее оговоренная игра, фарс, устроенный во имя свободы и самоопределения народа. Это конец демократии», – правильно заключает О. Шпенглер*.

Эти открыто диктаторские или скрытно тоталитарные – формально «демократические» – режимы в огромной степени сократили свободно выбираемую и самостоятельно определяемую часть жизни, действий, мыслей и отношений отдельных лиц и частных групп; отняли значительную часть «неотъемлемых» прав и свобод граждан и во многом заменили «власть народа, волей народа и для народа» самозванным «правительством политиков, созданным политиками и для политиков», диктаторски правящими своими подданными с симулякрами (или без них) в виде псевдовыборов, псевдопарламентов, псевдоконгрессов и прочих атрибутов «свободной демократии»**.

Таковы «славные» достижения современного человека в области политической и экономической свободы на Западе. И за эти сомнительные «свободы» он заплатил очень высокую цену – многими миллионами человеческих жизней, напрасно погибшими в Первую мировую войну (которая велась якобы для того, чтобы «сделать мир безопасным для демократии»), во время Второй мировой войны и других бесчисленных войн и революций; цену, еще более возросшую за счет ужасающих разрушений, зверств и безграничных страданий многих миллионов людей на всех континентах нашей планеты. Эта огромная цена, заплаченная за установление цезаристских режимов, превращает это достижение современного человека в одну из величайших неудач за всю историю человечества.

Еще хуже обстоят дела с «освободительными войнами» колониальных и «отсталых» народов от колониальной и всякой иной зависимости. Типичным примером настоящих «плодов» таких освободительных войн может служить «освобождение вьетнамского народа» от коммунистического господства «свободолюбивыми амери-

* Замечательный анализ современного цезаризма см. в книге О. Шпенглера (Decline of the West. New York, 1947, vol. II, p. 448–465). Его концепция цезаризма является наилучшей характеристикой явных и замаскированных тоталитарных режимов, установленных в этом столетии в западных странах, в том числе и в большинстве формально демократических.

** Развитие и обоснование этих выводов см. в моих книгах «Динамика» (т. III, гл. 5–7) и «Кризис нашего времени» (гл. V).

канскими вооруженными силами». В газете «People's Korea» (23 ноября 1966, с. 6) эти результаты подытожены следующим образом:

«С июля 1954 по июнь 1965 г. американские империалисты и их приспешники: Осуществили 160 000 крупных и мелких карательных операций.

Погибло 170 000 человек.

Ранено (при бомбежках, от стрелкового оружия и от пыток) 800 000 человек.

400 000 человек содержатся в заключении более чем в 1 000 тюрем.

Миллионы человек загнаны в “стратегические деревни”.

2 000 000 детей остались неграмотными.

Сровняли с землей десятки тысяч домов и деревень.

Изнасиловано 30 000 женщин, в их числе старухи, дети и верующие (монахини).

Погибли от бомбежек или оказались заживо погребенными под обломками 5 000 человек.

Отравлено ядовитыми химическими веществами более 60 000 га пахотных земель, что нанесло огромный ущерб животноводству, и заражены десятки тысяч человек».

Эти цифры красноречиво говорят об истинном характере «освобождения» отсталых стран «цивилизованным», «демократическим», «свободолюбивым», «щедрым» и «доброжелательным» современным человеком Запада в лице американцев. Вместо свободы освобождение принесло смерть, страдания, увечья и «мерзость запустения» сотням тысяч невинных людей, включая детей, женщин и стариков. Вместо процветания «освободители» уничтожили все средства к существованию у «освобожденного» населения. Вместо благ цивилизации и культуры они принесли «освобожденным народам» неимоверные зверства, преступления, коррупцию, пороки и болезни современных передовых цивилизаций. Стоит ли удивляться, что у «освобожденных» народов появилась новая молитва: «Упаси нас, Господи, от освобождения западной военщиной».

С небольшими вариациями то же самое можно сказать практически обо всех войнах, которые западный человек ведет за «освобождение» поработенных колониальных народов или бесправных социальных классов и других групп. По сравнению с этими «освобождениями» покорения и обращение с завоеванными народами армиями Цезаря, Чингисхана, Тамерлана или Наполеона были более гуманными и милосердными, чем современные геноцидные освободительные войны современных «свободолюбивых» «освободителей и благодетелей». Вот что можно сказать о доминирующем типе современного человека, когда он выступает в роли освободителя.

Наконец, если мы возьмем всю совокупность свобод, которыми пользуется современный человек как действительно независимый человек, то она, конечно, окажется не больше, чем у свободных народов и классов прошлого. Свободу можно определить как возможность для человека делать или не делать то, что ему заблагорассудится. Если его желания удовлетворены, он свободен; если нет, то он несвободен. Если общая сумма его желаний превышает имеющиеся у него средства их удовлетворения, то он несвободен; и наоборот, если сумма его желаний не превышает или меньше совокупности находящихся в его распоряжении средств их удовлетворения, то он свободен. Следовательно, мы выводим такую формулу свободы: сумма средств / сумма желаний. Когда числитель превышает знаменатель или равен ему,

«Наследие» № 1 (26) (2025)
человек свободен, в противном случае – нет. Поэтому человек может стать свободным двумя различными способами: либо путем уменьшения своих желаний, чтобы сделать их равными или меньшими, чем доступные ему средства их удовлетворения, либо путем расширения своих желаний и пропорционального увеличения средств их удовлетворения. Первый путь есть путь внутренней аскетической, стоической или идеациональной свободы; второй – путь эпикурейской, чувственной свободы, нацеленный на то, чтобы постоянно расширять свои желания, особенно желания чувственных ценностей, идущий параллельно с пропорциональным расширением средств их удовлетворения. Доминирующий тип современного человека знает исключительно или главным образом чувственную эпикурейскую свободу, только к ней он стремится и одну ее ценит*.

Этот доминирующий тип постоянно стремится расширить свои желания и преумножить средства их удовлетворения. Чем больше у него есть, тем больше он хочет. Поскольку нет предела максимизации чувственных желаний и поскольку, согласно модифицированному закону Вебера–Фехнера, удовлетворение возрастает только как логарифм увеличения средств удовлетворения, то в этом порочном круге постепенно растет несоответствие между тем, что есть у современного человека, и тем, чего он хочет. В предложенной нами формуле свободы знаменатель (желания современного человека) стремится всегда превосходить числитель (средства удовлетворения этих желаний). В своем ненасытном стремлении к чувственной, эпикурейской свободе современный человек, как правило, оказывается в тисках несвободы, поскольку он не хочет, а зачастую и не может уменьшить свою чувственную жажду богатства, материальных благ, сексуальных и телесных удовольствий, стремление занять более высокое социальное положение и повысить свой статус, добиться популярности, славы и власти. Он вечно недоволен и мучим несоответствием между тем, чего он хочет, и тем, что у него есть.

Более того: его чувственная свобода приводит современного человека к непрекращающейся яростной борьбе с другими людьми и группами за как можно большую долю чувственных ценностей – богатство, любовь, удовольствие, комфорт, безопасность, власть, славу. Поскольку получить их можно в основном за счет кого-то другого, этот поиск усиливает борьбу современных индивидов и групп за существование и долю ценностей.

Кроме того, полная свобода современного человека также значительно сокращается под неизбежным давлением многих лиц и групп, с которыми он связан. С раннего утра до позднего вечера его повседневный бюджет времени заполнен исполнением работ и функций, которые он должен выполнять, независимо от того, хочет он того или нет. Почти все современные мужчины и женщины должны заниматься многими видами деятельности, которые им не нравятся, и не могут заниматься многими другими видами деятельности, которыми они занимались бы с удовольствием, должны смиряться со многими обстоятельствами и действиями других лиц и групп, которые, будь они свободны, они не потерпели бы вообще.

Современный человек стал рабом времени, измеряемого часами, которое беспоощадно и чрезвычайно жестко расписывает все его действия в течение каждых

* Подробнее об этих двух формах свободы и об их флуктуациях см. в «Динамике» (т. III, гл. 6) и «Кризисе нашего времени» (гл. V).

24 часов, зачастую лишая его даже нескольких часов отдыха, досуга и сна, независимо от его желаний и предпочтений. Множество его обязанностей и работ – частично выбранных им добровольно, но в значительной степени навязанных ему – заставляют современного человека всегда спешить, суетиться и бежать, чтобы не опоздать на работу, поспеть на поезд, самолет или автобус, которые доставляют его на место, где он должен быть по долгу службы. Изучение бюджетов времени современных мужчин и женщин различных стран и классов показывает, что у них в лучшем случае есть всего несколько часов для сна, отдыха и развлечений*.

Все выше изложенное убедительно свидетельствует о том, что обсуждаемая нами убежденность современного человека в том, что он – свободный человек *par excellence*, борец, защитник и зиждитель свободы для всех, освободитель угнетенных индивидов и групп, во многом является самодовольным заблуждением современного человека господствующего типа.

Это заблуждение характерно для доминирующего и распространенного типа современного человека. Бок о бок с этим типом существует и другой тип, который свободен от этого заблуждения. Этот тип меньшинства представляет собой благороднейший вид свободного человека, не только проповедующего свободу, но и практикующего ее в своих действиях и в отношениях со всеми ближними. К сожалению, этот тип все еще остается менее влиятельным меньшинством, по сравнению с тем типом современного человека, который составляет большинство.

4. Подобные заблуждения и самообольщения существуют и в некоторых других – идеологических, поведенческих и социокультурных – измерениях современного человека. Не пытаясь изобразить их в этом эссе, я просто нарисую обобщенный портрет современного человека, упоминая одну или две его общие характеристики. Как *личность в целом* современный человек представляет собой сложное, многоплановое существо, настоящее *coincidentia oppositorum* [соединение противоречий], или, если использовать психиатрические термины, многократно раздвоенная личность. Он несет в себе (порой в разительном контрасте) совершенно противоположные жизненные, ментальные, нравственные, эстетические и социокультурные добродетели и пороки. В этом смысле он имеет в себе самые благородные созидательные силы Ахура Мазды и злые, разрушительные силы Ахримана. Он служит Богу-Творцу и Сатане-Уничтожителю.

Этот противоречивый дуализм натуры современного человека во многом обусловлен тем, что ему суждено было родиться и жить, думать и действовать в самый катастрофический период человеческой истории. Катастрофы этого столетия поляризовали современные поколения на высоконравственных героических святых и циничных, преступных грешников, на возвышенно религиозных и воинственно атеистических, в высшей степени творческих и тупо бездарных личностей и группы. В дополнение к этой социокультурной поляризации индивидов и коллективов катастрофические условия этого века разделили и саму личность многих индивидов на дисгармоничные и «шизофренические» противоположности. Прискорбно, что до

* Данные см. в: Sorokin P., Berger C.Q. *Time-Budgets of Human Behavior*. Cambridge: Harvard University Press, 1939; Szalai M.A. *Recherche Comparative Internationale sur les Budgets temps*. Rapport présenté au VIe Congrès mondial de Sociologieю Evian, September, 1966; Forge S. *Les jours de semaines et les dimanches dans la vie des hommes et des femmes*. Budapest, 1966.

«Наследие» № 1 (26) (2025)

сих пор склонности Аримана в современном человеке преобладают над конструктивно-созидательными силами Ахура-Мазды. Если злые силы Аримана в современном человеке не приведут человечество к новой самоубийственной мировой войне и последующему прекращению творческой миссии *homo sapiens* на этой планете, то есть надежда, что благороднейшие силы Бога-Творца со временем вырастут и одержат верх над злыми силами смерти и разрушения. Я могу завершить этот скромный набросок иллюзий и самообольщений господствующего типа современного человека выражением надежды на то, что в человеческой вселенной вновь расцветут все подлинно истинные, добрые и прекрасные созидательные силы человечества.

Сведения об авторах

Антонов Владимир Иосифович, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (г. Улан-Удэ).

wlanto50@mail.ru

Antonov Vladimir Iosifovich, doctor of philosophy, professor, honored worker of science of the Russian Federation (Ulan-Ude).

Быков Александр Сергеевич, аспирант кафедры теории и истории социологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург).

sashab.99@mail.ru

Bykov Aleksandr Sergeevich, PhD student at the Department of theory and history of sociology of the St. Petersburg State University (St. Petersburg).

Журавлева Екатерина Алексеевна, студентка бакалавриата факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург)

st116784@student.spbu.ru

Zhuravleva Ekaterina Alekseevna, student of the bachelor degree of faculty of sociology of the St. Petersburg State University (St. Petersburg).

Ковалёв Виктор Антонович, доктор политических наук, профессор кафедры философии и социально-политических наук Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Сыктывкар).

vant_2000@mail.ru

Kovalev Victor Antonovich, doctor of political sciences, professor of the department of philosophy and socio-political sciences of the Syktyvkar State University after Pitirim Sorokin (Syktyvkar).

Ковальчук Светлана Николаевна, доктор философии, ведущий исследователь Института философии и социологии Латвийского университета (Рига, Латвия).

sv.kovalchuk@gmail.com

Kovalchuk Svetlana Nikolaevna, doctor of philosophy, leading researcher of the Institute of philosophy and sociology of the Latvian University (Riga, Latvia).

Сапов Вадим Вениаминович, старший научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Москва).

vadven56@yandex.ru

Sapov Vadim Veniaminovich, senior researcher of the Federal research sociological center of the Russian Academy of Sciences (Moscow).

№ 1 (26) (2025)
«Наследие»
Русанова Вера Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и зарубежных стран Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Сыктывкар).

vera.petrashun@yandex.ru

Rusanova Vera Sergeevna, candidate of history, associate professor of the Department of history of Russia and Foreign Countries of the Syktyvkar State University after Pitirim Sorokin (Syktyvkar).

Хренов Николай Андреевич, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Отдела медийных и массовых искусств Государственного института искусствознания Министерства культуры Российской Федерации (Москва).

nihrenov@mail.ru

Khrenov Nikolay Andreevich, doctor of philosophy, professor, chief researcher of the Department of media and mass arts of the State Institute of Art Studies of the Ministry of Culture of the Russian Federation (Moscow).

**Сведения о научном журнале «Наследие»
ГБУ РК «Центр «Наследие» имени Питири́ма Сорокина»
и правила оформления предоставляемых статей**

«Наследие»
№ 1 (26) (2025)

Журналу присвоен международный номер ISSN. 2312-0517.

Научным статьям присваивается международный цифровой идентификатор объекта DOI (Digital object identifier).

Журнал включен в базу данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, а также в Российский индекс научного цитирования и располагается в научной электронной библиотеке на сайте www.elibrary.ru.

Полнотекстовые варианты статей, присланных для публикации в журнал, размещаются в научной электронной библиотеке (www.e-library.ru). Материалы статей размещаются в Российском индексе научного цитирования. Рецензирование осуществляется членами редколлегии или внешними экспертами.

Журнал выпускается два раза в год.

Редколлегия журнала принимает к рассмотрению статьи, посвященные изучению наследия Питири́ма Сорокина, а также материалы по результатам исследований в области социально-политических, философских, историко-культурологических наук.

Основные рубрики журнала «Наследие»:

- Социокультурная динамика;
- Социокультурные и политические практики;
- Из истории социологии;
- Социокультурный контекст литератур финно-угорских народов;
- Личность в социокультурном мире;
- Имя в контексте эпохи;
- Из научного наследия;
- Научная жизнь;
- Рецензии.

Требования к публикуемым материалам: актуальность, высокий научный уровень, хороший стиль изложения. Статьи должны быть интересны широкому кругу читателей. Возможна публикация на английском языке.

Редакция оставляет за собой право на редактирование и сокращение материалов.

В рамках подготовки рубрики «Первые шаги в науке» редакция принимает работы научного характера студентов старших курсов и магистрантов по следующим направлениям:

1. Социология.
2. Культурология.

Статьи студентов и магистрантов принимаются при наличии рецензии-рекомендации научного руководителя.

На электронный адрес журнала [rksorokinctr@mail.ru] необходимо отправить:

- текстовый файл со статьей с указанием индекса УДК;
- аннотацию на русском и английском языках, ключевые слова на русском и английском языках, сведения об авторе (авторах) с указанием фамилии, имени и отче-

ства (полностью), научных званий, должностей, места работы (обязательно указывается кафедра), электронного и почтового адресов на русском и английском языках.

Рекомендуется следующая схема представления научной статьи в журнале:

- *индекс УДК* статьи;
- *автор (или авторы)*: фамилия, имя, отчество;
- *город*;
- *название статьи*;
- *аннотация* (авторское резюме) на русском языке может быть компактной (укладываться в один абзац, объем до 600 знаков);
- *ключевые слова* – 5–6 (пишутся через запятую);
- *автор (авторы)* – фамилия, имя, отчество в транслитерации (латинице);
- *название статьи* в переводе на английский язык;
- *аннотация* (авторское резюме) на английском языке;
- *ключевые слова* (keywords) на английском языке;
- *текст статьи*. Объем публикаций – до 1 п.л. (40000 знаков); 12 кегль, гарнитура Times New Roman, одинарный интервал, поля верхнее и нижнее по 2,0 см, левое – 3,0 см, правое – 1,5 см.

В статьях используется система текстовых ссылок в квадратных скобках с указанием автора работы, года издания, страницы – все через запятую, напр.: [Петров, 2006, с.10]. При отсутствии автора приводится сокращенное название источника, напр.: [Материалы переписи..., 2006, с.10]. Источники в библиографическом списке располагаются в алфавитном порядке;

- *список литературы* на русском и английском языках;
- *аффилиация* – все данные об авторе (авторах): фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, должность, место работы (обязательно указывается кафедра), электронный и почтовый адрес на русском и английском языках.

Правила оформления библиографических ссылок см. на сайте Центра «Наследие» имени Пителима Сорокина rksorokinctr.org в разделе «Журнал “Наследие”» [<http://rksorokinctr.org/images/nauka/pravila.pdf>]

По всем возникающим вопросам авторы могут связаться:

- с главным редактором журнала Кузвановой Ольгой Юрьевной по тел. (8212) 20-16-12, e-mail: rksorokinctr@mail.ru